

ЮРИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

Алексей
Карпов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Великий князь Юрий Всеволодович — трагическая фигура русской истории. Его гибель на берегах реки Сити 4 марта 1238 года знаменовала собой конец существования независимого и могущественного Владимиро-Суздальского княжества и навсегда разделила историю России надвое: на до-и послемонгольскую. Автор рассказывает о личности «последнего правителя древней Руси» на основании скрупулёзного исследования всех сохранившихся к настоящему времени источников.

Большое внимание уделено в книге основанию князем Юрием Всеволодовичем города Нижнего Новгорода, празднующего в 2021 году своё 800-летие.

- [Алексей Карпов](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Последний правитель древней Руси](#)
 - [Часть первая. Хроника жизни и трагической гибели великого князя Юрия Всеволодовича](#)
 - [Год 1188. Суздаль](#)
 - [Год 1191. Суздаль](#)
 - [Год 1195. Владимир](#)
 - [Год 1197. Владимир](#)
 - [Год 1199. Владимир](#)
 - [Год 1200. Переяславль-Залесский](#)
 - [Год 1201. Владимир](#)
 - [Год 1204. Константинополь](#)
 - [Год 1205. Владимир](#)
 - [Год 1206. Село Ясенево, под Москвой](#)
 - [Год 1207. Владимир. — Москва. — Пронск](#)
 - [Год 1209. Торжок, Тверь. — Река Дрезна](#)
 - [Год 1211. Владимир](#)
 - [Год 1212. Владимир. — Река Ишня. — Владимир](#)
 - [Год 1213. Владимир. — Река Ишня. — Москва](#)
 - [Год 1214. Владимир](#)

- [Год 1215. Новгород](#)
- [Год 1216. Липица. — Городец Радилов](#)
- [Год 1217. Суздаль](#)
- [Год 1218. Владимир](#)
- [Год 1219. Владимир. — Устюг](#)
- [Год 1220. Владимир. — Волжская Болгария. — Городец Радилов](#)
- [Год 1221. Нижний Новгород](#)
- [ГОД 1222. Суздаль. — Новгород Великий](#)
- [Год 1223. Прибалтика. — Река Калка](#)
- [Год 1224. Торжок](#)
- [Год 1225. Нижний Новгород. — Суздаль](#)
- [Год 1226. Великий Новгород. — Владимир. — Черниговская земля](#)
- [Год 1227. Владимир. — Новгород Великий. — Нижний Новгород](#)
- [Год 1228. Владимир. — Новгород](#)
- [Год 1229. Мордовская земля. — Суздаль](#)
- [Год 1230. Владимир. — Юрьев-Польский. — Новгород](#)
- [Год 1231. Ростов. — Село Уполозы, под Москвой](#)
- [Год 1232. Владимир](#)
- [Год 1233. Суздаль](#)
- [Год 1234. Река Амовжа](#)
- [Год 1235. Владимир. — Киев. — Монгольские степи](#)
- [Год 1236. Владимир. — Шяуляй. — Волжская Болгария](#)
- [Год 1237. Владимир](#)
- [Зима 1237/38. Рязань... Коломна... Москва... Владимир. — Река Сить](#)
- [Год 1239. Владимир](#)
- [Часть вторая. Святой Георгий Владимирский в церковном предании](#)
 -
 - [Из Степенной книги царского родословия](#)
 - [Из Жития благоверного великого князя Александра Невского, нового чудотворца \(в редакции архиепископа Ионы Думина\) \[200\]](#)
 - [Из Жития новоявленных мучеников и исповедников великого князя Михаила Черниговского и боярина его воеводы Феодора \(Чудовский список\)](#)

- [Плач великого князя Юрия Всеволодовича \(Из летописной повести о приходе безбожного царя Батыея на Русь, по рукописи XVII века\)](#)
- [Из Летописца Владимирского собора\[202\]](#)
- [Надписи на гробнице святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича](#)
- [Из «Костромского» Жития князя Георгия Всеволодовича](#)
- [Из «Китежского летописца»](#)
- [Основные вехи биографии великого князя Юрия Всеволодовича](#)
- [Список источников и литературы](#)
 - [Источники](#)
- [Над книгой работали](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)

- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)

- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)

- [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
 - [202](#)
 - [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
 - [208](#)
 - [209](#)
 - [210](#)
 - [211](#)
 - [212](#)
 - [213](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2072

(1872)

**Алексей Карпов
Великий князь
Юрий Всеволодович**

МОСКВА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

2022

© Карпов А. Ю., 2021
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2021

*

**К 800-ЛЕТИЮ
НИЖНЕГО НОВГОРОДА**

Памяти отца, Юрия Всеволодовича Карпова

Последний правитель древней Руси

Князь Юрий Всеволодович — трагическая фигура русской истории. Это последний из великих князей владими́ро-сузда́льских, последний правитель могущественной и процветающей, независимой Владимирской державы. Той самой, о которой спустя несколько лет после его смерти напишет безвестный русский книжник, свидетель страшного монгольского нашествия на Русь, автор «Слова о погибели Русской земли» — признанного шедевра древнерусской литературы:

О светло светлая и украсно украшена земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озёры многими удивлена еси, реками и кладязьми местночтимыми, горами, крутыми холмы, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, сёлы дивными, винограды обительными, дома церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими — всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!

И далее — о могучих и благородных правителях этой благословенной земли:

Отселе до угор и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, и от ятвягов до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до Устюга, где обитают тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы — то всё покорено было Богом христианскому языку поганские страны — великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху... А литва из болота на свет не показывалась, а угры твердили города каменные вратами железными... а немцы радовались, далече будучи за Синим морем...

И в те дни беда христианам — от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского...^[1]

Юрий, князь Владимирский, брат «нынешнего Ярослава», того, при котором, видимо, и писались эти строки, и есть герой нашего повествования. Автор «Слова о погибели Русской земли» создавал идеализированный, сильно приукрашенный образ державы Юрия и его предшественников на владимирском и суздальском престоле — прадеда Владимира Мономаха, деда Юрия Долгорукого, отца Всеволода Большое Гнездо (а мы добавим к ним ещё и дядю, Андрея Боголюбского). Но общие контуры, намеченные им, различимы: «светло светлая и украсно украшенная» Владимиро-Суздальская Русь и в самом деле была исполнена богатством и славой, бесчисленными городами и дивными сёлами, церквями и монашескими обителями, и слава о её грозных князьях расходилась далеко по свету. Договорные отношения связывали владимирских князей и с венгерскими («угорскими») королями, и с польскими («ляшскими») и чешскими князьями, которые, конечно же, не только «твердили» каменные стены и железные врата своих городов, отгораживаясь от покушений на свои земли, но и сами не раз вторгались в западные пределы Руси, сажая своих ставленников на княжеские престолы — например в Галич, — и всё же должны были считаться с великим князем Владимирским и теми из русских князей, кто пользовался его покровительством. Через своих ближайших родичей владимирские «самодержцы» стремились держать в повиновении Новгород, чьи дружины и в самом деле ходили в дальние походы, в том числе и в «чудские» (эстонские) земли, где их противниками оказывались немецкие рыцари Ливонского ордена, как раз в эти годы устанавливавшие свою власть в Прибалтике. Конечно, и «немцы», и «чудь», и «литва» и сами нападали на новгородские земли, так что подконтрольная Новгороду территория неуклонно сужалась, делая мир и с «немцами», и с «литвой» насущной задачей правителей Новгорода и стоящего за их спиной великого князя Владимирского. Воевали новгородцы и в землях «корелы», и ещё дальше, у Белого («Дышащего») моря. Ещё отец Юрия Всеволод поставил на реке Сухоне, против слияния её с рекой Юг город Устюг — оплот русского влияния на Севере, а самому Юрию не раз приходилось воевать и с волжскими болгарами, и с воинственной мордвой, и с черемисами (предками нынешних марийцев), хотя все эти земли никогда не были покорены ни им, ни его предками.

Словом, повторяюсь, перед нами некий идеальный, во многом вымышленный образ державы князя Юрия Всеволодовича и его предков. Но слишком силён был контраст между прошлым и настоящим, чтобы прошлое это не окрашивалось в самые радужные цвета и не казалось

лишённым каких бы то ни было тёмных оттенков...

Сегодня мы отделены от эпохи князя Юрия Всеволодовича уже не годами и не десятилетиями, а многими столетиями. Но в чём-то наш нынешний взгляд на его эпоху близок к тому, о чём писал автор «Слова о погибели Русской земли». Ибо гибель князя на берегу реки Сити восемь веков назад навсегда разделила историю России надвое: на домонгольскую и послемонгольскую. И мы, как и автор «Слова...», принадлежим ко второму, послемонгольскому её периоду. А потому эпоха великого князя Юрия Всеволодовича и его предков для нас — какая-то иная цивилизация, неведомая или не до конца понятая нами. А ведь время самого Юрия — это одновременно и расцвет домонгольской Руси, и её крушение, произошедшее стремительно, всего за несколько лет. А если говорить о Владимирской Руси — то в считанные недели, за два с небольшим месяца...

Великий князь погиб 4 марта 1238 года. Меньше чем за месяц до него, 7 февраля того же года, в сожжённом Владимире погибла вся его семья: жена, трое сыновей, дочь, внучки, снохи. Обезглавленное тело Юрия было найдено среди множества других мёртвых тел на месте побоища на реке Сити и перенесено сначала в Ростов (куда потом принесли и отрубленную голову князя), а затем, спустя почти два года, — в стольный Владимир. Князя похоронили в очищенном от трупов и заново освящённом Успенском соборе. Тем, кто уцелел, надо было хоронить погибших, восстанавливать сожжённые города и сёла, освящать осквернённые храмы, а на это требовалось время. Но главное, надо было учиться жить в новых обстоятельствах, под пятой жестоких завоевателей...

Всё это уже не имело никакого отношения к личности великого князя Юрия Всеволодовича. Он остался в предыдущей эпохе. И гибель его лишь обозначила масштаб произошедшей трагедии.

Соответственно, и взгляд на князя оказывался двойственным: с одной стороны, он принял смертную муку вместе с людьми своего княжества, в какой-то степени за людей своего княжества — и в этом своём качестве мог почитаться (и почитается!) как мученик и страстотерпец. А с другой — именно он оказался невольным виновником случившейся трагедии, не уберёгшим своих людей от гибели.

Эту двойственность мы ощущаем уже в летописных рассказах о гибели князя. Читая книгу, можно, например, сравнить почти современное событиям свидетельство Новгородской летописи — и записанный несколько позднее, но тоже в XIII веке, рассказ Суздальской (Лаврентьевской): говоря о поведении князя во время нашествия Батыя и о его гибели на Сити, они очень по-разному расставляют акценты. Или, в ещё

большей степени, вопиюще противоречащие друг другу повествование Степенной книги царского родословия, прославляющее Юрия как святого и благоверного князя, — и донельзя очерняющую его злую легенду, приведённую в одной из редакций Жития современника Юрия, святого князя-мученика Михаила Черниговского (оба эти текста, принадлежащие XVI столетию, помещены во второй части книги).

Да и по сей день отношение к князю различается — порой кардинально. Люди воцерковлённые почитают его как мученика и святого, и к его гробнице во владимирском Успенском соборе всегда стоит очередь желающих приложиться к его мощам. Другие видят в нём прежде всего незаурядного политика, третьи — рыцаря, пожертвовавшего жизнью ради родной державы. Но есть и те, и их немало, для кого князь Юрий — лишь слабовольный и трусливый правитель, более пекущийся о собственном благе и не способный предвидеть будущее хотя бы на один шаг вперёд...

Но нашествие Батые и гибель на реке Сити — далеко не единственные сюжеты в биографии великого князя, заслуживающие внимания. Не будем забывать о том, что князь был основателем Нижнего Новгорода — города, которому суждена была великая судьба. А такое — историческая прерогатива далеко не каждого правителя! Поздняя легенда приписывает Юрию основание ещё одного города, носящего его имя, — Юрьевца Повольского (ныне Юрьевец Ивановской области). В XVII веке князь Юрий (или, правильнее, согласно церковной традиции, Георгий) Всеволодович был причислен к лику святых — между прочим, последним перед великим Расколом Русской церкви, что объясняет особое почитание его приверженцами старого обряда. И именно в старообрядческой среде возникла легенда об основании им ещё двух городов-призраков древней Руси — Малого и Большого Китежей. Так князь приобщился и к сказочной, или, если угодно, эсхатологической, истории Руси, связанной с ощущением близящегося конца света. В легенде о граде Китеже, равно как и в знаменитой опере Римского-Корсакова на ту же тему князь Георгий предстаёт перед нами совсем в другом образе, в котором едва различимы черты подлинного владимирского правителя XIII столетия.

Предлагаемая вниманию читателей книга — далеко не первая посвящённая князю Юрию Всеволодовичу. Биографические книги и очерки о нём выходили и прежде, ещё в позапрошлом веке (написанные, правда, большей частью в чисто житийном, агиографическом ключе), и в недавнее время, когда в свет вышли сразу несколько исследований, выполненных на самом высоком научном уровне^[2].

Так нужна ли ещё одна книга о нём? Думаю, что сведение воедино

всех имеющихся в нашем распоряжении источников, рассказывающих о великом князе, его объёмный портрет на фоне Руси его времени будут в любом случае не лишними. Ибо история Юрия — это, повторюсь ещё раз, последний акт истории домонгольской Руси. И картина её трагического крушения без фигуры князя, без осознания масштаба его личности и уяснения особенностей его внешней и внутренней политики оказывается неполной и непонятной для нас.

При этом автор ни в коем случае не берётся выносить какой-либо приговор князю — не важно, обвинительный или оправдательный, не берётся судить, чего больше — позитивного или негативного — было в его политике: ни тогда, когда он только шёл к власти в жестокой борьбе со своим старшим братом, ни когда выступал в качестве правителя Владимирского княжества, ни тогда, когда, как мог, сопротивлялся нашествию Батые. Выносить приговор историческому лицу — вообще не в компетенции историка. Свою задачу автор видел в другом: попытаться более или менее объективно взглянуть на своего героя через призму сохранившихся источников при здоровой оценке каждого из них, при понимании того, к какому времени и к какой исторической среде они принадлежат.

Первая и основная часть книги построена как подробная, год за годом, хроника пятидесяти лет жизни великого князя. Она основана на выдержках из подлинных исторических документов, как русских, так и иноязычных. Юрий редко выбирался за пределы Владимиро-Суздальского княжества. Тем не менее о нём было известно и в далёких от Руси странах — как на латинском Западе, так и на Востоке: в Персии и даже Китае. Правда, собственное имя князя иностранные источники называют редко — только в связи с его трагической гибелью, воспринимаемой как гибель всей его державы. Русских источников, конечно же, намного больше. Но и они, признаемся, не слишком разнообразны. Прежде всего, это летописи — бесценный клад наших знаний о древней Руси. В первую очередь следует назвать наиболее ранние из них — так называемую Лаврентьевскую (она была составлена монахом Лаврентием в 1377 году, в основе же её лежит Суздальская летопись начала XIV века, вобравшая в себя более ранние летописные своды) и Новгородскую Первую старшего извода (её первая, древнейшая часть, доходящая до 1234 года, переписана в конце XIII века; вторая — во второй четверти XIV века); они чаще других используются в книге. Стоит сказать, что ко времени княжения Юрия Всеволодовича летописи всё явственнее приобретают официальный характер и выражают интересы заказчика — того или иного церковного

иерарха или князя. Читая летописи, можно увидеть, насколько по-разному освещаются в них одни и те же события из жизни Юрия и Руси его времени. Это относится и к тем же Новгородской Первой и Лаврентьевской, и к другим: южнорусской по своему происхождению Ипатьевской (Киевской и продолжающей её Галицко-Волынской) и созданным в Северо-Восточной Руси так называемой Радзивиловской, Летописцу Переяславля Суздальского, Московскому летописному своду конца XV века. Исследователи русского летописания выявляют в них фрагменты летописных сводов, составленных в окружении самого Юрия и его ближайших родственников, братьев и племянников. Так, в составе Лаврентьевской летописи сохранился летописный свод старшего брата Юрия, великого князя Константина Всеволодовича, и его сыновей; Летописец Переяславля Суздальского включает в себя летопись младшего брата Юрия, Ярослава Всеволодовича; фрагменты летописания самого Юрия Всеволодовича находят в составе Московского летописного свода конца XV века.

Но это именно фрагменты, особенно если говорить о летописании Юрия Всеволодовича. А потому и фигура великого князя «расплывается» в массиве летописных сведений. Личность Юрия Всеволодовича вообще проявляется не слишком ярко — даже на фоне его современников, например, младшего брата Ярослава. Юрий меньше воюет, чем брат, больше времени проводит в своём Владимире на Клязьме, реже ходит в походы. Хорошо это или плохо для его подданных, сказать трудно — может быть, и хорошо. Но для биографа — однозначно плохо.

Уникальные сведения о Юрии Всеволодовиче и событиях его времени содержатся и в других летописных сводах XV–XVI веков, и они, конечно, тоже представлены в книге. Равно как и сочинения, написанные в других жанрах, — а это жития современных ему русских святых, послания церковных иерархов и т. д. Тексты памятников, в том числе и древнерусских, приведены, в основном, в переводе на современный русский язык. В тех случаях, когда имя переводчика не указано, перевод выполнен автором. Все приведённые в книге цитаты снабжены указанием на источник, из которого они извлечены (первая цифра в скобках). Полный список источников и исследований дан в конце книги.

Вторая часть книги посвящена тому, как менялся со временем взгляд русских книжников на Юрия (Георгия) Владимирского — святого благоверного князя-мученика и героя позднейшей легенды. В качестве приложения в эту часть книги помещены некоторые тексты или фрагменты текстов, наиболее интересные, на взгляд автора. Знакомясь с ними, можно

увидеть, как далеко отстоит образ князя — героя Жития или Китежской легенды — от того образа, который вырисовывается из пускай и скудных летописных известий о нём. Однако таков закон жанра. В истории так бывает всегда, когда речь идёт о героях из нашего далёкого, а порой и недавнего прошлого. Но в том-то и дело, что и реальный владимирский князь, и его легендарный, даже сказочный образ сосуществуют в нашей исторической памяти на равных. И различить их порой очень непросто.

Удалось ли сделать это автору книги? Судить об этом читателю.

Часть первая. Хроника жизни и трагической гибели великого князя Юрия Всеволодовича

Год 1188. Суздаль

Из Ипатьевской летописи

...Той же осенью родился сын у великого [князя] Всеволода в Суздале в Филиппово говение^[3], месяца ноября в 26-й день, на освящение церкви мученика Георгия. И велел отец его Всеволод епископу Луке наречь ему имя Юрий — дедово имя, и была радость великая во всей Суздальской земле, и устроил Всеволод праздник великий^[4].

(28. Стб. 659)

И для отца, и для матери радость от рождения сына была особенной, ибо она пришла на смену печали. За два месяца до рождения Юрия умер третий сын Всеволода — младенец Глеб (а ещё за год до того — и второй, Борис). Отец Юрия, Всеволод, несомненно, должен был увидеть добрый знак в том, что новорожденный появился на свет в день, посвящённый святому покровителю своего деда, основателя всего рода князей Юрьевичей — Юрия Долгорукого (в так называемый осенний «Юрьев день» — память освящения церкви Святого Георгия в Киеве). Наречение «дедним» (то есть дедовым) именем, да ещё совершённое ростовским владыкой, должно было снять печать некоего проклятия, тяготившего княжескую чету. И действительно: спустя год с небольшим, 8 февраля 1190 года, у княгини родится пятый сын, наречённый Ярославом (а в крещении Фёдором) — родится столь же здоровым, как и Юрий. Здоровыми и жизнеспособными появятся на свет и следующие их сыновья.

После смерти в младенчестве Бориса и Глеба Юрий стал вторым по старшинству сыном Всеволода Большое Гнездо. Он уступал лишь первенцу княжеской четы — Константину, появившемуся на свет за три года до него, в 1185 году.

Юрий (или Юрги, Гюрги, как звучит это имя в летописи) — русское произношение имени Георгий. Для княжича имя это одновременно стало и мирским, используемым в повседневной жизни, и крестильным — для церкви. Дело в том, что в древней Руси в течение долгого времени князья, как правило, носили два имени — крестильное и мирское, княжеское. Но в

XII веке некоторые имена стали восприниматься как одновременно княжеские и крестильные; это, как правило, были крестильные имена великих, прославленных предков — например, Василий (крестильное имя святого Владимира, Крестителя Руси, и его правнука Владимира Мономаха), Роман и Давыд (христианские имена первых русских святых Бориса и Глеба), Андрей (крестильное имя внука Владимира Святого князя Всеволода Ярославича). И Георгий — имя, которое носил в крещении князь Ярослав Мудрый. В летописи князь Юрий Всеволодович будет именоваться то Юрием, то Георгием — как мы убедимся, летописцы не видели большой разницы между двумя формами этого имени.

Небесным покровителем новорожденного стал святой воин великомученик Георгий Победоносец, один из наиболее почитаемых на Руси святых. Пять десятилетий спустя в посмертной похвале князю летописец назовет его «мужеству тезоименитым» (27. Стб. 468). И хотя имя Георгий с греческого языка переводится иначе (Георгий по-гречески значит «земледелец»), в словах летописца был ясный смысл: на Руси, как и в других странах, убитый язычниками святой Георгий почитался как покровитель воинов, а Юрий примет смерть как воин — на поле брани, от рук язычников-татар.

Князь Всеволод Юрьевич (в крещении Дмитрий), вошедший в историю с прозвищем Большое Гнездо, а в летописи именуемый Всеволодом Великим, находился в то время на вершине своего могущества. Его ставленники правили Новгородом и Рязанью; его «сестричич» (племянник), галицкий князь Владимир Ярославич, открыто прибегал к его покровительству, объявляя себя во всей его власти («А яз Божий и твой есмь со всем Галичем, а во твоей воле есмь всегда!» — таковы его собственные слова (28. Стб. 667)); от воли Всеволода Великого не раз зависела судьба киевского престола.

Авторитет Всеволода был признан во всём русском обществе. «Великий княже Всеволоде! — мысленно обращался к нему его современник, автор „Слова о полку Игореве“. — ...Ты бо можеша Волгу веслы раскропити (расплескать. — А. К.), а Дон шеломы выльяти (вычерпать. — А. К.)» (57. С. 60). Автор же Лаврентьевской летописи посвятил ему такую восторженную похвалу:

...Много мужества и дерзости явил в боях, украшен всеми добродетелями, злых казня, а благоразумных милуя... От одного имени его трепетали все страны, и по всей земле прошёл слух о нём...

(27. Стб. 436–437)

И если это и было преувеличением, то не слишком большим, ибо имя Всеволода как одного из сильнейших русских князей с почтением произносилось в то время и на западе, и на востоке христианского мира — и в Византии, и в Священной Римской империи, и в Венгерском королевстве, и в Польше. Известно это имя было и в православных Армении и Грузии, и даже в далёком Иране.

Необыкновенной женщиной была и мать Юрия, княгиня Мария. Историки до сих пор спорят, кем она была по происхождению и к какому роду-племени принадлежала — «ясскому», то есть аланскому^[5], или чешскому. Надо признать, что вопрос этот хотя и не такой принципиальный, каким его иногда представляют, но всё же немаловажный — ведь речь идёт о происхождении не только героя нашей книги, великого князя Юрия Всеволодовича, но и всех других потомков княжеской четы — русских князей, правивших впоследствии и во Владимире, и в Ростове, и в Суздале, и в Москве, и в других русских землях. Ибо Мария родила Всеволоду восьмерых сыновей и нескольких дочерей, так что прозвище «Большое Гнездо» по праву может принадлежать ей в не меньшей степени, нежели её супругу. Но кроме того, Мария «Всеволожая» (то есть «Всеволодова»: в древней Руси женщин чаще всего называли по мужу) была основательницей существующего и поныне владимирского женского Успенского монастыря (знаменитого Княгинина) и в этом качестве почитается Церковью как святая.

Надо сказать, что обе версии её происхождения — и «чешская», и «ясская» — представляются вполне обоснованными, ибо опираются на весьма авторитетные источники.

Статья «А се князи русские» (читающаяся в той же рукописи середины XV века, что и Новгородская Первая летопись младшего извода), а также ряд других летописных и внелетописных источников приводят отчество супруги князя Всеволода Юрьевича — а это редчайший случай для княгинь, не принадлежавших к роду Рюриковичей. И отчество это звучит не слишком привычно для нашего уха: Шварновна. Указана в этих источниках и этническая принадлежность отца Марии: «...А княгини его, Мариа Всеволожа Шварновна (здесь так! — А. К.), дщи князя чешьского...» (22. С. 468; см. также: 37. Стб. 311; 36. Стб. 301; 23. С. 216, 217; 42. С. 19, 36; 58. С. 456, 459; и др.). Это с одной стороны. С другой же — известно, что у Марии имелись по меньшей мере две младшие сестры, и одна из них названа в летописи «Ясыней» (28. Стб.

625). Получается, что «ясыней» была и её старшая сестра, мать Юрия? Или всё-таки «чехиней», как об этом говорит внелетописный источник?

В книге, посвящённой отцу Юрия, князю Всеволоду Большое Гнездо, я уже изложил своё мнение относительно происхождения княгини Марии (92. С. 63–70). Здесь же скажу, что источник статьи «А се князи русские», хотя она и сохранилась в новгородской рукописи, — в данном случае, по-видимому, владимирский или ростовский и содержащиеся в ней сведения о княгине в конечном счёте восходят к тем известиям, которые на протяжении веков сохранялись во владимирском Княгинине монастыре. Здесь княгиня была похоронена, здесь почиталась её память, и здесь имя основательницы обители должны были помнить. В точно такой же форме — «Мария Шварновна, дочь чешского князя», — имя княгини приведено в монастырских летописцах и синодиках (64. С. 64); несколько по-другому, но похоже, с тем же отчеством, — «Марфой Шварновной» — именовалась она и в позднейшей надписи над её погребением, читавшейся ещё в XVIII или начале XIX века (87. С. 535, прим. 62).

Предполагаемый отец Марии (и, соответственно, дед князя Юрия Всеволодовича), некий Шварн, воевода нескольких южнорусских князей и участник многих войн 1140–1160-х годов, хорошо известен летописцам: они застают его сначала на службе у киевского князя Изяслава Мстиславича, затем у ставшего киевским князем Изяслава Давыдовича Черниговского, а последнее летописное упоминание, под 1167 годом, связывает его с Переяславлем-Южным, где княжил в то время старший брат Всеволода Глеб Юрьевич и где несколько позже (а возможно, уже и тогда!) нашёл временное пристанище сам Всеволод. Правда, этот Шварн был не князем, но боярином. Но он был близок к князьям, не раз предводительствовал полками наравне с князьями или даже вместо них — словом, входил в тот тесный круг военных вождей, в который в конце 60-х — начале 70-х годов XII века стремился попасть юный Всеволод. Позднейшее же его именование князем — очевидно, «задним числом», через много времени после смерти, — не выглядит чем-то удивительным или из ряда вон выходящим; напротив, с «превращениями» такого рода историки сталкиваются постоянно. Ко времени женитьбы Всеволод ещё не успел проявить себя; он не имел собственного удела, не имел и реальных перспектив на более или менее значимый княжеский стол в ближайшем будущем — и потому вполне мог довольствоваться в качестве жены не дочерью кого-либо из князей, а дочерью воеводы. Но став спустя несколько лет владимирским князем, Всеволод совершил головокружительный взлёт. Супруга его умерла будучи великой княгиней, женой владимирского

«самодержца»; записи же о её происхождении составлялись ещё позже — когда Всеволод почитался как прямой предок великих князей владимирских, тверских, московских и т. д. А потому и тесть его неизбежно должен был превратиться в фигуру более значимую, нежели был на самом деле.

Из летописей нам ничего не известно о чешском происхождении воеводы Шварна. Однако имя его имеет вполне прозрачную этимологию, восходя к чешскому «švarnu» — в значении: «ладный, опрятный, красивый» (112. С. 341; 111. С. 374), так что, учитывая имя воеводы, а также «западные», в том числе и чешские, связи его покровителя князя Изяслава Мстиславича, его чешское происхождение представляется вполне вероятным. Можно предположить даже, каким образом этот Шварн появился в русских пределах. Младший брат Изяслава Киевского, новгородский князь Святополк Мстиславич (судя по летописи, наиболее близкий к Изяславу из всех его братьев), зимой 1143/44 года женился на некой чешке «из Моравы» — возможно, родственнице чешского князя Владислава II. Этот Святополк умер в 1154 году — и умер в пути, спеша на помощь брату Изяславу. Наверное, не будет выглядеть слишком фантастическим предположение, что Шварн мог попасть на Русь вместе с чешской женой князя Святополка Мстиславича, а после смерти последнего перешёл на службу к его старшему брату — как впоследствии перешёл сначала к Изяславу Давыдовичу, а потом и к его зятю Глебу Переяславскому. Так что чешские корни и у Юрия Всеволодовича, и у других сыновей Всеволода Большое Гнездо, очевидно, имелись.

А что же относительно «ясского» происхождения матери нашего героя? Здесь дело обстоит сложнее. Прежде всего, подчеркну ещё раз, что «ясыней» саму Марию в летописи или иных древних памятниках никто и никогда не называл — так была поименована лишь её младшая сестра. Судя по времени её замужества (а она в 1183 году была выдана замуж за одного из черниговских князей), она была много младше Марии. Так может быть, она появилась на свет во втором браке отца? (К слову сказать, зимой 1166/67 года Шварн оказался в половецком плену, где провёл немало времени до того, как был выкуплен переяславским князем Глебом Юрьевичем, и где вполне мог обзавестись новой женой.) В таком случае прозвище «Ясыня» могло быть дано младшей сестре Марии «в противопоставление сёстрам от другого брака», как предполагают историки (112. С. 340). Впрочем, допустимо и другое предположение: «Ясыней» могла быть мать всех трёх сестёр, включая Марию Шварновну, и прозвище «Ясыня», зафиксированное летописью лишь для одной её

сестры, могла носить и она: просто в летопись это прозвище не попало. Важно то, что «ясское» происхождение Марии Всеволожей — если оно действительно имело место — не обязательно противоречит версии более поздних источников о её чешском отце. Ибо в древней Руси прозвища давались не только по отцу, но и по матери; самый яркий пример такого рода — это, конечно, прозвище князя Владимира Мономаха, сына греческой царевны.

Ещё важнее другое. Вне зависимости от того, кем была мать Юрия Всеволодовича и какая кровь — ясская, чешская или та и другая — текла в её жилах, княгиня Мария всецело принадлежит русской истории и русской культуре; об этом мы можем говорить определённно. Дочь Шварна родилась и была воспитана на Руси (сама хронология её жизни свидетельствует об этом)^[6]; она стала женой русского князя и матерью русских князей и княжон и воспитывала их в христианском, православном духе. Из летописи мы узнаём о том, что княгиня «из-детска», то есть с самого раннего возраста, жила в страхе Божии, любя правду и почитая епископов и священников и весь духовный чин, что была ко всем «преизлиха добра», подавая милостыню всем нуждающимся в ней: «печальным, и нужным (нуждающимся. — А. К.), и больным», что была «нищелюбицей» и «страннолюбицей» (43. С. 161). Эти слова из летописной статьи 1205 года, рассказывающей о предсмертном, после восьми-или семилетнего лежания «в немощи», пострижении княгини в монахини, можно было бы счесть трафаретными, традиционными для некролога, прославляющего благоверную княгиню, — но в том-то и дело, что они отнюдь не трафаретны: других подобных некрологов русских княгинь в летописях того времени мы не встретим. Княгиня Мария действительно отличалась необыкновенным благочестием — и основание ею женской обители, о которой она заботилась до последнего своего дня, тоже свидетельствует об этом.

Мария оказала колоссальное влияние на всех своих сыновей, которых воспитывала в христианской любви и милосердии. В том числе — а может быть, даже особенно — на Юрия: «зане бе любим ею», что особо подчёркивает летописец (45. С. 127; 43. С. 161).

Местом рождения Юрия назван Суздаль — один из древнейших городов Руси. Стоит, правда, учесть, что в летописях и других письменных источниках того времени так именовали не только сам город, но и всю Северо-Восточную Русь. А значит, если говорить строго, у нас нет достаточно прочных оснований для того, чтобы считать именно Суздаль родиной Юрия. Однако заметим, что время его рождения — ноябрь —

совпадает со временем традиционного княжеского полюдья. Осенью Всеволод, как правило, пребывал вне стольного Владимира, а потому известие Ипатьевской летописи вполне может быть понято и буквально.

Крестный отец княжича Юрия, ростовский епископ Лука, скончался через год после рождения своего крестника, 10 ноября 1189 года. Наречение «дедним» именем новорожденного княжича — последнее его деяние, отмеченное летописями. Зимой 1189/90 года, по прошествии установленного срока поминания почившего архиерея, князь Всеволод Юрьевич отправил своих посланников в Киев — к митрополиту Никифору. Князь сам назвал имя преемника Луки — им по его, Всеволода, воле должен был стать его духовник Иоанн. Воля владимирского «самодержца» была исполнена. 25 февраля 1190 года новый владыка прибыл в Ростов, а 16 марта, в пятницу, канун Лазаревой субботы, — в стольный Владимир.

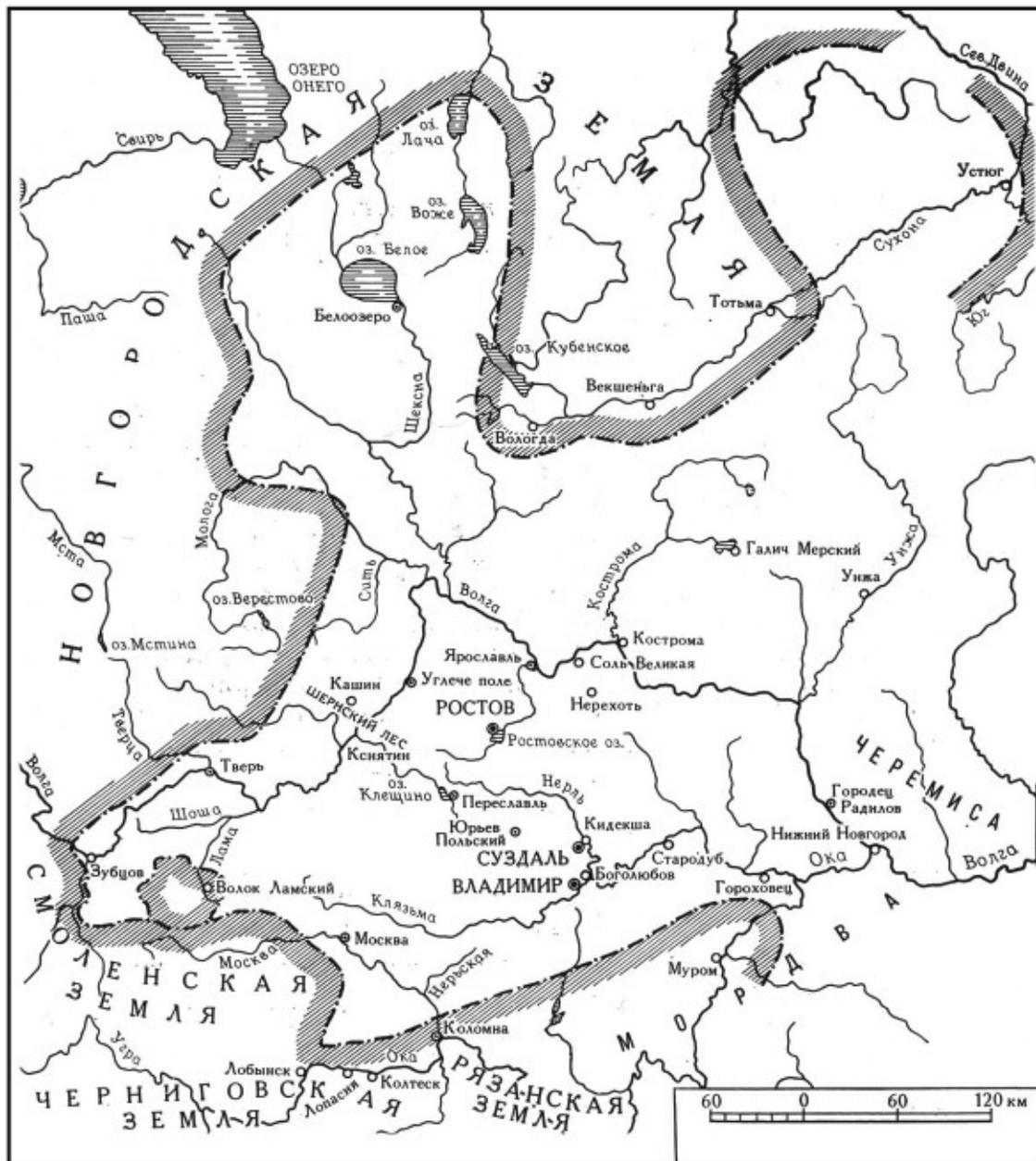
Год 1191. Суздаль

Из Лаврентьевской летописи

...Месяца июля в 28-й день, на память святого мученика Евстафия, [что] в Анкире Галатийской, были постриги у великого князя Всеволода, сына Георгиева, внука Владимира Мономаха, сыну его Георгию в граде Суздале; того же дня и на коня его посадил. И была радость великая в граде Суздале^[7].

(27. Стб. 409)

Ритуальное обрезание пряди волос (потом её хранили в княжеской семье в качестве оберега) означало вступление ребёнка в отроческий возраст. С этого времени его отнимали от мамок и кормилиц и передавали «дядьке»-воспитателю, который начинал обучать мальчика княжеской премудрости, учил пользоваться мечом и копьём — пока что маленькими, игрушечными. В тот же день юного Всеволодова сына впервые посадили на коня. Это тоже был древний, восходящий ещё к языческим временам обряд, свидетельствующий о превращении младенца в княжича.

Владими́ро-Сузда́льское княже́ство во второй половине XII — начале XIII века

Пребывание княжеской семьи в Суздале объяснялось тем, что здесь строилась новая деревянная крепость. «Того же лета заложен был град Суздаль, и срублен был того же лета», — сообщает летописец сразу после известия о «постригах» Юрия. А месяц спустя княжеское семейство находилось уже в стольном Владимире:

В то же лето заложил благоверный великий князь Всеволод Юрьевич церковь Рождества Святой Богородицы в граде

Владимире. Начата же была строением месяца августа в 22-й день... при блаженном епископе Иоанне.

Тогда же был устроен и монастырь, которому предстояло стать первенствующим во всей Владимиро-Суздальской, а затем и Московской Руси и оставаться таковым до времён Ивана Грозного.

...Это были счастливые годы в жизни всего княжеского семейства. В 1193 году, 25 октября, накануне праздника святого Димитрия Солунского, у князя Всеволода Юрьевича родился шестой сын, названный в крещении Дмитрием (тем же крестным именем, которое носил сам Всеволод), а «княжим» именем Владимир — в честь Всеволодова деда, Владимира Мономаха. А полтора года спустя, 27 марта 1195 года, на свет появился седьмой сын княжеской четы, названный Святославом, а в крещении Гавриилом (также в соответствии с церковным календарём: накануне, 26-го числа, праздновался Собор Архангела Гавриила). Последний же, восьмой сын Всеволода и Марии родится 28 августа 1197 года и будет назван Иваном (на следующий день праздновалась память Усекновения главы Иоанна Предтечи) — это имя станет для него и княжеским, и крестильным. Но радость о его рождении будет омрачена болезнью матери. По словам летописца, княгиня Мария Всеволожая пролежит в немоци восемь или, по другому, семь лет, до самой своей смерти.

В годы малолетства Юрия во Владимире и других городах княжества продолжалось масштабное строительство: возводились новые храмы, строились новые крепости и подновлялись старые. Так, летом 1193 года князь Всеволод Юрьевич приступил к возведению владимирского «детинца» внутри прежнего «города Мономаха». Работы были в основном завершены два года спустя: 1 мая 1195 года ростовский епископ Иоанн заложил на вновь возведённых «воротах Святой Богородицы» (то есть ведущих к «златоверхому» Успенскому собору) каменную церковь во имя Святых Иоакима и Анны (освящена церковь будет ещё полтора года спустя, 3 ноября 1196-го). Летом 1194 года была заложена крепость в Переяславле-Залесском. Как и Суздальская, она была возведена за один строительный сезон: «того же лета» и «срублена». Ну а ещё раньше, весной 1194 года, князь отправил своего тиуна Гюрю с людьми «в Русь» — строить крепость «на Городце на Востри».

«Русью» в Залесских землях вплоть до XIII века называли преимущественно Южную Русь — Киевскую, Черниговскую и Переяславскую области. Суздальские князья стремились к тому, чтобы иметь здесь свою «часть», то есть свой удел, закрепить своё присутствие.

Так, со времён Юрия Долгорукого они владели или по крайней мере претендовали на то, чтобы владеть Южным Переяславлем — городом на реке Трубеж, притоке Днепра. Городец Остёрский, на левом берегу Десны при впадении в неё реки Остёр, на стыке Черниговского и Переяславского княжеств, некогда принадлежал тому же Юрию Долгорукому и входил в состав Переяславского княжества. Он, однако, был полностью сожжён ещё в 1152 году Изяславом Киевским и союзными ему черниговскими князьями и долго оставался пустым. И вот сорок с лишним лет спустя Всеволод Юрьевич вспомнил о своих «отчинных» правах на этот город и приступил к возведению здесь новой крепости.

Год 1195. Владимир

Из Летописца Переяславля Суздальского

...Той же осенью великий князь Всеволод оженил сына своего Константина Мстиславною Романовича, и венчан был в церкви Святой Богородицы во Владимире блаженным епископом Иоанном месяца октября в 15-й день. Тут были князь рязанский Роман и братья его Всеволод и Владимир с сыном Глебом, и муромские Владимир и Давыд, и Игорь; и была радость великая в граде Владимире...

(45. С. 121)

Старшему брату Юрия было к тому времени всего десять лет. Однако Всеволод спешил превратить своего первенца в настоящего князя, а для этого его сыну следовало обзавестись княгиней — пусть даже возраст был явно неподходящим. Женой юного Константина стала Мария, дочь смоленского князя Мстислава Романовича^[8], племянника сильнейших князей того времени, союзников Всеволода Рюрика Ростиславича Киевского и Давыда Ростиславича Смоленского.

Свадьба устроена была с размахом. Съехавшиеся на неё рязанские и муромские князья, «младшие» по отношению к Всеволоду, должны были задержаться во Владимире ещё на некоторое время. Спустя одиннадцать дней, 26 октября, на память святого Димитрия Солунского, Всеволод Юрьевич устроил «постриги» своему сыну Владимиру (в крещении Дмитрию) — и вновь в присутствии тех же князей, которым пока что не разрешал покинуть свой город:

...и были, веселяся, у отца своего (Всеволода Юрьевича. — А. К.) за месяц, и так разъехались каждый восвояси, одарены дарами бесценными: конями, и сосудами златыми и серебряными, портами, и паволоками, и мужей их так же одарил. И поехали, славя Бога и великого князя Всеволода.

Вступление в брак сразу же выделило Константина среди братьев,

поставило в особое, привилегированное положение по отношению к ним. Впоследствии мы увидим, что между Константином и следующими по старшинству Юрием и Ярославом вспыхнет вражда (особенно сильная между Константином и Юрием). Возникла ли она лишь в последние годы жизни их отца или началась раньше, ещё с детства? Этого мы не знаем.

Год 1197. Владимир

Знаковое событие в истории Владимира. В этот год в стольный город князя Всеволода Юрьевича из греческой Солуни (Салоник) были перенесены почитаемые христианские святыни: «доска гробная» — мироточивая икона с гробницы святого Димитрия Солунского (напомним: небесного покровителя князя Всеволода) и «сорочка» святого Димитрия — часть одеяния, в котором мученик был пронзён копьями в начале IV столетия. Обе принесённые святыни были положены в церкви Святого Димитрия, возведённой зодчими Всеволода Юрьевича во Владимире на его княжеском дворе.

Этот удивительный храм из белого камня и поныне украшает город Владимир. Частично уцелели и фрески XII века. Но главной примечательностью Дмитриевского собора, вызывающей восхищение как специалистов-искусствоведов, так и многочисленных туристов и любителей старины, является великолепная каменная резьба, покрывающая верхний ярус стен, барабан и арки порталов. Всего на фасадах собора насчитывают свыше тысячи резных камней (правда, не все они относятся к XII веку; часть была заменена позднее). Сюжеты на них самые разнообразные: здесь и фигуры библейских протцев и святых мучеников, и мифические и реальные звери и птицы, и растительный орнамент.

В восточной части северного фасада здания расположена скульптурная группа, привлекающая к себе особенное внимание: сидящий на престоле человек с ребёнком на руках и склоняющиеся к нему с двух сторон четыре коленопреклонённые фигуры — по две с каждой стороны. По наиболее аргументированному мнению, поддерживаемому большинством специалистов, здесь изображён основатель собора князь Всеволод Юрьевич с сыновьями, коих к началу 1197 года (предполагаемой дате создания храма) было как раз пятеро: одиннадцатилетний Константин, восьмилетний Юрий, шестилетний Ярослав, трёхлетний Владимир и Святослав, которому шёл лишь второй год. Эта атрибуция была предложена выдающимся археологом и исследователем древнерусской архитектуры Николаем Николаевичем Ворониным, который указал на то, что изображённая на престоле фигура, несомненно, мужская (ранее здесь видели Богородицу со Спасителем на руках); об этом свидетельствует его одеяние: плащ-корзно, застёгнутый фибулой на правом плече, виднеющаяся под ним длинная, «княжеская», одежда. Также и «четыре припадающих фигурки — безусловно, мужские, — писал Н. Н. Воронин. — Они одеты точно так же, как и сидящий на коленях князя мальчик, — в короткие до колен кафтанчики, украшенные теми же шитыми оплечьями, налокотниками и наручами, как и кафтан князя. Это не просто „люди“, поклоняющиеся князю и княжичу... но так же княжичи» (73. С. 436).

Напрасно, однако, было бы искать в этих рельефах черты портретного сходства с реальными Всеволодом Юрьевичем и его сыновьями, в том числе и Юрием: перед нами совсем не портреты, а схематичные изображения князя, или, вернее, правителя вообще, и его сыновей. Впрочем, и сама атрибуция Н. Н. Воронина не может быть признана бесспорной и единственно возможной. Нельзя исключать, например, того, что окружённый фантастическими и реальными фигурами зверей и коленопреклонёнными людьми сидящий на троне правитель-«царь» с ребёнком на руках представляет собой библейского царя Давида, держащего на руках сына Соломона (такое предположение также было высказано в литературе: 110. С. 172–184). Царь Давид — как идеальный правитель, лучше других понявший и воспевавший полноту Божьего замысла, — многожды изображён на стенах собора; мог он быть помещён и на северном фасаде здания.

Год 1199. Владимир

Под этим годом одиннадцатилетний Юрий впервые упомянут в летописи (да и то лишь в одной!) как действующее лицо, субъект происходящих событий, — пока, правда, лишь номинально, в числе прочих своих братьев.

Из Лаврентьевской летописи

...Той же осенью пришли новгородцы, лучшие мужи... к великому князю Всеволоду с поклоном и с мольбою от всего Новгорода, говоря:

— Ты господин князь великий Всеволод Юрьевич! Просим у тебя сына княжить Новгороду, зане тебе отчина и дедина Новгород!

Князь же великий, сдумав с дружиною своею и утвердив их крестом честным на всей своей воле, дал им сына своего Святослава...

Пошёл Святослав, сын Всеволож, внук Юриев, княжить в Новгород месяца декабря в 12 день, на память святого отца Спиридона. Братья же проводили его с честью: Константин, Юрий, Ярослав, Владимир; и была радость великая в граде Владимире^[9].

(27. Стб. 415–416)

Несколькими месяцами раньше, летом того же года, Всеволод вывел из Новгорода свояка, князя Ярослава Владимировича, решив заменить его собственным сыном — совсем ещё ребёнком Святославом, которому шёл только пятый год. Обставлено всё было так, что сам Новгород молит о том князя, признавая свой город его «отчиной» и «дединой» — то есть наследственным владением. Князь-ребёнок, конечно, должен был не править (это делали за него специально приставленные к нему «мужи» — бояре Всеволода), но лишь представлять собой фигуру отца. Провожать же его на княжение собрались его братья, которых летописец перечисляет поимённо. Сыновья Всеволода постепенно выступали на передний план в

межкняжеских отношениях — и с этого времени их имена будут звучать в летописи постоянно. Но вот что удивительно: в том варианте их перечня, который читается в Радзивилловской и Московско-Академической летописях, имя Юрия пропущено (27. Стб. 416, прим. 29; 43. С. 160). Случайность ли это? Или в силу каких-то обстоятельств отец не привлёк Юрия, своего второго сына, к участию в этом торжественном и, несомненно, важнейшем с точки зрения церемониала мероприятии? И имя княжича в таком случае было вставлено в текст позднее, при переписке статьи? Не берёмся судить. Заметим лишь, что в последующих торжественных мероприятиях такого рода имя Юрия присутствует во всех летописях в обязательном порядке.

Год 1200. Переяславль-Залесский

Из Лаврентьевской летописи

Послал благоверный и христоролюбивый великий князь Всеволод Юрьевич, внук Владимира Мономаха, сына своего Ярослава в Переяславль в Русский княжить, на стол прадеда и деда своего, месяца августа в 10-й день, на память святых отцов Далмата, Фауста и Исакия. Был тогда великий князь в Переяславле (Залесском. — А. К.) с детьми своими с Константином и с Юрием. Переяславцы же, взяв князя своего Ярослава от Святого Спаса^[10], пошли с радостью великой, хваля Бога и Святую Богородицу и святого Михаила^[11], давшего им князя, которого желали.

Братья же проводили его с честью: Константин, Юрий; и была радость великая в граде Переяславле.

(27. Стб. 416)

И вновь княжеский стол за пределами Владимиро-Суздальской Руси получил один из младших сыновей Всеволода — десятилетний Ярослав. Своих старших сыновей отец держал поблизости. Почти взрослому и к тому же женатому Константину, по-видимому, уже тогда был обещан Ростов — город, который он и впоследствии будет предпочитать остальным и считать своим. Юрий же, надо полагать, оставался во Владимире, рядом с отцом. Свидетельствовало ли это об особой любви к нему отца? Или же Всеволод руководствовался лишь политическим расчётом? И вновь ничего определённого на этот счёт мы сказать не можем.

Год 1201. Владимир

...Той же осенью была освящена церковь Святой Богородицы Успения, кою создала любовью правоверная великая княгиня в своём монастыре; [освящена] блаженным епископом Иоанном месяца сентября в 9-й день, на память святых праведных Иоакима и Анны; были же тут великий князь Всеволод и сыновья его Константин, и Юрий, и Владимир.

(27. Стб. 417)

Существующий и ныне владимирский Успенский Княгинин монастырь был основан княгиней Марией на её собственные средства. Лежащая «в немощи», она думала о том, чтобы принять здесь монашеский постриг и найти последнее упокоение. Так и случится, но несколько позже. Пока же, ещё до неё, в Успенском соборе основанного ею монастыря будут похоронены близкие ей люди, представительницы женской части княжеского семейства: сначала, почти за год до освящения, в недостроенном ещё соборе, её родная сестра, княгиня Ярославля (жена бывшего новгородского князя Ярослава Владимировича), а затем, в декабре 1204 года, одна из её дочерей, сестра Юрия Елена.

Год 1204. Константинополь

В этом году произошло событие, не имеющее прямого отношения к княжичу Юрию, но оказавшее огромное влияние на судьбы как древней Руси, так и всего Православия. Под ударами западных рыцарей-крестоносцев («фрягов») пала столица Византийской империи и всего Православного мира — Константинополь, или, как называли его на Руси, Царьград, Царствующий град. Некогда могущественная и единая Империя ромеев раскололась на несколько жалких обломков, главным из которых стала Никейская империя, куда на несколько десятилетий, до возвращения Константинополя в 1261 году, переместились и императорская корона, и патриарший престол.

На Руси падение Царьграда было воспринято как вселенская трагедия. В летописях сохранился яркий и исполненный страшными подробностями рассказ очевидца этих событий, заканчивающийся словами, которые звучали зловещим пророчеством о будущей судьбе самой Руси:

...Вот так и погибло царство богохранимого города Константинова и земля Греческая из-за распрей цесарей, и владеют землёй той фряги.

(6. С. 73. Перевод О. В. Творогова)

Год 1205. Владимир

1 марта на княжение в Новгород Великий по воле отца отправился старший Всеволодович Константин. В преддверии неизбежной войны между князьями он должен был заменить здесь своего малолетнего брата Святослава. Братья, в том числе и шестнадцатилетний Юрий, провожали его до «реки Шедашки» (или Содышки, как теперь называется эта речка, правый приток реки Рпень, притока Клязьмы, ныне протекающая по северо-западной окраине города Владимира). Летописец, входивший в окружение Константина, говорит об этих проводах в самых возвышенных тонах, как о торжестве чуть ли не вселенского масштаба, рисуя идеальный образ князя Константина Всеволодовича. Юрий же лишь упомянут наравне с другими братьями:

...И проводили его все братья его с честью великою до реки Шедашки: Георгий, Владимир, Иоанн, и все бояре отца его, и все купцы, и все послы братии его; и был говор велик, словно до небес от множества людей от радости их великой...

(27. Стб. 422)

А уже на следующий день, 2 марта, Юрий вместе с отцом и старшей сестрой Всеславой (женой черниговского князя Ростислава Ярославича) принял участие совсем в другой, исполненной печали церемонии проводов:

Того же месяца во 2-й день постриглась великая княгиня Всеволожая во мнишеский чин в монастыре Святой Богородицы, кой сама создала, и нарекли ей имя Мария — то же, в которое и крещена была прежде. И проводил её великий князь Всеволод сам со слезами многими до монастыря Святой Богородицы, и сын его Георгий, и дочь его Всеслава Ростиславляя, которая приехала к отцу и матери своей и не могла видеть печали [её]. И были [здесь] епископ Иоанн, и Симон игумен, отец е[ё]^[12] духовный, и иные игумены, и чернецы все, и бояре все, и боярыни, и черницы изо всех монастырей, и горожане все; проводили её со слезами многими до монастыря, потому что ко всем была чрезмерно добра благоверная княгиня Всеволожая...

Перед этим княгиня восемь лет (или, по другим летописям, семь) пролежала «в немощи». Очевидно, болезнь её стала следствием тяжёлых или неудачных родов в августе 1197 года, когда на свет появился её младший сын Иван^[13]. Но — удивительное дело: даже прикованная к постели, она сохранила свой громадный авторитет в княжеском семействе, осталась верной помощницей для мужа и незаменимой наставницей для своих взрослеющих сыновей. За всё отведённое ей в болезни время княгиня «ничто же хулна слова изъглагола», — свидетельствует о ней летописец. Примечательно, что в одной из летописей (вероятно, созданных в княжение её старшего сына Константина) приводится её «наказание» — наставление, обращённое ко всем её сыновьям, но в первую очередь к Константину, и словно бы подразумевающее будущую вражду между братьями:

И ещё когда жива была, призвала сыновей своих к себе и наказала им, говоря так: «Вот я хочу отойти [от] света сего, сыновья мои! Имейте между собою любовь, поскольку вы все — единого отца и единой матери. Да пребудете в любви между собою — и да будет Бог в вас и покорит противящихся [вам] под ноги и да будете жить в мире; [если же будете] в распрях и враждуя, то погибнете сами и землю отцов своих и дедов погубите, которую добыли [те] трудом своим великим. Но пребывайте мирно, слушаясь брат брата своего. Имейте же себе брата старшего, словно отца; а ты, сын мой Константин, имей братию свою, словно сыновей, поскольку ты первый сын мой, ты вышел из чресел моих...»

И далее — поучение сыновьям, содержащее самые общие, привычные христианские заповеди:

«...Бога бойтесь всею душою своею, епископам, и попам, и диаконам, и всякому чину священническому не стыдитесь поклониться... мимо всякого черноризца не пройдите без поклона; больных посещайте, голодных и от жажды страждущих накормите и напоите, нагих оденьте... пост и молитву любите, более же всего — милостынню... И поклонитесь всякому, кто старше вас годами; равных же себе с любовью принимайте и никого не пропустите, не поприветствовав. И не давайте сильным обидеть слабого; судите сироту и оправдайте вдовицу; трезвость

любите, а гордость возненавидьте...»

(47. С. 289–290)

«Наказание» это, очевидно, имеет чисто литературное происхождение — достаточно сказать, что в своей основной части оно дословно воспроизводит знаменитое завещание Ярослава Мудрого своим сыновьям (27. Стб. 161) — аналогия тем более уместная, что сыновья Всеволода и Марии, подобно сыновьям Ярослава Мудрого, родились все в одном браке. Примечательно, однако, что слова наставления вложены летописцем в уста не отца княжичей, но матери — очевидно, настолько велик был её авторитет в княжеском семействе.

...Княгине суждено было пробыть в монастыре лишь две с половиной недели. 19 марта, в субботу четвёртой недели Великого поста, в день, именуемый в народе родительской субботой, она преставилась с миром. Это стало новым потрясением и для Всеволода Юрьевича, и для его сыновей, в том числе, конечно, и для Юрия:

...Преставилась благоверная великая княгиня Всеволожая, именем Мария, пробыв во мнишеском чине 18 дней, и похоронена была в монастыре своём, в церкви Святой Богородицы, которую [сама] создала... И похоронили её с рыданием и плачем великим. Тут были над нею князь великий с детьми своими, и епископ, и игумены, и чернецы, и черницы, и множество народа...

(27. Стб. 424–425)

А в той версии летописного рассказа, которая, вероятно, появилась в княжение великого князя Юрия Всеволодовича, среди всех сыновей княгини особо был выделен он, Юрий:

...Были тут великий князь, плачась над нею, и Юрий, сын её, плачась и не хотя утешиться, потому что любим был ею; и Всеслава тут же была, и епископ Ио[а]нн... и Симон игумен, отец её духовный, и иные игумены, и пресвитеры, отпевшие положенные песнопения, обрядив тело её, вложили её в гроб каменный и положили в церкви Святой Богородицы.

(43. С. 161)

Говоря о кончине княгини Марии Шварновны, есть повод затронуть такой сложный и деликатный вопрос, как возможная первая женитьба князя Юрия Всеволодовича. Летописи об этом ничего не сообщают. Лишь в «Истории Российской» русского историка XVIII века Василия Никитича Татищева сказано, что известный из летописей брак Юрия с княжной Агафьей Всеволодовной, заключённый в 1211 году, был для княжича не первым, «понеже первая его княгиня умре» (141. С. 185). К известию этому надо относиться критически — весьма вероятно, что перед нами не след какой-то информации, полученной Татищевым из некоего несохранившегося источника, а результат собственных размышлений и хронологических подсчётов историка. Но основания для таких подсчётов у Татищева имелись. Если следовать летописи, то получается, что Юрий вступил в брак в возрасте двадцати двух лет — а это очень поздно для князя: ведь и его старший брат Константин, и следующий по старшинству Ярослав обзавелись супругами в гораздо более юном возрасте: первый в возрасте десяти, второй — пятнадцати лет. Да и не принято было в древней Руси женить младшего брата (а таковым для Юрия был Ярослав, женившийся зимой 1205/06 года) раньше старшего.

В книге, посвящённой отцу Юрия князю Всеволоду Большое Гнездо, я привёл некоторые косвенные (и, признаюсь, довольно шаткие) соображения в пользу версии о более ранней женитьбе Юрия, случившейся ещё до смерти его матери (92. С. 271–272, прим.). Речь идёт о трактовке так называемого «Суздальского змеевика» — медальона-оберега из яшмы с изображением семи отроков Эфесских на одной стороне и змеевидной фигуры — на другой и благопожелательными надписями, в которых значатся на лицевой стороне имена Георгий и Христина, а на оборотной — Мария и Христина, «в мире же Миослава (?)» «с старейшею дочерью» (119. С. 189–200); амулет этот происходит из суздальского Рождественского собора и ныне хранится в Государственном историческом музее в Москве.

Несмотря на то, что в последних исследованиях надписей «Суздальского змеевика» оспаривается или прямо отвергается его принадлежность княгине Марии «Всеволожей» (76. С. 540–562), я всё же склоняюсь к противоположной, традиционной точке зрения^[14]. Но если Мария, упомянутая в надписи, — это Мария «Всеволожая», то кем были другие названные в надписях на медальоне лица? Как мне представляется, речь в этих надписях идёт о четырёх людях: самой Марии Шварновне,

заказчице медальона, её сыне Юрии (который, к слову сказать, некоторое время княжил в Суздале, где и хранился амулет), невестке Христине-Миославе (?) и старшей безымянной (только что родившейся?) дочери последней. Подобные обереги защищали прежде всего женщин, в частности рожениц. Но женой кого из сыновей Марии была Христина? Предполагаю, что всё-таки Георгия (Юрия). Если так, то получается, что Христиной-Миославой (?) звали первую, не упомянутую в летописи жену князя, а оберег был заказан лежащей «в немощи» княгиней Марией по случаю рождения её невесткой первого ребёнка, дочери (также не упомянутой в летописи). Если так, то получается, что князь Юрий Всеволодович в первый раз женился не позднее июня 1204 года, в возрасте шестнадцати лет, ещё при жизни матери, и при жизни же матери, то есть не позднее начала марта 1205 года, у него родилась дочь, судьба которой неизвестна (можно думать, что она умерла вскоре после рождения).

Год 1206. Село Ясенево, под Москвой

Из Троицкой летописи

...Ярослав же (сын Всеволода Большое Гнездо. — А. К.) пришёл к отцу своему в Суздаль^[15] месяца сентября в 22-й день, на память святого мученика Фоки, и встретили его братья его у Ясеня, и целовали его.

(47. С. 293)

Очевидно, братья встречали Ярослава у самых границ Залесской земли, на пути из Чернигова и Северской земли. Название Ясенья приведено в Троицкой летописи; в Лаврентьевской иначе и, видимо, искажённо: «у Сеянья» (27. Стб. 428). По всей вероятности, это не что иное, как село Ясиновское близ Москвы — нынешнее Ясенево, один из районов столицы. (Предположение это было высказано ещё Н. М. Карамзиным (87. С. 563); село с таким названием упоминается в Духовной грамоте московского князя Ивана Даниловича Калиты XIV века: 10. С. 9.)

Встрече братьев предшествовали весьма драматичные события.

19 июня 1205 года в сражении у польского города Завихвост был убит галицко-волынский князь Роман Мстиславич, вмешавшийся на свою голову в междоусобицу польских князей. После его гибели между русскими князьями началась война за Галич, в которую оказался втянут шестнадцатилетний Ярослав Всеволодович, княживший в Южном Переяславле. Галич не был «отчиной» Романа, он захватил его по праву силы. Дети Романа были совсем ещё малы, и его вдова, боясь преследования, бежала с ними из города. Местное боярство решило передать власть родичам последнего «законного» галицкого князя Владимира Ярославича (умершего ещё в 1198/99 году), на котором и пресеклась династия галицких князей. Речь шла либо о новгород-северском князе Владимире Игоревиче из черниговских Ольговичей (братья Игоревичи были племянниками Владимира Ярославича, сыновьями его сестры — знаменитой Ярославны, воспетой в «Слове о полку Игореве»), либо о сыновьях Всеволода Большое Гнездо, двоюродных братьях того же Владимира Ярославича (матерью которого была княгиня Ольга, дочь Юрия

Долгорукого). Галич оказался расколот. Опасаясь безвластия, бояре сделали ставку на разные политические силы как внутри Руси, так и за её пределами. Когда на Галич двинулась объединённая рать черниговских Ольговичей при поддержке нового киевского князя Рюрика Ростиславича (из смоленских князей Ростиславичей, потомков Владимира Мономаха), а с ними ещё и половцы, и «чёрные клобуки», и поляки, — галичане обратились за помощью к венгерскому королю Андрею. Король переправился через Карпаты и заключил договор с поляками о разделе (в будущем) галицких и волынских земель. Ольговичи «убоялись» и подступать к Галичу не посмели. Однако и возвращаться домой не стали, и «устояли» (остановились) «от Галича за два дня». Король тоже вернулся восвояси, но прежде обсудил с галичанами судьбу престола. По соглашению с королём было решено пригласить в Галич Ярослава, сына Всеволода Большое Гнездо (Всеволод в прошлом был союзником отца Андрея, венгерского короля Белы). Посольство за Ярославом было отправлено в Южный Переяславль.

Действовать на свой страх и риск Ярослав не решился. Нужно было посоветоваться с отцом, а на это требовалось время. По свидетельству летописца, галичане ждали Всеволодова сына две недели. Но за эти две недели ситуация кардинально поменялась.

Когда венгерское войско ушло за Карпаты, галичане «убоялись полков русских — возвратятся на них опять, а князя у них нету», и решили «отаи» (тайно) послать за князем Владимиром Игоревичем — приглашая теперь уже его на княжеский стол, благо черниговское войско стояло недалеко от Галича. Игоревич ни с кем советоваться не стал, «погнал» в Галич и успел вступить в город раньше юного Ярослава. По словам суздальского летописца, Всеволодович тоже «гнал» из Переяславля к Галичу (после того, как получил добро от отца?), но, узнав, что Владимир Игоревич въехал в город за три дня до него, раздосадованный возвратился обратно в Переяславль. Может быть, и к лучшему для себя. Ибо Ярослав оказался избавлен от многих ужасов Галицкой войны, в которой погибли трое братьев Владимира Игоревича (они были повешены в Галиче жителями города — беспрецедентная расправа в истории древней Руси!).

Однако неудачная попытка занять Галич дорого стоила Ярославу.

Надо сказать, что к тому времени юный сын Всеволода успел обзавестись женой. Зимой 1205/06 года отец женил его на половецкой княжне, внучке знаменитого половецкого хана Кончака, «антигероя» «Слова о полку Игореве». Очевидно, отец надеялся таким образом обезопасить княжившего в Переяславле сына от половецких набегов и

обеспечить ему союз с той ордой, которую после смерти Кончака возглавил его сын (носивший, между прочим, русское, христианское имя Юрий). Впрочем, брак этот оказался неудачным. Он не увенчался рождением наследника, да и продлился недолго. Не получил Ярослав и поддержку от половецкого тестя, столь необходимую ему в трудную минуту. А минута эта наступила для него очень скоро.

Успешное завершение Галицкой войны развязало руки главе Черниговского дома князю Всеволоду Святославичу Чермному (его прозвище означает «красный», то есть «рыжий»). Когда участники похода на Галич вернулись в Киев, он, «надеясь на свою силу», занял киевский стол, изгнав из Киева Рюрика Ростиславича. А вслед за этим предъявил ультиматум шестнадцатилетнему Ярославу, поставив ему в вину недавнюю попытку вступить на галицкий стол. Летопись приводит слова, с которыми новый правитель Киева обратился к переяславскому князю:

— Поезжай из Переяславля к отцу своему в Суздаль, а Галича не ищи под моею братьею. Если же не поедешь добром, иду на тебя ратью!

(27. Стб. 427–428)

И Ярослав вынужден был подчиниться. Не имея «помощи ни от кого же» (в том числе, получается, ни от отца, ни от тестя Юрия Кончаковича), он начал «просить путь» у Всеволода Святославича, то есть выразил готовность покинуть Переяславль при условии, что киевский князь не станет препятствовать его уходу с людьми и оружием и не нападёт на него по дороге. Всеволод такое обещание дал: «целовал крест и дал ему путь». Так Ярослав покинул Переяславль и вместе с женой отправился к отцу в Залесскую землю. И так Южный Переяславль, бывшая «отчина» владимирских князей, оказался потерян для Всеволода Большое Гнездо.

Судя по тому, что братья встречали Ярослава вблизи Москвы, он добирался домой кратчайшим путём, через черниговские владения и «Лесную» землю. Всеволод Чермный сдержал слово и не препятствовал его проходу через подвластные ему территории. Отец принял сына «с честью» и, кажется, даже поручил ему вместо Южного Переяславля другой, Залесский (спустя немного времени мы увидим Ярослава во главе переяславской дружины). Что же касается Юрия, то он своего удела по-прежнему не имел, довольствуясь пребыванием во Владимире, рядом с отцом.

Год 1207. Владимир. — Москва. — Пронск

Ещё одно, чисто номинальное участие Юрия в событиях, происходивших во Владимиро-Суздальском княжестве и вокруг него.

Из Лаврентьевской летописи

Той же зимой знамение было на небе в солнце месяца февраля в 28-й день, в среду Сырной недели^[16]. И продолжалось от полудня до мефимона^[17], и осталось его, словно месяц первого дня. Многие же верные люди, видя, молились Богу, дабы обратил знамение это на добро.

В тот же день и Константин князь приехал из Новгорода к отцу своему, и встречали его на реке Шедашке все братья его: Георгий, Ярослав, Владимир, Святослав, Иоанн, и все мужи отца его, и горожане все от мала и до велика. И братья, увидев его, с радостью поклонились ему, и целовали его любезно все люди. И въехал в град Владимир, и поклонился отцу своему Константин...

(27. Стб. 428–429)

Всеволод Юрьевич вызвал сына для того, чтобы обсудить с ним план совместных действий в предстоящем походе на Чернигов, к которому он готовился весьма тщательно. Надо полагать, что тогда же Константин договорился с отцом о том, что после завершения войны вернётся не в Новгород, но в Ростов.

Между тем в отсутствие Константина в Новгороде произошло злодеяние, о котором поведал новгородский летописец. 17 марта, «на святого Алексия», на Ярославле дворе — обычном месте вечевых собраний — был убит некий Олекса Сбыславич; убит же он был по приказу Всеволодова боярина Лазаря, которого владимирский князь прислал править городом в отсутствие сына (30. Стб. 260; 44. С. 69). Мало того что Олекса был убит «без вины», — тяжесть преступления усугублялась тем, что он был убит в Великий пост и к тому же в день своих именин!

Злодеяние это не могло остаться без последствий. Уже на следующий день, по словам того же летописца, «плакала Святая Богородица у Святого

Якова в Неревском конце». Сигнал, вполне внятный для человека Средневековья! Слезы, выступившие на иконе, не сулили ничего хорошего ни убийцам, ни тем, кто стоял за ними. А ещё знамение это не сулило ничего хорошего пришлым в город вместе с князем и боярином суздальским «мужам». Примерно за сорок лет до описываемых событий Богородица уже плакала сразу на трёх иконах в трёх новгородских церквях — и это стало предвестием жестокого поражения, которое владимирское войско потерпело под стенами Новгорода. Правда, тогда исполнения знамения пришлось ждать три года. Вот и на этот раз слёзы Богородицы отлились убийцам не сразу, но по прошествии двух лет, когда в Новгороде вспыхнул мятеж, обрушившийся на сторонников владимирского князя.

Пока же Константин вернулся в Новгород и уже летом во главе собранного им войска двинулся на соединение с отцом. Помимо новгородцев, в войско вошли псковичи, ладожане и новоторжцы — полки из «младших» городов Новгородской земли.

В этой войне — начавшейся как война с черниговскими князьями Ольговичами, но очень скоро обернувшейся войной с рязанскими князьями — принял участие и герой нашей книги. Однако и тут он пребывал на вторых или даже третьих ролях: летописец по-прежнему никак не выделяет его, называя его имя лишь при перечислении имён сыновей Всеволода Большое Гнездо.

Из Лаврентьевской летописи

...Того же лета слышал великий князь Всеволод Юрьевич, внук Владимира Мономаха, что Ольговичи с погаными воюют землю Русскую, и сжалился о том, и так сказал:

— Что, тем разве одним отчина Русская земля? А нам не отчина разве?

И сказал:

— Как меня с ними Бог управит. Хочу пойти к Чернигову!

И послал к Новгороду за сыном своим Константином. Слышал же Константин весть от отца своего, начал собирать воев многих, и собрал новгородцев, псковичей, ладожан, новоторжцев, и, собравшись, двинулся скоро со всеми силами, и стал дожидаться отца на Москве...

И потом послал [Всеволод] в Рязань за Романом и за братьями его, и в Муром за Давыдом. Они же, собравшись,

двинулись вдоль Оки, горним (то есть правым, возвышенным. — А. К.) [берегом].

(27. Стб. 429–430)

Роман Глебович — старший из рязанских князей. Вместе с ним на соединение со Всеволодом Юрьевичем выступили его брат Святослав с сыновьями Мстиславом и Ростиславом, племянники Ингварь и Юрий Игоревичи (третий их брат, Роман, остался в Рязани) и Глеб и Олег Владимировичи (и их третий брат, Изяслав, тоже остался в Рязанской земле). Должен был выступить в поход и княживший в Пронске Всеволод Глебович — в прошлом наиболее последовательный союзник Всеволода Большое Гнездо. Однако как раз накануне выступления он скончался. Его смерть сильно повлияла на ход событий и немедленно привела к сваре между его родственниками. В эту свару оказались втянуты Всеволод Юрьевич и его сыновья. Что же касается муромского князя, то им в это время был Давыд Юрьевич, всегдашний подручный Всеволода Большое Гнездо; он вместе с рязанскими князьями тоже спешил по зову своего патрона к Коломне.

Сам Всеволод Юрьевич выступил из Владимира 19 августа 1207 года. Его сопровождали сыновья Юрий, Ярослав и Владимир. Ещё один их брат, Святослав, по всей вероятности, остался во Владимире «для управления». У Москвы — скорее всего, не в самом городе, но на берегах одноимённой реки — войска встретились. Тут и произошло событие, в корне изменившее характер и направленность войны.

...И по прошествии нескольких дней, — *продолжает свой рассказ о Всеволоде Юрьевиче суздальский летописец*, — была ему весть, что рязанские князья сговорились с Ольговичами на него и идут к нему с лестью...

Откуда великому князю стало известно о «льстех» (то есть коварстве) рязанских князей и об их сговоре с черниговскими, летописец не сообщает. Но из последующего рассказа становится ясно, что «обличили» рязанских их собственные родичи — Глеб и Олег, сыновья покойного князя Владимира Глебовича. Новгородский книжник прямо именует их клеветниками: они оболгали свою «братью». «Не имей, княже, веры брати нашей, — с такими словами Владимировичи обратились к Всеволоду Юрьевичу. — Сговорились на тебя с черниговскими князьями!» (22. С. 50).

Черниговских и рязанских князей связывали особые узы родства. Те и другие принадлежали к потомству Святослава Ярославича, третьего сына Ярослава Мудрого, — в отличие от Мономашичей, потомков Всеволода Ярославича, четвёртого сына Ярослава Мудрого. К тому же старший из рязанских князей, Роман Глебович, был женат на сестре Всеволода Чермного, главного врага Всеволода Большое Гнездо. Сын же только что умершего Всеволода Пронского Михаил (или Кир-Михаил, как на греческий лад называет его летописец^[18]) приходился тому же Всеволоду Чермному зятем. Получается, что у рязанских князей действительно не было оснований для вражды с Ольговичами, но, напротив, имелись основания для заключения с ними союза. Но был ли такой союз заключён на самом деле? Или же Глеб и Олег оклеветали своих дядьёв и двоюродных братьев? Мы не можем с уверенностью дать ни утвердительный, ни отрицательный ответ на этот вопрос. Однако зная последующую историю одного из двух братьев Владимировичей, Глеба, — князя-злодея и братоубийцы, можно, пожалуй, предположить, что новгородский книжник был прав и навет Всеволоду был от начала и до конца лживым.

Так или иначе, но Всеволод Юрьевич поверил ему и уже с совсем другими намерениями двинулся от Москвы к Оке. Полки вышли к Коломне и встали на левом, пологом берегу реки в шатрах. В тот же день к противоположному, возвышенному берегу подошла рязанская рать. Всеволод, по обычаю, устроил обед для своих союзников. (То был совет Всеволодовых бояр, разъясняет позднейший московский книжник: узнав об измене, князь начал «со единомысленными своими домышлятися, како и что сотворити». «Домыслишася» же они следующее. «Раз они к тебе лесьть сотворили, — убедили Всеволода советники, — то и ты к ним лесьть сотвори, и устрой обед, и призови их с честью многою на пир, и тако обнажи лукавство их, и сотвори им по делом их, и пускай никто же не узнает об этом, дондеже время будет» (33. С. 55).) И когда рязанские князья переправились через реку и явились к Всеволоду, он встретил их любезно, «целованием», но повелел сесть в отдельном шатре. А затем отправил к ним «на обличенье» муромского князя Давыда Юрьевича — человека, которому всецело доверял, особенно в рязанских делах, а также своего тысяцкого Михаила Борисовича — человека также проверенного и преданного ему. Рязанские князья все обвинения отвергли. Они готовы были принести «роту» — клятву, что измены не замыслили и что все обвинения в их адрес — наговор. Тут-то и выступили на сцену братья Глеб и Олег: «придя, обличили их».

Когда истина (или то, что выдавалось за неё) открылась, великий князь

повелел схватить шестерых находящихся в «рязанском» шатре князей. Всех их вместе с их «думцами» (боярами) отправили в оковах во Владимир. Случилось это 22 сентября.

На следующий день, 23 сентября 1207 года, Всеволод с сыновьями и войском переправился через Оку. Вектор войны был решительно изменён. Всеволод как будто забыл о Чернигове, и то, что начиналось как Черниговская война, обернулось новой Рязанской войной, уже третьей по счёту за годы его княжения.

Главный удар был направлен на Пронск. Сюда двинулось всё войско, включая новгородцев, а также полки рязанских князей Глеба и Олега Владимировичей. Отдельная «судовая рать» была послана князем вниз по Оке к Рязани. Проняне же пригласили защищать город Изяслава Владимировича, родного брата Глеба и Олега. Война в самом прямом смысле приобретала братоубийственный характер.

29 сентября войско подступило к Пронску и остановилось на противоположном берегу реки Прони. Первый приступ успеха не принёс, пришлось начинать правильную осаду, которая продлилась почти три недели. Юрий Всеволодович присутствовал в войске отца, но самостоятельной роли по-прежнему не играл.

Летописец подробно описывает ход осады. Как и принято было в древней Руси, Всеволод разделил войско: полки были расставлены по отдельным участкам крепостных стен. Старший сын Константин с новгородцами встал напротив главных ворот «на горе»; третьему сыну Ярославу с переяславцами были поручены вторые ворота, а князю Давыду Юрьевичу с муромским полком — третьи. Юрий же Всеволодович оставался с отцом (27. Стб. 431–432)

Пронск не имел собственных источников воды. Это и прежде подрывало обороноспособность города. Вот и теперь Всеволодовы воеводы «переели» воду и расставили повсюду отряды «стеречь» берег реки, ибо осаждённые по ночам выходили из крепости, «крадяху воду». Проняне, однако, продолжали биться, совершая вылазки уже днём и с оружием в руках: «не брани для, но жажды ради водной, ибо перемёрли многие люди в граде».

Спустя три недели Изяслав запросил мир, и 18 октября 1207 года город сдался. Но это не было полной капитуляцией. Всеволод привёл жителей к кресту, однако не увёл их в полон и не разрушил город, хотя и не ушёл от него с пустыми руками, но взял большой выкуп.

После падения Пронска войско двинулось к Рязани. У села Доброго, или Добрый Сот (существующего и по сей день), великий князь

остановился. Здесь его и встретило рязанское посольство «с поклоном, молящися, дабы не приходил к городу». В роли ходатая выступил рязанский епископ Арсений.

Всеволод Юрьевич и прежде старался избегать кровопролития, если это было возможно. Вот и на этот раз он внял мольбам епископа и рязанских послов. Летописец привычно объясняет всё милосердием князя, но дело было не только в этом. Всеволод добился всего, чего хотел. Он выставил очень жёсткие условия мира, и рязанцы вынуждены были принять их.

Города княжества переходили под управление посадников Всеволода. Рязанские «мужи» обязались отослать во Владимир к великому князю «остаток» князей «и со княгинями»; в качестве заложника остался во Владимире и епископ Арсений. Новым же рязанским князем становился третий сын Всеволода Ярослав — а это означало полное подчинение Рязани владимирскому «самодержцу». 21 ноября 1207 года, в праздник Введения Богородицы, Всеволод с сыновьями вернулся во Владимир — «и была радость великая в граде Владимире».

Юрий вновь не получил никакого удела и остался рядом с отцом. Что же касается его брата Ярослава, то его княжение в Рязани продлилось не слишком долго. Под следующим, 1208 годом летопись сообщает о мятеже рязанцев, которые, нарушив крестное целование Всеволоду и его сыну, схватили Всеволодовых «мужей»: одних заковали в оковы, а иных уморили, засыпав в погребях; самого Ярослава, впрочем, не тронули. Это вызвало новый поход Всеволода к Рязани, и Юрий опять принял в нём участие. И вновь летописец никак не выделяет его и даже не называет по имени, говоря обобщённо о сыновьях великого князя. Рязань была сожжена — заметим, почти за тридцать лет до Батыева погрома. От Рязани Всеволод двинулся к Белгороду-Рязанскому, и этот город, претендовавший на роль второй столицы княжества, постигла та же участь: он был сожжён. Судя по отсутствию упоминаний о нём в летописи, город так и не возродился к прежней жизни. Сотни жителей княжества были уведены в полон.

На этом Рязанская война ещё не закончилась. Но вот на заключительном её этапе Юрий принял в ней самое непосредственное участие. А потому о событиях этих мы поговорим отдельно — под соответствующим годом.

Год 1209. Торжок, Тверь. — Река Дрезна

Блестящие результаты Рязанской войны имели, как ни странно, и несколько негативных последствий для Владимиро-Суздальского княжества.

Константин Всеволодович не стал возвращаться в Новгород, но, по договорённости с отцом, ушёл в Ростов: дал ему отец Ростов «и иных 5 городов дал ему к Ростову», — сообщает летописец (27. Стб. 434). Этими пятью городами, как установили историки, были Углич (Углече поле), Ярославль, Молога, Белоозеро и Устюг — все к северу от Ростова (122. С. 194, прим. 1; 109. С. 99–100).

В Новгороде Константина сменил двенадцатилетний брат Святослав, уже занимавший прежде новгородский стол. Однако удержаться в Новгороде у него не получилось. Зимой 1208/09 года Святослав был схвачен новгородцами, которые пригласили в город торопецкого князя Мстислава Мстиславича (из смоленских Ростиславичей), прозванного позднее Удатным, то есть «удачливым». Смоленские князья прежде были союзниками Всеволода. Теперь бывший союзник превратился во врага.

Это заставило Всеволода Юрьевича начать войну с Новгородом. Как всегда, в этой войне приняли участие его сыновья, в том числе и Юрий (вновь даже не названный по имени).

Той же зимой великий князь Всеволод послал сынов своих, Константина с братьями его, на Мстислава Мстиславича на Торжок.

(27. Стб. 435)

Как обычно, аресту подверглись все новгородцы, оказавшиеся по торговым и иным делам во Владимиро-Суздальском княжестве, в первую очередь «гости», то есть купцы; введена была торговая блокада Новгорода.

Мстислав с новгородским полком — недавними союзниками Всеволода по Рязанскому походу — выступил навстречу Всеволодовичам. Но владимирский князь с самого начала готов был к примирению, ибо в руках у Мстислава оставался его сын.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Пришёл Мстислав в Новгород, и посадили его на столе отца [его]^[19], и рады были новгородцы. И пошёл Мстислав со всем полком на Всеволода; и когда были на Плоской^[20], прислал к нему Всеволод:

— Ты мне сын, а я тебе отец^[21]. Пусти Святослава с мужами и всё, что захватил, верни, [а] я гостей отпущу и товар.

И отпустил Мстислав Святослава и мужей его, а Всеволод отпустил гостей с товарами. Крест целовали и мир взяли, и пришёл Мстислав в Новгород.

(22. С. 51–52)

В Лаврентьевской летописи акценты расставлены иначе. О потере Новгорода здесь вообще ничего не говорится. Сказано лишь о том, что Константин с братьями во главе многочисленного войска выступил к Торжку и затем, находясь в Твери (то есть оставаясь на территории Владимиро-Суздальского княжества), заключил мир с Мстиславом:

...Мстислав же, услышав, что идёт на него рать, ушёл из Торжка к Новгороду, а оттуда ушёл в Торопец, в свою волость. Константин же со своими братьями возвратились от Твери, и Святослав пришёл к ним из Новгорода, и поехали все к отцу своему во Владимир.

И это при том, что Мстислав остался княжить в Новгороде, а вовсе не удалился в Торопец, свою прежнюю волость.

Так Новгород ушёл из-под власти владимирского «самодержца». Всеволод Юрьевич не будет предпринимать попыток вернуть его. А вот сыновья и внуки Всеволода — уже после его смерти — будут неоднократно занимать новгородский стол, в том числе и в княжение во Владимире Юрия Всеволодовича.

*

В зимние месяцы 1208/09 года Всеволоду Юрьевичу приходилось воевать на два и даже на три фронта: и с рязанскими князьями, и с черниговскими Ольговичами, и с князем Мстиславом Удатным. И надо признать, что в целом ему хватало для этого и сил, и ресурсов. Прежде

всего потому, что под рукой у него находились взрослые сыновья, способные при необходимости возглавить войско. Одним из них был Юрий. Именно зимой 1209 года пробил наконец его час, и когда впервые ему доверили самостоятельно командовать владимирским полком, он сумел проявить себя весьма достойно.

Из Московского летописного свода конца XV века

Приходили к Москве рязанских два князя — Изяслав Владимирович и Кир-Михаил Всеволодович, потому что слышали, что сыновья Всеволодовы ушли к Твери, против новгородцев. А того не ведали, что, урядившись с новгородцами, вернулись от Твери во Владимир, к отцу своему. И начали [они] воевать сёла около Москвы...

(40. С. 107)

В Средневековье достоверные известия распространялись медленно и чаще всего приходили с опозданием. Новгородская война закончилась быстрым миром, а этого рязанские князья не учли. И именно Юрия, только что вернувшегося из-под Твери, отец «вборзе», то есть спешно, послал во главе своих дружин против рязанских князей и приведённых ими половцев, разорвавших окрестности Москвы. Заметим, что Ярослава, недавнего рязанского князя, привлекать для этого Всеволод не стал — возможно, потому что Ярослав лишился своей дружины, перебитой во время рязанского мятежа, а может быть, опасаясь, что у него сложились какие-то особые отношения с рязанскими князьями, участниками набега.

Считается, что в Московском летописном своде конца XV века отразился более ранний летописный свод, составленный в правление князя Юрия Всеволодовича, в первой трети XIII века. Очевидно, именно поэтому здесь сохранился наиболее подробный рассказ о военных действиях, ставших заключительным аккордом третьей Рязанской войны. Более того, историки предполагают, что летописец, автор соответствующей летописной статьи, входил в окружение князя Юрия Всеволодовича и либо сам участвовал в походе, либо писал со слов его непосредственного участника (121. С. 217–218). Приведены в летописи и дата победы Юрия — 26 марта 1209 года, и точные географические названия, которые позволяют проследить путь владимирского войска. Правда, не все из этих названий

могут быть определены нами со стопроцентной уверенностью:

Князь же великий Всеволод, услышав (о случившемся. — А. К.), спешно послал против них своего сына Георгия. Тот пришёл к вечеру на Голубино и послал сторожи — искать ратников. И стало ему известно, что Изяслав стоит на Мерьской, а Кир-Михаил — на Литове, а людей своих распустили воевать...

Итак, Юрий воспользовался тем, что рязанские князья разделили свои силы, а составлявшие их основу половецкие отряды занялись грабежом подмосковных сёл. Голубино, упомянутое в летописи, — это, скорее всего, местность (деревня) на правом берегу реки Шередарь, левого притока реки Киржач, впадающей, в свою очередь, в Клязьму, на западе нынешней Владимирской области; это название сохранилось до настоящего времени как название урочища, или леса, хорошо известного жителям здешних деревень Холино и Хмелёво Киржачского района (84. С. 201–202)^[22]. Проведя глубокую разведку, Юрий выяснил местоположение противника и отдельных его отрядов. Оказалось, что Изяслав Рязанский занимает позиции на реке Мерьской — позднее этот левый приток Москвы (впадает в неё недалеко от современного Воскресенска) получил более благозвучное название — Нерская; Кир-Михаил же стоит намного дальше, на Летовке (левый приток Цны, протекает на востоке Московской области, в нынешнем Егорьевском районе). Оба князя нападения не ждали («люди своя распустиша»), хотя и выставили охранение («сторожу»).

Дальнейшие действия Юрия можно оценить как без преувеличения блестящие:

Георгий же двинулся ночью против Изяслава к Мерьской — потому что тот был к нему ближе. И когда был на Волочке, и оттуда отрядил сторожевой полк за реку Клязьму, а сам пошёл за ними. И на ранней заре встретились сторожи их, и погнали Юрьевы сторожи Изяславы, и гнали их лесом, посекая их. Георгий же спешно пошёл за ними с полком своим, и пришёл к реке Дрезне (Дроздьне), и тут ударил по Изяславу. Тот же побежал, а дружину его перебили, а других в плен захватили, а сам он переправился через реку, и многие из дружины его утонули около него.

Слышал же о том Кир-Михаил, что Изяслав побеждён, и сам бежал с полком своим. Был же тогда Великий четверг и Собор

Архангела Михаила. Князь же Георгий возвратился с победой к отцу своему во Владимир с великой честью.

(40. С. 107–108)

...И победил Юрий Всеволодович Изяславов полк Владимировича, — добавляет автор *Летописца Переяславля Суздальского*, — а сам Изяслав убежал, и Кир Михаил за реку за Оку с остатком дружины, а иные тут утопи. Юрий же возвратился к отцу своему с победою в град Владимир.

(45. С. 128)

Упомянутый в летописи Волочѣк, откуда Юрий снарядил в разведку сторожевой полк, — это позднейшее село Волочок-Зуев, левобережная часть нынешнего города Орехово-Зуево Московской области. Это был важный стратегический пункт на западе Владимиро-Суздальского княжества. Само название свидетельствует о том, что здесь начинался волок («волочѣк»), связывавший бассейн Клязьмы через реку Нерскую с Москвой и далее с Окой.

Более или менее точно определяется и место решающей битвы. В летописи река, на которой она случилась, называется Дрозьдой (в Никоновской и ряде других значится Тростна (33. С. 60), но это очевидная ошибка). Речь идёт о реке Дрезне, правом притоке Клязьмы (именно так: Дрозной именуется она в позднейших писцовых книгах). Вероятно, сражение происходило в низовьях реки, вблизи современного одноименного города (84. С. 201). Впрочем, в *Летописце Переяславля Суздальского* место битвы обозначено по-другому: Юрий встретил рязанских князей «у Осового», где и победил Изяславов полк (45. С. 128). Что такое Осовой, непонятно. Скорее всего, какой-то населённый пункт на той же Дрезне.

Великий четверг 1209 года пришёлся на 26 марта, празднование Собора Архангела Михаила, — так что и здесь летописец точен. Во Владимир же князь-победитель вернулся, надо полагать, ещё до Пасхи, то есть ранее 29 марта. С собой он привёл немалый полон.

Это был подлинный триумф князя Юрия Всеволодовича — первый и, как оказалось, последний. Больше столь победоносных войн в его биографии не будет. Не берёмся судить, чем можно объяснить это: тем ли, что Юрий вообще не любил воевать, а когда позднее принимал участие в

сражении, то легко подпадал под влияние других (как это будет в несчастной для него битве на Липице, где всем распоряжался его брат Ярослав), или же тем, что в победоносном сражении под Москвой рядом с Юрием оказался какой-то талантливый воевода. Но что за воевода? Никакого другого имени, кроме имени Юрия, летопись не называет, так что приписывать победу кому-нибудь ещё у нас нет ни малейших оснований.

Год 1211. Владимир

Победа над Рязанью ещё больше укрепила авторитет Всеволода Юрьевича и упрочила его положение старшего во всём разветвлённом семействе Рюриковичей. Даже Мстислав Удатной хотя и удержал за собой Новгород, но согласился признать себя «младше» Всеволода, который обращался к нему как к «сыну» (а не как к «брату» и даже не как к «сыну и брату»).

Вражда с Мстиславом дала повод искать мир с владимирским «самодержцем» самому непримиримому из его врагов — Всеволоду Чермному, старшему в клане князей Ольговичей. Черниговский князь тоже готов был признать старейшинство своего тёзки (что вполне соответствовало действительному его положению в княжеской иерархии). Но из этого признания он рассчитывал извлечь для себя вполне ощутимые выгоды. Тем более что дела его к тому времени стали идти неважно. Так, ещё в 1207 году он потерял Киев.

Всеволод Чермный решился на шаг весьма неординарный, свидетельствующий о его недюжинной дипломатической изворотливости. Он предложил союз Всеволоду Владимирскому. Для этого черниговский князь обратился за посредничеством к киевскому митрополиту греку Матфею. В конце 1210 года тот прибыл во Владимир. Здесь приезд его был расценен как признание Ольговичами поражения в так и не начавшейся войне.

Того же лета, — *записывал суздальский летописец,* — прислали с мольбою к великому князю Всеволоду митрополита Матфея Всеволод Чермный и все Ольговичи, прося мира и во всём покоряющиеся. Великий же князь, видя покоренье их к себе, не помянул злобы их, целовал к ним крест...

(27. Стб. 435)

Мир со Всеволодом Великим немедленно принёс его черниговскому тёзке вполне ощутимые плоды. В том же 1210-м или следующем, 1211 году Всеволод Черниговский вернул себе Киев, в очередной раз изгнав оттуда Рюрика Ростиславича, и остальные князья вынуждены были признать это как свершившийся факт.

Скрепить мир между двумя Всеволодами должен был новый династический брак, заключённый весной 1211 года.

Из Лаврентьевской летописи

Великий князь Всеволод женил сына своего Георгия на Всеволодне, [дочери] киевского князя. И венчан был в Святой Богородице во Владимире епископом Иоанном, и были тут великий князь Всеволод, и все благородные дети его, и все вельможи, и была радость великая во Владимире граде.

(27. Стб. 435)

Точная дата венчания приведена в Московском летописном своде конца XV века:

Привёл князь великий за сына своего за Георгия невесту из Киева, дочь Всеволода Святославича. И венчались у Святой Богородицы соборной во Владимире 10 апреля.

(40. С. 108)

Был ли этот брак для Юрия первым или вторым, с уверенностью сказать нельзя (выше мы осторожно предположили, что вторым). Но на этот раз князь обрёл ту единственную, с которой сможет прожить всю жизнь, до конца своих дней. Имя жены Юрия — Агафья — известно нам из летописного рассказа о взятии Владимира татарами 7 февраля 1238 года. Как и другие владимирские княгини и боярыни, Агафья Всеволодовна примет в этот день мученическую смерть в подожжённом татарами Успенском соборе... Но пока до этого было ещё очень и очень далеко, и молодые были по-настоящему счастливы.

В этом браке появятся на свет (или скажем так: выживут, ибо выживали в те времена далеко не все из новорожденных) по меньшей мере пятеро детей: трое сыновей и две дочери.

Ещё одно событие этого года имело не менее судьбоносное значение для Юрия Всеволодовича.

Вскоре после его женитьбы князь Всеволод Юрьевич решил объявить сыновьям свою последнюю волю. По меркам того далёкого века возраст Всеволода вполне можно было назвать преклонным: ему исполнилось 56 лет. «Того же лета князь великий Всеволод Юрьевич начал изнемогать», — прибавляет позднейший московский книжник (33. С. 63).

Однако собрать всех сыновей князю не удалось. Вот что рассказывает об этом летописец.

Из Московского летописного свода конца XV века

В том же году послал великий князь Всеволод за сыном своим Константином в Ростов, давая ему после своей смерти Владимир, а Ростов Юрию давая. Тот же не поехал к отцу своему во Владимир, желая взять Владимир к Ростову. Он же (Всеволод. — А. К.) послал за ним вторично, призывая его к себе; и снова тот не поехал к отцу своему, но хотел Владимир к Ростову. Князь же великий Всеволод созвал всех бояр своих из городов и из волостей, епископа Иоанна, и игуменов, и священников, и купцов, и дворян, и всех людей, и дал сыну своему Юрию Владимир после себя, и привёл всех к кресту, и целовали все люди [крест] на Юрии; приказал же ему и братию свою.

Константин же услышал про то и разгневался на братьев своих, а более же всего — на Георгия.

(40. С. 108)

Такое исключительное по представительству собрание во Владимире историки оценивали по-разному. Одни видели в нём «нечто вроде земского собора» (130. С. 52), другие — вече, но не рядовое, а «общеволостное», или «общеземское», которое и могло принимать судьбоносные решения относительно замещения княжеского престола (144. С. 693–694; 98. С. 53–54). Но, судя по всему, Всеволод Юрьевич нуждался лишь в одобрении принятого им решения (принятого, может быть, после совета с боярами, но едва ли со «всей землёй»); для него было важно лишь то, что «вся земля» целовала при нём крест его второму сыну. Всеволод имел опыт нарушения подобного крестоцелования: когда его отец Юрий привёл своих подданных

к крестному целованию своим меньшим сыновьям — ему, Всеволоду, и его брату Михаилу, оно было с лёгкостью забыто, и князем стал старший из братьев, Андрей Боголюбский. Стремясь не допустить такого развития событий, Всеволод и проводил крестное целование с особой торжественностью, собрав «всю землю» и надеясь, что в этом случае нарушить клятву будет не так просто. Но, как оказалось, он ошибался...

Примечательно, что в Лаврентьевской летописи (вобравшей в себя позднейший ростовский свод князя Константина Всеволодовича и его сыновей) обо всей этой истории с завещанием и ссорой отца с сыном нет ни слова. В Летописце же Переяславля Суздальского (отразившем свод князя Ярослава Всеволодовича) рассказывается о том, что Всеволод Юрьевич тогда же озаботился и судьбой прочих своих сыновей. Здесь же приведено и предсмертное наставление отца сыновьям, отсутствующее в других летописях:

...Тогда же, при животе своём, раздал [Всеволод] волости детям своим: старшему Константину — Ростов, а потом Юрию — Владимир, а Ярославу — Переяславль, Владимиру — Юрьев, а младших, Святослава и Иоанна, отдал Юрию на руки, так сказав: «Ты им будь вместо отца и имей их так же, как я имел их. И не можете воевать друг с другом, но если на вас поднимется кто из других князей, то вы все, соединившись, будете против них. И будет вам Господь помощник и Святая Богородица и молитва деда вашего Георгия и прадеда Владимира (Мономаха. — А. К.), и потом и я благословляю вас».

(45. С. 129)

Вполне возможно, что предлогом, позволившим Константину не явиться к отцу, стал пожар, случившийся в Ростове спустя месяц с небольшим после женитьбы Юрия, 15 мая того же 1211 года. Тогда загорелся весь город; одних церквей сгорело пятнадцать, «и много зла створилось», — свидетельствует летописец (27. Стб. 435–436).

Но главной причиной ссоры было, конечно, не это. Как оказалось, отец и сын по-разному представляли себе будущее Владимиро-Суздальской Руси. Решение Всеволода было вынужденным. Оно означало фактическое разделение княжества после его смерти. Но поступить по-другому Всеволод был уже не в силах. Наделить сыновей княжескими столами за пределами Владимиро-Суздальской Руси у него не получилось: и Галич, и

Новгород, и Рязань, и даже Южный Переяславль ускользнули из-под его власти. Оставлять же сыновей ни с чем, полностью в воле старшего брата, тоже казалось ему плохим решением — оно неизбежно вело либо к братоубийственной войне, либо к изгнанию младших сыновей за пределы княжества. И тот и другой сценарий были хорошо знакомы Всеволоду Юрьевичу (некогда он сам вместе с братьями был изгнан за пределы Руси Андреем Боголюбским и несколько лет провёл в изгнании); повторения этого для собственных сыновей Всеволод, конечно же, не хотел. Другое дело, что после его смерти случится как раз то, чего он боялся и чего так старательно избегал: в княжестве разразится жестокая война между его сыновьями. Так, к несчастью, почти всегда бывает в истории: благие намерения приводят к удручающим результатам. Желая в равной степени удовлетворить обоих старших сыновей, Всеволод Юрьевич лишь усилил вражду и ненависть между ними.

Что же касается Константина, то он не собирался отказываться от Ростова, который начал при нём возвращать свою былую славу и вновь превращаться в культурную и политическую столицу Северо-Восточной Руси. Константин предполагал сохранить единство княжества — разумеется, оставляя его в собственных руках. Причём поначалу он видел именно «старейший» Ростов главным, стольным городом всего княжества: хотел «взяти Володимер к Ростову», а не наоборот (что дважды подчеркнул летописец).

Всеволод отверг притязания старшего сына. Шаг, на который он решился, дался ему, вероятно, очень нелегко. Константин был лишён старейшинства в братии. Таковым, по воле Всеволода, становился его следующий сын, Юрий.

Это был поворотный момент в биографии князя Юрия Всеволодовича. Теперь он должен был стать после смерти отца великим князем Владимирским — причём в нарушение обычая, в нарушение привычного порядка старейшинства братьев.

Константин узнал об отцовской воле в Ростове. Открыто противиться отцу он не мог, а потому и гнев его был направлен по большей части против отцовских «думцев» — бояр, а также против братьев, и в первую очередь против Юрия. Потому ли, что тот согласился с отцовским решением? Или же Константин подозревал, что Юрий подучил отца передать ему Ростов, а затем и Владимир? Летописец нашёл удивительно точные слова для того, чтобы выразить гнев Константина:

...Константин же... воздвиже брови себе со гневом на

братию свою, паче же на Георгия.

(40. С. 108)

Ощущение тревоги и неотвратимости грядущих бедствий охватило тогда людей. Поздний московский летописец так выразил всеобщее настроение:

И много волнение и смущение бысть о сем, и многи людие сюду и сюду отъезжаху, мятущееся.

(33. С. 64)

Год 1212. Владимир. — Река Ишня. — Владимир

Съезд во Владимире стал последним событием в жизни князя Всеволода Юрьевича. По словам летописца, он ушёл из жизни «тихо и безмолвно» (27. С. 437).

Удивительно, но точная дата его смерти по-разному приведена в разных летописях.

Наиболее надёжное свидетельство о кончине и погребении великого князя содержится в Московском летописном своде конца XV века. Напомню, что в этом памятнике отразилось летописание Всеволодова сына Юрия, а ведь именно Юрий оказался ближе других к отцу в последние дни и месяцы его жизни, и именно ему выпало провожать отца в последний путь. Сведения, приводимые здесь, отличаются точными хронологическими ориентирами:

В лето 6720 (1212). Преставился благоверный и христоробивый великий князь Всеволод, нареченный в святом крещении Дмитрий, сын великого князя Георгия, внук Владимира Мономаха, апреля в 15 день, когда заканчивают литургию, в воскресенье. Наутро же в понедельник сыновья его, Юрий, Владимир, Святослав, Иоанн, и епископ Иоанн, и весь чин священнический, и все люди, отпев над ним обычные песнопения, положили его в церкви Пресвятой Богородицы во Владимире...

(40. С. 109)

При кончине великого князя отсутствовали его третий сын Ярослав — видимо, успевший приехать во Владимир из Переяславля лишь на следующий день^[23], и старший Константин — оставшийся в Ростове. Наверное, поэтому в Лаврентьевской летописи (отразившей летописание Константина Всеволодовича) и Летописце Переяславля Суздальского (отразившем летописание Ярослава Всеволодовича) дата смерти владимирского «самодержца» приведена иначе: «месяца апреля в 13 день, на память святого Мартина, папы Римскаго», — в Лаврентьевской (27. Стб. 436), или «месяца априля в 16 день» — в Летописце Переяславля Суздальского (45. С. 129). В несохранившейся Троицкой летописи (и

сохранившейся Симеоновской) значилась ещё одна дата: «месяца априля в 18 день» (47. С. 299; 38. С. 47). Наконец, в Никоновском своде смерти Всеволода Юрьевича датируется 14 апреля (33. С. 64).

Пять разных дат смерти великого князя — случай исключительный в истории русского летописания!

Тело почившего было положено в каменную гробницу, которую великий князь подготовил для себя ещё при жизни. Заранее определено было и место погребения — на северной стороне храма, в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы (или, по-другому, Знамения Пресвятой Богородицы), напротив гробницы его брата Андрея Боголюбского. Ныне белокаменный саркофаг великого князя Всеволода Юрьевича находится в алтарной части собора, в Андреевском приделе, под спудом. В отличие от саркофага князя Андрея Боголюбского и большинства других гробниц, он не доступен для посетителей собора^[24].

*

Итак, в возрасте двадцати трёх лет Юрий стал владимирским князем. Однако власть его распространялась лишь на часть прежнего великого княжества. Помимо стольного Владимира в его руках находились Суздаль, Москва, Боголюбов (бывшая резиденция его брата Андрея возле Владимира), Городец Радилев на Волге на восточной границе княжества, Соль Великая, также на Волге, в трёх километрах от устья реки Солоницы (ныне посёлок Некрасовское Ярославской области), Кострома, а также земли по нижней Клязьме и Унже (109. С. 100).

Почти вся северная часть княжества (Ростов, Ярославль, Молога, Углич, Белоозеро, Устюг) отошла его старшему брату Константину, так же, как и Юрий, претендовавшему на главенство в Северо-Восточной Руси — причём даже с большими на то основаниями. Фактически независимым стал и третий Всеволодович — Ярослав, княживший в Переяславле-Залесском. Под его властью оказались западные земли княжества — Дмитров, Тверь, Зубцов, Кснятин, Нерехта, а также города Дубна и Шоша на одноименных реках. Четвёртому из братьев, Владимиру, достался Юрьев-Польский, важнейший город в центре так называемого Ополя — самой плодородной части Владимиро-Суздальского княжества. (Впрочем, как мы увидим, Владимира это отнюдь не удовлетворило.) Так единая некогда Владимиро-Суздальская Русь распалась на отдельные княжества, между правителями которых — родными братьями! — сразу же начались

войны.

По отцовскому завещанию Юрию были поручены (даны «на руки») младшие братья, Святослав и Иван. Но и это стало поводом для конфликта. Если самый младший из братьев, Иван, амбициозностью не отличался («Иваном Кротким» назвал его один из книжников XVI века, автор «Родословия князей Стародубских»: 23. С. 230), то о Святославе сказать такое было нельзя. Он открыто претендовал на обладание каким-либо уделом, а потому оставаться с Юрием не захотел. Больше того: именно с бегства Святослава к Константину — своего рода внутрисемейного мятежа, сразу же изменившего соотношение сил между братьями, — и началась эта война.

Мы уже приводили слова московского книжника о великом «волнении и смущении», которые охватили людей, бросавших повсюду свои дома и бежавших неведомо куда. Увы, страхи их оправдались очень скоро.

Разные летописи — что естественно — по-разному излагают ход событий, обвиняя в развязывании войны одни одного, а другие другого из братьев — в зависимости от того, при чьём дворе составлялась летопись. А потому мы так и не знаем наверняка, кто именно — Юрий или Константин — начал войну. Наиболее подробный рассказ содержит Летописец Переяславля Суздальского. Но в центре его — не столько Юрий, сколько его брат Ярослав, переяславский князь. Однако именно здесь сохранилось известие о том, что Юрий готов был вернуться к первоначальному варианту отцовского завещания и отдать брату Владимир, взяв себе Ростов. Получается, что он не держался за отцовский престол, что называется, «мёртвой хваткой» и признавал старейшинство Константина. Но Константин ответил отказом отцу и уж тем более не откликнулся на предложение брата. Отдавать Ростов он не собирался ни при каких условиях.

В других летописях ни о чём подобном не говорится. И рассказ того летописного свода, который связывают с Юрием Всеволодовичем (в составе Московского летописного свода конца XV века), и рассказ Лаврентьевской летописи отличаются крайней скупостью на детали.

Из Московского летописного свода конца XV века

...Святослав князь (сын Всеволодов. — А. К.) пошёл в Ростов к брату своему Константину.

[О брани между братьями Всеволодовичами.]^[25] А

Константин начал рать замышлять на Георгия, хотя взять под ним Владимир. Георгий же, не желая его к себе пускать, пошёл на него с братьею, с Ярославом, Владимиром и Иоанном. И когда были они у Ростова, и тут, умирившись, крест целовали друг другу, и разошлись каждый восвояси.

В то же время был голод великий, так что и люди умирали, а иные и в пост мясо ели.

(40. С. 109)

Из Лаврентьевской летописи

...Того же лета приходил Юрий князь с Ярославом к Ростову, и помирились с Константином, и разошлись каждый восвояси.

Того же лета, месяца мая в 23 день, на память святого Михаила епископа, были постриги у Константина, сына Всеволодова, сыновьям его, Васильку и Всеволоду, и была радость велика в граде Ростове.

(27. Стб. 437)

Из Летописца Переяславля Суздальского

...Тогда же разгневался Святослав на Юрия, и бежал от него в Ростов к старшему брату Константину, и поведал ему обо всём, что случилось во граде Владимире, потому что не был тогда [Константин во Владимире], когда отец умер. Юрий же, ведая непокорство брата своего Константина и другого, Владимира, призвал к себе Ярослава и сказал ему:

— Брате Ярославе! Если пойдёт на меня Константин или Владимир, будь ты со мною в помощь мне; если же на тебя пойдёт, то я тебе в помощь буду!

Ярослав же сказал тогда:

— Да будет так, брате!

И целовал Ярослав крест с братом Юрием, и поехал в Переяславль, а Юрий сел во Владимире, на столе отца своего, а Владимир — в Юрьеве. Ярослав же приехал в Переяславль 18

апреля и созвал всех переяславцев к Святому Спасу, и сказал им:

— Братья переяславцы! Вот отец мой преставился к Богу, а вас дал мне, а меня вам дал на руки. Да скажите мне, братия, хотите ли меня иметь, как имели отца моего, и головы свои за меня сложить?

Они же все отвечали:

— Да будет, господине, так: ты — наш господин, ты — Всеволод!

И целовали ему все крест. И так воссел Ярослав на стол в Переяславле, где и родился.

Услышал же Константин, что отец мёртв, а Юрий сидит во Владимире на отцовском столе, и сказал:

— То сему ли подобает сидеть на отцовском столе, меньшему, а не мне, большему?!

И начал собирать воев с братом Святославом на Юрия.

Услышал же о том Юрий и послал к брату Константину с такими словами:

— Брате Константине! Если хочешь Владимир, иди, садись в нём. А мне дай Ростов!

Константин же не захотел того, но хотел в Ростове посадить сына своего Василька, а сам хотел сесть во Владимире, а Юрию сказал:

— Ты садись в Суздале.

Юрий же не захотел того. Но послал к брату Ярославу в Переяславль:

— Идёт на меня брат Константин. И ныне приди, брате, и либо помиримся с ним, либо будем биться!

Услышал же о том Ярослав и, собрав переяславцев, пошёл к Ростову, а Юрий с владимирцами и с суздальцами пошёл. И, придя, встали у города Ростова, за рекой Ишной^[26]. Константин же расставил полки свои у бродов возле реки. И так начали Ярославова дружина и Юрьева биться через реку Ишню, потому что была река грязна очень и из-за этого нельзя было Юрию и Ярославу подойти ко граду Ростову. И тут убили Ивана Радославича^[27]. И пока стояли у города, много пакости сотворили: сёла пожгли, скот отняли, жито потравили. И стояли так недели с четыре, и помирились: поцеловали крест и разъехались каждый восвояси.

(45. С. 129–130)

«Стояние на Ишне», в непролазной, как можно судить по летописи, грязи, не привело к миру, но означало лишь неустойчивое перемирие. Два противоборствующих лагеря обозначились чётко: с одной стороны Константин Всеволодович, с другой — Юрий и Ярослав. Два брата будут и дальше действовать заодно друг с другом, причём нередко инициатива будет исходить от более энергичного и властолюбивого Ярослава, так что Юрий, как кажется, порой лишь подчинялся младшему брату. Что же касается следующих по старшинству Владимира и Святослава, то их позиции окажутся неустойчивыми, и очень скоро они поменяют своих покровителей, перейдя каждый на противоположную сторону.

Пока же Юрий вернулся в стольный Владимир. Первые же его шаги в качестве владимирского князя обнаруживают в нём трезвость ума и способность вести самостоятельную политику, не оглядываясь на то, как поступал в том или ином случае отец.

Из Летописца Переяславля Суздальского

В том же году Юрий Всеволодович выпустил из погреба князей рязанских и дружину их: сидели [в заточении] 6 лет, а Роман^[28] тут и умер. Юрий же, одарив их золотом, и серебром, и конями и дружину их так же одарив, утвердившись с ними крестным целованием, отпустил их восвояси.

Тогда же получили свободу и рязанский епископ Арсений, также насильно удерживаемый во Владимире, и «все люди рязанские» (27. Стб. 437). Это, конечно, был продуманный шаг нового владимирского князя. Пребывание такого количества пленников и заложников во Владимире давно уже стало обременительным для властей княжества, а мир с Рязанской землёй, скреплённый крестным целованием получивших свободу рязанских князей, был для Юрия Всеволодовича явно более выгоден. Не стоит забывать и о том, что Юрий был женат на дочери черниговского князя Всеволода Святославича Чермного и через этот брак породнился (или, точнее, вступил в свойство) с рязанскими князьями (на сестре его жены был женат наиболее энергичный из рязанских князей Кир-Михаил Всеволодович). Сохранил Юрий и мир с муромскими князьями.

Иначе, чем отец, Юрий поступал и в отношении церковных дел. Но о

его церковной политике — чуть позже.

...Почти 25 лет, правда, с перерывами, проведёт Юрий Всеволодович на владимирском престоле. В посмертной похвале князю-мученику летописец будет всячески прославлять его христианские добродетели:

...сей чудный князь Юрий старался Божии заповеди хранить и страх Божий имел в сердце... Милостив же был паче меры... и не щадил имения своего, раздавая нуждающимся и церкви строя и украшая иконами бесценными и книгами...

(27. Стб. 468–469)

Но это обычный, стандартный набор княжеских добродетелей, повторяющийся в большинстве летописных панегириков русским князьям. Он не даёт представления о личности князя. Что-то из перечисленного, безусловно, подтверждается деяниями Юрия — например, строительство и украшение церквей или щедрость его в отношении рязанских пленников. Но всё же похвала князю скудна; многого в ней, как кажется, не хватает, особенно если сравнивать её с панегириками другим князьям — например, Андрею Боголюбскому или тому же Константину Всеволодовичу.

К сожалению, нет в летописной похвале и описания внешности великого князя — и это тоже отличает её от многих других панегириков, например, племяннику Юрия, князю Васильку Константиновичу, так же, как и Юрий, принявшему мученическую смерть от татар. Единственное указание на внешность князя — и даже всего на одну его черту, вероятно, наиболее бросающуюся в глаза, — содержится в Тверском летописном сборнике XVI века:

Князь великий... Юрий... бе... телом толст и стяжек.

(36. Стб. 323)

Возможно, что последнее слово следует читать просто как «тяжек». Или же оно происходит от древнерусского «стяг» — мясная туша (139. Т. 3. Стб. 591), то есть значит: «тучен». Но вполне может быть, что эпитет этот вообще не имеет отношения к внешности князя, а обозначает черту его характера — причём весьма неприятную, связанную со стяжанием, любовью к наживе. Так или иначе, но очевидно, что в данном контексте (а речь в этом фрагменте идёт о бегстве Юрия после позорного поражения в

Липицкой битве 1216 года) характеристика князя выглядит крайне негативной. Впрочем, насколько она вообще заслуживает доверия и не имеем ли мы дело с сочинительством позднейшего тверского книжника, весьма неприязненно относившегося к владимирскому князю, сказать трудно. Так, обращает на себя внимание то, что характеристика Юрия в этом рассказе является антитезой характеристики его противника в Липицкой битве — князя Мстислава Удатного: «...бе бо Мьстислав легок и храбер» (36. Стб. 321). «Лёгкий» и телом, и храбростью на поле брани Мстислав явно противопоставит тучному и трусливому Юрию.

Имеется в источниках и ещё одно описание великого князя — резко отличающееся от всех прочих и изображающее Юрия Всеволодовича — уже без всяких оговорок — в самом чёрном цвете. Оно тоже принадлежит книжнику XVI века, то есть столь же удалено от того времени, в котором жил князь Юрий. Приведём, однако, и его — что называется, для полноты картины.

В сохранившейся в единственном списке второй половины XVI века так называемой Чудовской редакции Жития князя-мученика Михаила Черниговского и боярина его Феодора — современников Юрия, отказавшихся служить татарам и потому принявших от них лютую смерть, — Юрий выглядит воплощением всех земных пороков:

...Бе бо живуще ему свиньскы, в мнозе кале греховне и скверне, в гордыни и властолюбии, и в пианьстве, и в зависти, и в любодии, и в скупости, и в немилосердии; вьистину скотско житие живьи...

(55. Прил. С. 81)

А далее — совершенно фантастический рассказ о недостойном поведении Юрия накануне монгольского нашествия на Русь: «по-скотски» живущий князь, услышав о приближении татар к границам своей земли, в страхе устремляется к некому отшельнику, дабы узнать о своём будущем, но тот отказывается даже разговаривать с ним. И лишь юная и чистая дочь князя, посланная им к тому же отшельнику (с явно вычурным и, вероятно, греческим именем: Каламирисо), узнаёт: «Преодоле бо злоба отца твоего милосердие Владычно, уже бо не имат помилован быти, но зле имае погинути, и суцаа с ним» (см. ниже, в Приложении ко второй части книги). Иными словами, именно грехи князя Юрия становятся причиной страшного разорения Русской земли!

Что двигало пером книжника XVI века, когда он давал такую уничижительную характеристику владимирскому князю? Выдумка ли это в чистом виде? Или какие-то реальные пороки князя Юрия — может быть, любострастие, или скупость, или, скажем, пьянство? — пусть и утрированные агиографом, нашли отражение в этом «антипортрете»? (Например, о пьянстве Юрия упоминает также автор Тверской летописи — всё в том же рассказе о поражении князя в Липицкой битве (36. Стб. 320).) Немногие исследователи, обращавшиеся к данной редакции Жития князя Михаила, находили в основе её рассказа о Юрии «народное предание», некий «отголосок народной молвы» о событиях далёкого прошлого, или «народную легенду», дошедшую до книжника XVI века, «конечно, в изменённой уже версии» (55. С. 50–54; 129. С. 229). Несомненно и то, что автор XVI столетия — времени победы Руси над Казанским ханством, наследником Золотой Орды, — искал в личности погрязшего в грехах великого князя Юрия Всеволодовича хоть какое-то объяснение предшествующей трагедии порабощения Руси татарами, развивая мысль летописца XIII века: «...грехов наших ради и неправды, за умножение беззаконий наших попустил Бог поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы отступили от злых дел» (27. Стб. 462). В реалиях XVI века эта общая мысль требовала некой конкретики, которую и пытался воссоздать автор на примере великого князя, домысливая или же просто выдумывая его биографию (ср. 55. С. 51; 129. С. 218–222), именно в нём пытаюсь увидеть олицетворение тех «грехов и неправды», тех «беззаконий», которые и стали причиной «попущения Божия» на Русь. Есть основания предполагать, что автор Чудовской редакции происходил из Ярославля (именно Ярославль и стольный Владимир он называет «градами нашими славными»: 55. Прил. С. 82); Юрий был для него «чужим» князем, и он мог не жаловать его. Поэтому не станем слишком уж доверять его рассказу и его характеристике князя — как, впрочем, с осторожностью отнесёмся и к тому трафаретному отзыву о добродетелях Юрия Всеволодовича, который содержится в летописной похвале ему и более поздних сочинениях.

Год 1213. Владимир. — Река Ишня. — Москва

Зима 1212/13 года принесла новые неприятности князю Юрию Всеволодовичу. Его девятнадцатилетний брат Владимир, не удовлетворившись княжением в Юрьеве, окончательно рассорился с ним и перебежал на сторону Константина, а затем «изъездом», то есть неожиданно, захватил Москву — город Юрия Всеволодовича. А вот другой его брат, семнадцатилетний Святослав, напротив, перешёл на его сторону; ему Юрий и передал освободившийся после бегства Владимира Юрьев-Польский. Ситуация становилась всё более запутанной.

Пугали и непонятные небесные явления, наблюдавшиеся над Владимиром:

Из Московского летописного свода конца XV века

...Было знамение на небе 25 марта, в пол-утра: явился над солнцем месяц, и начал быстро расти, и как стал словно луна за три дня до полнолуния, нашло на него облако чер[м]но^[29], и постояло немного над луною, и сошло с неё прочь, и снова стал месяц мал; и опять начал полниться, и сделался так, словно за три дня [до полной луны], и опять нашло на него облако такое же, и, постояв немного, сошло, и был опять месяц мал. И было так четырежды. А когда случилось так вчетвёртое, потом уже не было ничего^[30]...

Пожар был во Владимире 4 июня; сгорело 200 дворов и 4 церкви: Иоанна Предтечи, Иоанна Богослова, и Илии, и Евпатия.

(40. С. 110)

Но главное, возобновились затихшие было военные действия:

Из Летописца Переяславля Суздальского

...На ту же зиму Владимир Всеволодович не захотел княжить в Юрьеве и бежал на Волок^[31], а с Волока на Москву, и

сел тут, в городе брата своего Юрия...

В лето 6722 (1213)^[32]. Выдана была Ростислава из Новгорода, дочь Мстислава Мстиславича, за Ярослава, сына великого князя Всеволода, в Переяславль Суздальский.

В том же году снова начал Константин войну: отнял у Юрия Соль Великую, а Кострому сжёг; а у Ярослава отнял Нерехту. Услышав же о том, Юрий и Ярослав, собрав полки, пошли опять на Константина к Ростову. И Давыд, муромский князь, пошёл на Константина Юрию и Ярославу в помощь. И, придя, встали у Ростова за рекой Ишной, где и прежде стояли. И повелели Юрий и Ярослав людям своим жечь сёла около Ростова. Услышав же о том, Владимир, брат их, пошёл с москвичами и с дружиной своей к Дмитрову, к городу Ярослава, брата своего, — а Ярослав тогда был у Ростова. Услышали дмитровцы, что идёт на них Владимир, и сами сожгли всё предградие, и затворились [в городе]. Владимир же, придя, не смог им ничего сделать, потому что крепко бились дмитровцы из города. Тогда же хотели Владимира застрелить, и бежал он с полком своим от города, убоявшись брата своего Ярослава; дмитровцы же, выйдя из города, перебили тылы дружины его. Владимир же, ускакав, сел на Москве.

(45. С. 130–131)

Сам князь Юрий, по сведениям Тверского летописного сборника XVI века, стоял в Пужболе — селе в трёх километрах от Ростова (ныне в составе сельского поселения Ишня), а его войско — «за две версты от Ростова, по реке Ишне». В изложении тверского книжника события той войны обросли уже совершенно легендарными подробностями. В составе Константинова войска бился знаменитый «храбр» (богатырь), некогда служивший ещё отцу братьев, великому князю Всеволоду Большое Гнездо, — Александр (Алёша) Попович, побивший со своим слугой Торопом многих воинов Юрия:

Александр же, выходя [из города], многих людей великого князя Юрия побивал, их же костями накладены могилы великие на реке Ишне и донине... ибо много людей было с великим князем Юрием; а иные побиты от Александра же под Угодичами^[33]... Ибо те храбрые, выскочив на кою-либо сторону, обороняли град Ростов молитвами Пречистой. Многожды ведь

князь великий Юрий на братнее достояние приходил, но со срамом возвращался...

(36. Стб. 337)

Не лишено интереса — в том числе и для характеристики великого князя Юрия Всеволодовича — то, как описывает автор Тверской летописи дальнейшую судьбу легендарного ростовского богатыря. Вместе с другими ростовскими «храбрами» Александр Попович участвовал и в битве на Липице, где совершил великие подвиги и где от руки его пали столь же легендарные богатыри князя Юрия — «храбрый Юрята» и «боярин Ратибор». Впоследствии, когда Юрий Всеволодович окончательно завладел владимирским великокняжеским столом (а случилось это в 1218 году), Александр будто бы убоился, не начнёт ли Юрий мстить ему «Юряты ради, и Ратибора, и иных многих от дружины своей», и решил покинуть Ростов и вместе с другими богатырями перейти на службу к киевскому князю Мстиславу Романовичу, тестю Константина (36. Стб. 337–338). Погибли все они, по версии тверского книжника, в битве с татарами на реке Калке в 1223 году.

Мы уже отмечали, что автор Тверской летописи не по-доброму относился к владимирскому князю. Вот и в этом рассказе — пускай и в скрытой форме — обнаруживает себя такое его качество, как мстительность: ростовские богатыри, служившие и отцу Юрия Всеволоду, и брату Константину, не могут найти с ним общий язык и отказываются ему служить. Но и здесь перед нами всего лишь легенда, возможно, отголосок какой-то былины, обработанной книжником XVI столетия, и принимать её на веру вряд ли стоит. Зато из достоверных, летописных источников мы знаем, что реальные воеводы — противники Юрия и бывшие воеводы его брата Константина — перейдут к нему на службу и займут при нём самые почётные должности (таков, например, воевода Еремей Глебович, возглавивший войско Юрия в походе на болгар в 1220 году и на мордву в 1228-м).

...Взаимное разорение областей: Юрием и Ярославом пригородов Ростова, а воинами Константина — Костромы, Соли Великой (главного поставщика соли для всего княжества) и Нерехты — обессиливало всех участников войны. К тому же в княжестве начался голод. Наверное, сказалось и то, что Ярослав Всеволодович заручился поддержкой сильнейшего из тогдашних князей — Мстислава Удатного, правившего в Новгороде. Когда именно Ярослав расстался со своей первой женой-

половчанкой, умерла ли та своей смертью или была пострижена в монахини, летописи не сообщают, но брак с Ростиславой Мстиславной означал для третьего Всеволодова сына союз со всем могущественным кланом смоленских князей Ростиславичей, которые к этому времени добились гегемонии на юге: Ольговичи были разбиты, бежавший из Киева Всеволод Чермный умер, а киевский престол — по согласованию с Мстиславом Удатным — занял его двоюродный брат и тезка Мстислав (в крещении Борис) Романович, позднее прозванный Старым.

Так между Всеволодовичами опять был заключён временный мир. Больше того, Константин согласился помочь Юрию против мятежного брата Владимира.

Юрий же и Ярослав стояли у Ростова, не пуская полков своих на Константиновы полки и, помирившись с ним, целовали крест между собой. Давыд пошёл к Мурому, а Ярослав — к Переяславлю, а Юрий пошёл к Москве против Владимира, испросив помощь у Константина и у Ярослава. И, придя, осадил Москву, свой город, и послал к Владимиру в город с такими словами:

— Поезжай ко мне, не бойся. Я ведь тебя не съем, ты мне брат!

Владимир же, послушавшись его, выехал к нему. Юрий же договорился с ним на том, что пойти ему на княжение в Русский Переяславль, отчину свою. И пошёл Юрий во Владимир, а Владимир — в Русский Переяславль, и сел в нём [на княжение].

В то же лето был великий голод по всей земле Суздальской. И много зла навёл Господь на нас за беззакония наши: ибо одни ели кору дубовую, а иные мох, а иные солому толкли, а иные конину ели, и в Великий пост. И много людей тогда умерли от голода...

(45. С. 130–131)

Когда именно Южный Переяславль вернулся под власть суздальских князей, летописи опять-таки не сообщают. Возможно, это стало следствием примирения двух Всеволодов ещё в 1211 году, а возможно, что и наоборот — следствием поражения Ольговичей и примирения Ростиславичей с суздальскими князьями.

Надо признать, что Юрий по-доброму обошёлся с братом. Его слова,

сохранённые летописцем («...Аз убо тебе не снем, ты мне еси брат свой» — как видим, Юрий умел выражаться и ярко, и образно), с несомненностью свидетельствовали о том, что родственные чувства значили для него больше, чем простой политический расчёт. Но столь же несомненно и другое: уход Владимира на юг ослаблял напряжение внутри княжества.

В дальнейшем Владимир Всеволодович выйдет из-под опеки старших братьев. В 1215 году он женится на дочери черниговского князя Глеба Святославича (брата покойного Всеволода Чермного). Однако судьба его в качестве переяславского князя сложится весьма драматично. В том же 1215 году он попадёт в плен к половцам, проведёт в плену несколько лет и только зимой 1217 года вернётся к братьям. (Как видим, ни его новые черниговские родичи, ни родные братья не торопились вносить за него выкуп.) Константин, ставший к тому времени великим князем Владимирским, передаст ему город Стародуб (ныне село Клязьминский Городок, недалеко от Коврова), в котором Владимир и будет княжить до самой своей смерти в 1228 году.

*

Ещё одно событие года оказалось счастливым для Юрия.

Из Лаврентьевской летописи

...Того же лета родился сын у князя Георгия месяца октября в 23-й день, и назвали его Всеволод, а в святом крещении нарекли ему имя Дмитрий.

(27. Стб. 438)

И своё крестильное, и княжеское имя старший сын Юрия получил в честь деда — великого князя Всеволода Юрьевича. Три дня спустя праздновалась память святого Димитрия Солунского, и сам Юрий и его княгиня должны были увидеть добрый знак в том, что их старший сын появился на свет в канун этого особого и для града Владимира, и для княжеской семьи праздника.

Был ли Всеволод первенцем, старшим ребёнком в семье? Трудно

сказать. Известно, что у Юрия имелась дочь, которая в 1226 году вышла замуж за галицкого князя Василька Романовича (36. Стб. 346). Исходя из даты замужества, её признают старше Всеволода (79. С. 329). Возможно, так и было. Однако в древней Руси девочек выдавали замуж очень рано, и нельзя исключать того, что эта неизвестная нам по имени дочь Юрия появилась на свет после 1213 года.

Год 1214. Владимир

Из Летописца Переяславля Суздальского

В том же году владимирцы с князем своим Юрием изгнали Иоанна из епископии, за то что неправо творил, а Симона поставили епископом, игумена [монастыря] Святого Рождества...^[34] во граде Владимире.

В том же году поставили епископом Пахомия во граде Ростове, бывшего игумена [монастыря] Святых Петра и Павла.

В том же году заложил Константин церковь соборную Святой Богородицы во граде Ростове^[35].

(45. С. 132)

Как видим, вражда братьев привела к тому, что единая прежде Ростово-Суздальская епархия распалась на две — Владимиро-Суздальскую и Ростовскую.

Летописец не говорит о том, что явилось причиной ссоры Юрия Всеволодовича с епископом Иоанном и что именно тот «неправо творил». Но очень похоже на то, что причиной его изгнания из Владимира как раз и стало нежелание владыки мириться с разделом епархии и созданием новой епископской кафедры.

Летописи по-разному передают детали произошедшего. Так, согласно Лаврентьевской (ростовской по происхождению), Иоанн удалился в Боголюбов монастырь, недалеко от Владимира. Московский же летописный свод конца XV века сообщает, что бывший владыка, «оставив епископию, ушёл в келию в Суздаль, к Козьме и Дамиану, и был черноризец» (40. С. 110). Неизвестно и то, кто первым — Юрий или Константин — поспешил утвердить своего ставленника в Киеве. Там согласились и с созданием новой епархии, и с обоими кандидатами — можно не сомневаться, что за немалую «мзду» от обоих князей.

Новым ростовским владыкой стал духовный отец князя Константина Всеволодовича Пахомий, постриженник киевского Печерского монастыря и бывший игумен ростовского Петропавловского. Первым же епископом Владимирским стал игумен Симон.

Это был человек далеко незаурядный. Тоже бывший постриженником киевского Печерского монастыря — настоящей «кузницы кадров» древнерусского епископата, он был возведён в игумены ранее 1205 года по воле Всеволода Большое Гнездо и одновременно являлся духовником тяжелобольной супруги князя Всеволода Марии. Суздальский летописец называет его «блаженным, и милостивым, [и] учительным» (27. Стб. 448). В русскую историю епископ Симон вошёл как выдающийся писатель, один из авторов Патерика Киево-Печерского монастыря — одной из самых чтимых книг древней Руси. Основу Патерика составила его переписка с печерским же постриженником Поликарпом, пытавшимся без благословения игумена покинуть монастырь и занять одну из пустующих епископских кафедр. Симон резко обличает столь недостойное инока поведение (1. С. 99–103; 5. С. 354–363) и в этой связи приводит рассказы из жизни прежде бывших печерских монахов; другие рассказы о них же приведены в посланиях Поликарпа печерскому игумену Акиндину. Между прочим, как выясняется из Патерика, Поликарп тоже был хорошо известен князю Юрию Всеволодовичу («Знай, что почитают тебя здесь князь, и бояре, и все друзья твои», — обращается к Поликарпу Симон: 5. С. 355), и тот даже хотел сделать его «сопрестольником» (то есть владычным наместником)^[36] самого Симона, но Симон отговорил князя.

Да если бы ты был достоин такого сана, я не отпустил бы тебя от себя, — писал Симон Поликарпу, — но своими руками поставил сопрестольником себе в обе епископии — во Владимир и в Суздаль^[37], — как и князь Георгий хотел; но я воспрепятствовал ему в этом, видя твоё малодушие

(5. С. 361. Перевод Л. А. Дмитриева)

Симон находился в переписке и с другими образованными людьми, в частности с княгиней Анастасией-Верхуславой Всеволодовной, сестрой Юрия. С самим же великим князем Юрием Всеволодовичем Симон установил самые добрые отношения, считая себя во многом обязанным ему. Не случайно, говоря о Юрии Всеволодовиче, один из летописцев назовёт Симона «его епископом» (40. С. 116). Но, как видно из процитированных выше слов самого Симона, великий князь прислушивался к словам своего епископа и — по крайней мере, в церковных делах — поступал в соответствии с его советами.

Пройдёт несколько лет — и Симон последует за князем в ссылку в

Городец на Волгу, а во Владимир вернётся с ним же, с Юрием. Его поддержка во многом окажется спасительной для Юрия.

Из Лаврентьевской летописи

...В том же году родился сын у Константина Владимир, а в святом крещении нарекли ему имя Дмитрий...

В том же году христоробивый князь Константин заложил церковь каменную в Ростове на своём дворе во имя Святых мучеников Бориса и Глеба.

(27. Стб. 438)

Как считают историки архитектуры, церковь Бориса и Глеба в Ростове, построенная из красного кирпича — плинфы, была возведена той же артелью мастеров, которая строила собор Княгинина монастыря во Владимире (128. С. 136). Позднее, видимо ими же, были возведены ещё две церкви в Ярославле — уделе Константина Всеволодовича: церковь Успения (1215) и собор Спасского монастыря (освящён в 1224-м). Останки церкви Бориса и Глеба — чуть ли не древнейшее сохранившееся сооружение Ростова Великого. Однако увидеть их нельзя: они скрыты внутри вала, на котором возвышается позднейшее здание церкви Бориса и Глеба, XVIII века, ныне наполовину разрушенное.

*

К событиям, происходившим в Новгороде, князь Юрий Всеволодович присматривался очень внимательно, хотя пока что они напрямую его не касались.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Месяца февраля в 1-й день, в неделю сыропустную, гром был после заутрени, и все слышали; и потом тогда же змея видели летящего^[38].

В тот же день князь Мстислав пошёл с новгородцами на чудь

на Ереву^[39], сквозь землю Чудскую, к морю: сёла их разорил и засеки их захватил. И встал с новгородцами под городом Воробьиным, и чудь поклонилась ему. Князь же Мстислав возложил на них дань: и дал новгородцам две части дани, а третью часть [дал] дворянам своим^[40]. Были же тут и псковский князь Всеволод Борисович с псковичами, и торопецкий князь Давыд, Владимиров брат^[41]; и вернулись все в здравии со множеством полона.

(22. С. 52–53)

Это был не первый успешный поход Мстислава Новгородского в земли эстов. За два года до этого он ходил с теми же новгородцами на «чудь, рекомую Торму», на крепость Медвежью голову (Оденпе, ныне Отепя), и столь же успешно: взял дань с эстов, «и пришли все в здравии» (22. С. 52). Походы эти были вызваны в первую очередь усилением крестоносной агрессии в земли эстов; продвижение рыцарей из основанного в Риге в 1202 году Ордена меченосцев на восток Прибалтики угрожало владениям Новгорода и Пскова.

Об упомянутом в Новгородской летописи походе на Ереву сохранился рассказ в «Хронике Ливонии». Здесь он, правда, датирован 1211/12 годом.

Когда великий король Новгорода Мстислав услышал о тевтонском войске в Эстонии, — *сообщает ливонский хронист Генрих*, — он тоже поднялся с пятнадцатью тысячами воинов... и осадил замок Варболе и бился с ними несколько дней. Осаждённые обещали дать ему семьсот марок ногат^[42], если он отступит, и он возвратился в свою землю.

(19. С. 120. Перевод В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой)

Однако уже в следующем, 1215 году Мстислав Удатной «по своей воле» покинул Новгород и отправился к своей родне в Киев. («Есть у меня дела в Руси. А вы вольны в князьях!» — такие его слова, обращённые к новгородцам, передаёт Новгородская летопись.) И в поисках князя, способного оборонять город в случае новой войны, новгородцы обратились к суздальским князьям, а именно к брату Юрия Ярославу Всеволодовичу.

Год 1215. Новгород

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6753 (1215). ...В том же году новгородцы, много размышлявши, послали за Ярославом за Всеволодовичем, за Юрьевым внуком, Юрия Иванковича, посадника, и Якуна тысяцкого, и старейших купцов 10 человек. И вступил князь Ярослав в Новгород, и встречали его архиепископ Антоний с новгородцами...

(22. С. 53)

В позднейшей Никоновской летописи рассказ этот распространён (и, видимо, домыслен) так, что решающая роль в возведении Ярослава на новгородский стол отведена его брату, владимирскому князю Юрию Всеволодовичу. Новгородцы, по версии московского книжника, весьма страдали от жёсткой руки Мстислава Удатного и, избавившись от него, поспешили найти себе нового князя:

...Новгородцы же возрадовались, избавившись от князя своего, и послали... во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу и в Переяславль, что на Клещине озере, зовуще к себе в Новгород князя Ярослава Всеволодовича; и о сём молящеся князю великому Юрию Всеволодовичу, дабы брата своего Ярослава понудил к ним идти в Новгород на княжение...

(33. С. 68)

Стоит напомнить, что князь Ярослав Всеволодович приходился зятем Мстиславу Удатному; наверное, это поспособствовало его приглашению на княжение.

Новгород нуждался в сильном князе, способном защитить город и от «немцев», всё чаще покушавшихся на те земли, с которых новгородцы привыкли получать дань, и от воинственной «литвы». Ярослав Всеволодович показал себя именно таким князем. Но его попытки вмешаться в собственно новгородские дела и установить в этом вольном

городе порядки, существовавшие во Владимире или Переяславле, сразу же оттолкнули от него новгородцев. В результате Новгород оказался расколот. В городе были «партия», стоявшая за Ярослава, и «партия», резко враждебная ему.

Летопись самого Ярослава Всеволодовича, как уже было сказано, обрывается на событиях 1214 года, и обо всём, что происходило тогда в Новгороде, мы знаем исключительно из новгородских летописей, а их авторы настроены враждебно к Ярославу. И для этого у них имелись основания. «Утвердившись в Новгороде, — писал крупнейший исследователь средневекового Новгорода Валентин Лаврентьевич Янин, — князь Ярослав следует старой суздальской политике и стремится вбить клин между боярскими группировками, активизируя внутреннюю борьбу боярства» (149. С. 184).

Князь поддержал одну из новгородских «партий» в ущерб другой. То, что происходило в год его первого пребывания на новгородском престоле, более всего может быть охарактеризовано словом «террор». Были схвачены тысяцкий Якун (тот самый, который приглашал Ярослава в Новгород), новоторжский посадник Фома, схвачены или убиты некоторые видные новгородцы. Сам князь удалился в Торжок (Новый Торг), бывший «пригород» Новгорода, разделённый на две половины, одна из которых принадлежала теперь суздальским князьям. Сюда за ним последовали многие из его сторонников. Жена Ярослава, дочь Мстислава Удатного, осталась, однако, в Новгороде — возможно, удерживаемая новгородцами, а возможно, и по своей воле. Засев в Торжке, Ярослав установил экономическую блокаду Новгорода, особенно губительную в условиях неурожая и нарастающего голода:

...Той же осенью много зла сотворилось: побил мороз урожай по волости, а на Торжке всё уцелело. И забрал князь весь хлеб в Торжке, не пустил в город ни воза... А в Новгороде великое зло сделалось: кадь ржи покупали за 10 гривен, а овса по 3 гривны, а репы воз по 2 гривны; ели люди сосновую кору, и лист липовый, и мох. О, горе было тогда, братья: детей своих продавали, и поставили скудельницу^[43], и всю её наполнили... На торгу трупы, по улицам трупы, по полю трупы, так что и псы не могли всех съесть... И так, по грехам нашим, обезлюдели волость наша и город наш. Новгородцы же, оставшиеся в живых, отправили посадника Юрия Иванковича и Степана Твердиславича и иных мужей к князю; а тот их схватил. И

прислал в Новгород Ивора и Чапоноса, привёл княгиню свою к себе, дочь Мстиславу. А потом послали [новгородцы к князю] ... с последнею речью:

— Пойди в отчину свою, к Святой Софии, а не идёшь, так скажи нам.

Ярослав же и тех не отпустил, а купцов новгородских всех схватил. И были в Новгороде печаль и вопль...

(22. С. 54)

Первые десятилетия княжения Юрия Всеволодовича — 1210–1220-е годы — вообще были очень тяжёлыми для Руси, и для Новгорода в особенности. В силу меняющихся климатических условий неурожаи следовали один за другим, а их следствием становился голод. Хлеб в Новгород шёл в основном из Суздальской земли, и именно через Новый Торг (Торжок). И сидя в Торжке, Ярослав, что называется, держал новгородцев за горло.

Конфликт между новгородцами и князем не мог разрешиться ничем иным, кроме войны. И получилось так, что в войну эту на стороне новгородцев вмешался их бывший князь Мстислав Мстиславич, тесть Ярослава, не добившийся своих целей на юге (он пытался вокняжиться в Галиче, на западе Руси, но пока что безуспешно). Юрий же, как мы помним, целовал крест брату на том, что в случае военного конфликта они будут действовать заодно друг с другом. Данному на кресте обещанию Юрий был верен. Так против своей воли он оказался втянут в войну с Мстиславом Удатным и всем кланом смоленских князей Ростиславичей.

Собственно военные действия развернутся уже в следующем году, который станет ещё одним переломным годом в биографии Юрия Всеволодовича.

Год 1216. Липица. — Городец Радилон

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Тогда же уведал Мстислав Мстиславич про то зло, въехал в Новгород месяца февраля в 11-й день, и схватил Хота Григорьевича, наместника Ярославова, и всех дворян [его] оковал. И въехал на Ярославов двор, и целовал честный крест, а новгородцы к нему [целовали], что быть им [вместе] и в животе, и в смерти: «Либо отыщу мужей новгородцев и волости, а если нет, то голову сложу за Новгород!»... И послал князь Мстислав с новгородцами к Ярославу на Торжок попа Юрия из [церкви] Святого Иоанна на Торговище и своих мужей послал:

— Сыну, кланяюсь тебе!^[44] Мужей моих и гостей отпусти, а сам с Торжка уйди, а со мною помирись!

Князь же Ярослав не принял того, отпустил попа без мира. А новгородцев, мужей всех и гостей, созвал на поле за Торжком в субботу мясопустную^[45], схватил всех [и], оковав, разослал по своим городам, а товары их и коней раздал; а было всех новгородцев больше двух тысяч.

(22. С. 54–55)

1 марта Мстислав с новгородцами при поддержке Владимира, князя Псковского^[46], выступил против своего зятя Ярослава. Двигались Селигерским путём, к верховьям Волги. В это время Святослав, брат Ярослава, с десятью тысячами воинов (такие цифры называет новгородский книжник) осадил Ржевку, город Мстислава Мстиславича. Мстислав и Владимир с пятьюстами воинами подступили к Ржевке и отбили противника, который в беспорядке бежал. Новгородские летописи и дальше постоянно будут подчёркивать громадное численное превосходство суздальской рати — но, как известно, «не в силе Бог, а в правде»...

Далее Мстислав взял Зубцов и вышел к реке Вазузе. Здесь к нему присоединились смоленский князь Владимир Рюрикович со своим войском и некоторые другие из смоленских князей. Князя вновь послали с предложением мира к находившемуся в Торжке Ярославу. Тот дал

высокомерный ответ:

— Мира не хочу, пришли, так идите; ныне на сто наших будет один ваш!

И сказали, посовещавшись между собой, князья:

— Ты, Ярослав, с силою, а мы с крестом!

Ярослав отошёл в Тверь. 25 марта была одержана первая победа над одним из его отрядов. Тогда же смоленские князья направили посольство в Ростов, к князю Константину Всеволодовичу, предлагая ему союз против Ярослава — и, соответственно, против Юрия, что было для Константина важнее. Напомню, что Константин был женат на смоленской княжне; её родной брат, а его, Константина, шурин Всеволод Мстиславич, находился среди участников похода. Константин с радостью ответил согласием на предложение. А это означало, что война за Новгород, начатая Ярославом, привела к возобновлению междоусобной братоубийственной войны, в течение нескольких лет сотрясавшей Северо-Восточную Русь. Но теперь это должна была быть не просто война между Юрием и Ярославом, с одной стороны, и Константином — с другой. Силы Константина возрастали во много раз за счёт союза со смоленскими князьями. Последним же союз со старшим из князей Всеволодовичей давал возможность окончательно решить вопрос о своей гегемонии во всей Руси, включая и её северо-восточные уделы.

Войска двинулись по направлению к Переяславлю — стольному городу Ярослава Всеволодовича. 9 апреля, в канун Пасхи, у Городища на реке Саре — на противоположной от Ростова стороне озера Неро, произошла их встреча с Константином, приведшим ростовскую дружину. 17-го числа войска подошли к Переяславлю и узнали, что Ярослава в городе нет; он ушёл к брату Юрию, взяв с собой «всех подвластных ему», включая пленных новгородцев и новоторжцев. Юрий же, верный своим союзническим обязательствам, выступил на войну не только со своей дружиной, но и с ополчением из Владимира и других городов княжества. На их с Ярославом стороне были и младшие братья Святослав и Иван, также приведшие к ним свои дружины.

Кроме помощи брату Ярославу, Юрий преследовал в этой войне и собственные интересы: он надеялся окончательно разбить брата Константина и добиться полного господства в Северо-Восточной Руси, стать таким же «самодержцем», каким был его отец. Владения Константина, или, по крайней мере, бо́льшая их часть, должны были

отойти ему, Юрию. Конечно, в случае победы. Но Юрий, как и его брат Ярослав, в победе не сомневался. Как это бывало и раньше, он доверился брату, и тот убедил его действовать решительно и ни на какие уступки не идти. Тем более что преимущество в численности войск было на их стороне.

Решающее сражение произошло близ Юрьева-Польского, на так называемом «Юрьевском поле», близ местности, которая в летописи именуется Липицами — по названию реки (нынешняя Липня, левый приток реки Ирмес, впадающей, в свою очередь, в Нерль-Клязьминскую, приток Клязьмы). Здесь, поблизости от «Юрьевского поля», за сорок лет до этого произошла битва между князем Всеволодом Большое Гнездо и его племянниками — битва, решившая судьбу владимирского престола. Эта местность словно самой природой была предназначена для больших сражений: своими размерами и рельефом она была пригодна «для проведения военных сражений с использованием конницы», при этом, что особенно важно, не давая «видимого преимущества ни одной из сторон», — замечает современный историк-картограф (67. С. 217–218). И вот вновь, во второй раз, здесь должна была решиться судьба владимирского престола, а в какой-то степени и судьба всей Руси. Правда, Юрий и Ярослав не собирались «давать поле» своим врагам, то есть делать так, чтобы битва проходила на ровной, не дающей преимущества ни одной из сторон местности. Они заранее укрепили свои позиции.

Сохранилось несколько рассказов о битве на Липице. Более краткий, зато наиболее ранний, читается в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов (22. С. 55–57, 254–257). Более подробный — в новгородских летописях XV века: так называемой Новгородской Четвёртой (29. С. 186–197), Софийской Первой (30. С. 263–274), Новгородской Карамзинской (46. С. 107–111) и др. В последних рассказ новгородского летописца дополнен за счёт использования ещё одного источника, имеющего, как считается, смоленское происхождение (114. С. 96–115; 126. С. 70–73)^[47]. Оба этих рассказа описывают ход военных действий глазами новгородцев и смолян.

***Из Повести о битве на Липице (по Новгородской
Карамзинской летописи)***

...А Юрий... уже вышел из города Владимира со всей
братьей. И были полки у них очень сильны: муромцы,

бродники^[48], городчане и вся сила Суздальской земли; из сёл погнали даже пеших. О, страшное чудо и дивное, братия! Пошли сыновья на отцов, а отцы на детей, брат на брата, рабы на господ, а господа на рабов. И стали Ярослав и Юрий с братией на реке Кзе. А Мстислав и Владимир с новгородцами поставили свои полки близ Юрьева и там стояли. А Константин со своими полками стоял далее, на реке Липице. И увидели стоящие полки Ярослава и Юрия, и послали сотского Лариона к Юрию: «Кланяемся тебе, от тебя нам нет обиды; обида нам от Ярослава!» Юрий ответил: «Мы заодно с братом Ярославом».

И послали к Ярославу, говоря: «Отпусти мужей новгородских и новоторжских, верни захваченные волости новгородские, Волок верни. А с нами возьми мир, целуй нам крест, а крови не проливай».

Ярослав ответил: «Мира не хочу, мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли как рыба на сушу». И передал Ларион эту речь князьям и новгородцам.

И снова послали к обоим князьям с последней речью: «Братья, Юрий и Ярослав, мы пришли не кровь проливать — не дай Бог сотворить такое! Договоримся, ведь мы же родичи; дадим старейшинство Константину — посадите его во Владимире, а вам вся Суздальская земля».

Юрий же сказал: «Скажи брату Мстиславу и Владимиру: пришли уже, так куда вам уходить? А брату Константину говорим так: пересиль нас, тогда вся земля твоя будет».

(46. С. 107–111. Перевод Я. С. Лурье по: 6. С. 75–87)

Итак, Константин — теперь уже опираясь на поддержку своих смоленских и новгородских союзников — вновь предложил братьям те же условия, что и раньше: он получает Владимир, сохраняет Ростов (это не было произнесено, но подразумевалось), а братьям остаётся «вся Суздальская земля», то есть оставшаяся часть княжества — надо полагать, Суздаль Юрию и Переяславль Ярославу. Оба князя, как и следовало ожидать, ответили отказом.

Повесть о битве на Липице крайне враждебна к суздальским князьям и очевидно тенденциозна. По версии её авторов, Юрий и Ярослав буквально упивались ожиданием скорой победы, даже не допуская возможности поражения. На этот раз они готовы были поделить между собой и своими

союзниками не одно только Владимиро-Суздальское княжество (которое, если верить Повести, должно было целиком, включая Ростов, достаться Юрию!), но и всю Русь. В подтверждение этого автор Повести ссылался на некие документы — грамоты, найденные будто бы смолянами в шатре князя Ярослава Всеволодовича после окончания битвы. Но существовали ли эти грамоты в действительности и, если существовали, что в них было написано и насколько им можно верить — это вопросы, остающиеся открытыми.

И Юрий, и Ярослав изображены в Повести закоренелыми злодеями:

И так Юрий с Ярославом вознеслись славой, видя у себя силу великую, не приняли мира и начали пировать в шатре со своими боярами... И кто-то из бояр Юрьевых сказал: «Князь Юрий и Ярослав, не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь пришёл с войной в сильную Суздальскую землю и вышел цел. Хоть бы и вся Русская земля пошла на нас — и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, — но никто против нашей силы не устоит. А эти полки — право, сёдлами их закидаем».

И любя была эта речь Юрию и Ярославу, и созвали бояр и главных своих людей, и начали говорить: «Вот добро само пошло нам в руки: вам будут кони, оружие, платье, а человека кто возьмёт живого, тот сам будет убит; даже если в золотом будет оплечье — убей его, а мы вдвое наградим. Да не оставим ни одного в живых. Если кто и убежит из боя не убитый, а мы его захватим, прикажем одних повесить, а других распять. А о князьях, когда будут в наших руках, потом решим».

И, отпустив людей, пошли в шатёр с братьею и стали делить города, и сказал Юрий: «Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, а тебе Новгород; а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич — нам же».

И целовали крест между собой, и написали грамоты, чтоб от этого не отступаться. Эти грамоты взяли смольняне в стане Ярослава после победы и отдали своим князьям. Юрий же и Ярослав, разделив города всей Русской земли в надежде на свою большую силу, стали звать на бой к Липицам...

Подобное распределение земель между братьями выглядит заведомо абсурдным. А вот какие-то грамоты, по которым братья подтверждали своё обещание «не отступаться» друг от друга (и не больше того), вполне могли отыскаться в их шатрах.

...Наутро же пришли князя к Липицам, куда их вызвали на бой, а суздальцы за эту ночь отбежали за лесистый овраг. Есть там гора, зовётся Авдова, там Юрий и Ярослав поставили свои полки, а Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили свои полки на другой горе, которая зовётся Юрьева гора, а между двумя горами ручей, имя ему Тунег^[49]. И послали Мстислав и Владимир трёх мужей к Юрию, предлагая мир: «Если же не дашь мира, то отступите далее на ровное место, а мы перейдём на ваш стан, или же мы отступим к Липицам, а вы займёте наш стан».

Юрий же сказал: «Ни мира не приму, ни отступлю. Пришли через всю землю — так разве этой заросли не перейдёте?»

Воины Юрия укрепили свои позиции, окружив их плетнём и набив колья, а потому чувствовали себя относительно спокойно. Автор Тверской летописи (XVI век) сообщает даже, что Юрий «пьянствовал всю ту ночь с братией и с боярами, надеясь на свои укрепления и на множество воинов» (36. Стб. 320–321). Первый натиск «младших» князей на позиции Юрия и Ярослава успеха не принёс — и потому, что он носил предварительный, разведывательный характер, и потому, что в тот день (19 апреля) была буря и «студёно вельми». Пришлось расставлять полки и готовиться к генеральному сражению.

Автор Повести ещё раз указывает точное расположение сил накануне битвы, несколько не совпадающее с тем, что он писал раньше:

...Владимир же Смоленский поставил свой полк с края, далее стал Мстислав и Всеволод с новгородцами, и Владимир с псковичами, далее Константин с ростовцами. Ярослав же стал со своими полками, и с муромцами, и с городчанами, и с бродниками против Владимира и смольнян. А Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всеми силами Суздальской земли, его меньшая братия — против Константина.

Приведена в Повести и красноречивая подробность: накануне битвы, когда Мстислав и Владимир воодушевляли своих воинов:

— Братья, мы вступили в эту сильную землю; станем же твёрдо, надеясь на Бога, не озираясь назад: побежав, не уйдёшь. Забудем, братья, дома, жён и детей, а уж коли умирать — то, кто хочет, пеший, кто хочет — на конях! —

новгородцы предпочли сойти с коней и биться пешими (наверное, так было удобнее преодолевать заграждения, выставленные Юрием и Ярославом?). Больше того: новгородцы якобы скинули с себя порты и сапоги и босыми (!) и без портов (!) бросились в бой. Если это верно, то это может отражать какие-то древние, ещё языческие представления о битве как о тотальном, сродни сексуальному, подавлении противника.

Сама битва состоялась 21 апреля 1216 года и завершилась полным разгромом суздальской рати. Первыми не выдержали полки Ярослава, затем побежал и Юрий Всеволодович. Согласно точным до неправдоподобия подсчётам новгородских книжников, в союзном войске убитыми оказались всего шесть человек, в то время как в суздальской рати — 9233. (Позднейший московский книжник называет иные, какие-то умопомрачительные цифры потерь: при том что в новгородско-смоленском войске убито было 550 человек, «кроме пещцев», в войске Юрия и Ярослава — 17 200, и опять-таки «кроме пещцев»: 33. С. 75.) Так или иначе, но битва на Липице стала одной из самых кровопролитных в истории русских междоусобиц.

...И ударили на них сквозь свои пешие полки, Мстислав своим полком, а Владимир — своим, а Всеволод Мстиславич с дружиной, а Владимир с псковичами, подошёл и Константин с ростовцами. Мстислав же проехал трижды через полки Юрия и Ярослава, посекая людей — был у него топор, прикреплённый петлёю к руке, им он и сёк. Так сражался и Владимир. Шёл великий бой, досеклись и до обоза. Юрий же и Ярослав, увидев, что их косят, как колосья на ниве, обратились в бегство с меньшею братьею и муромскими князьями...

О, велик, братия, промысел Божий!.. О, многих победили, братья, бесчисленное число, ибо убитых воинов Юрия и Ярослава не может вообразить человеческий ум, а пленников во всех новгородских и смоленских станах оказалось шестьдесят мужей. Если бы предвидели это Юрий и Ярослав, то пошли бы на мир: ибо слава и хвала их погибли и сильные полки стали ни во что. Было ведь у Юрия семнадцать стягов, а труб сорок, столько

же и бубнов, а у Ярослава тринадцать стягов, а труб и бубнов шестьдесят^[50]. Говорили многие люди про Ярослава так: «Из-за тебя сотворилось нам много зла...» Ибо не десять человек было убито, не сто, а тысячи и тысячи, а всех избитых девять тысяч двести тридцать три человека. Можно было слышать крики живых, раненных не до смерти, и вой проколотых в городе Юрьеве и около Юрьева. Погребать мёртвых было некому, а многие, бежавшие к реке, утонули, а другие раненные умерли в пути, а оставшиеся в живых побежали кто к Владимиру, а иные к Переяславлю, а иные в Юрьев.

Тверской книжник прославляет подвиги легендарных ростовских богатырей — всё того же Александра Поповича со слугой Торопом и Тимони Золотого Пояса (в других вариантах: Добрыни Рязанича Золотого Пояса: 33. С. 70, 72). Свои богатыри — вероятно, столь же легендарные — были, оказывается, и у Юрия Всеволодовича, но и они числились среди погибших в бою на Липице; мы уже упоминали их имена: это некий храбрый Юрята, «о сем вельми опечалился князь великий Юрий», а также «храбрый и безумный боярин Ратибор» — тот самый, что накануне битвы «похвалялся сёдлами наметати супротивных» (36. Стб. 337).

Предводители суздальской рати с позором бежали с поля боя. Новгородский книжник отдельно описывает бегство Юрия и Ярослава, каждый из которых устремился в свой город. Что касается Юрия, то он выглядит человеком, напуганным до крайности, впавшим в панику:

Князь же Юрий стоял напротив Константина и увидел побежавший полк Ярослава, и он тогда прискакал во Владимир к полудню на четвёртом коне, загнав трёх коней, в одной сорочке, даже подседельник потерял^[51].

Бежал и Ярослав. Он тоже прискакал в Переяславль один — «на пятом коне, четырёх загнав».

...В 1808 году в лесу недалеко от города Юрьева-Польского был найден позолоченный княжеский шлем, под которым лежала свёрнутая кольчуга. Надпись на шлеме («Великий архистратиге Господень Михаиле, помози рабу своему Феодору») вкуче с местом обнаружения находки позволила тогда же предположить, что шлем принадлежал князю Ярославу Всеволодовичу (в крещении Фёдору) и был брошен или спрятан князем при своём бегстве с поля боя. Позднее установили, что шлем имел не

одного владельца, но переходил по наследству от князя к князю; первоначально, по всей видимости, он принадлежал дяде Ярослава, князю Мстиславу Юрьевичу (ум. после 1162): об этом говорит подбор святых, изображённых на подвешенном шлеме (150. С. 54–60; 148. С. 235–244); а уж потом достался Ярославу.

Однако шлем был найден недалеко от дороги, ведущей от Юрьева не на Переяславль (куда должен был бежать Ярослав), а на Владимир. Так может быть, братья накануне битвы поменялись шлемами? Или же Ярослав первоначально бежал вместе с братом к Владимиру, но лишь потом (потеряв или припрятав свой шлем по дороге?) направился в родной Переяславль, совсем в другую сторону? Так или иначе, но юрьевская находка — если, конечно, историки верно определяют её принадлежность — яркое свидетельство растерянности и панических настроений братьев, а заодно и подтверждение летописного рассказа (119. С. 98–104).

В истории великого князя Юрия Всеволодовича это не единственный эпизод такого рода. Мы ещё столкнёмся с ситуацией, когда он будет действовать под влиянием страха, парализовавшего его волю к сопротивлению, — так произойдёт в самом конце его жизни, накануне трагической гибели. Что ж, доблесть и способность мужественно встречать опасность, по-видимому, не относились к числу его главных достоинств. Но кто возьмётся судить его за это?..

...Поначалу, заметив с городских стен одинокого всадника, жители Владимира обрадовались: они решили, что это вестник, прискакавший с победой. Когда же признали своего князя, то впали в уныние и отчаяние. В городе почти не осталось боеспособного населения — большинство из тех, кто мог носить оружие, ушли с Юрием на битву. Но князь просил об одном — укреплять город. К вечеру стали прибывать и другие уцелевшие в битве: «кто ранен, кто раздет; то же продолжалось и ночью». Юрий упросил горожан не выдавать его ни брату Константину, ни Владимиру, ни Мстиславу, чтобы он сам мог выйти из города — по своей воле. Владимирцы обещали ему это. Как оказалось, более других Юрий боялся брата Константина.

24 апреля, в воскресенье, смоленско-новгородское войско подошло к Владимиру. Пока князья решали, как им приступить к штурму города, во Владимире начался пожар. Первым загорелся княжий дворец.

...Новгородцы хотели вторгнуться в город, но Мстислав не позволил им этого, а во вторник в два часа ночи загорелся весь город и горел до рассвета. Смольняне же просили: «Вот кстати

нам сейчас взять город». Но Владимир не пустил их. И обратился Юрий с поклоном к князьям: «Не трогайте меня сегодня, а завтра я выведу из города».

Утром же рано выехал Юрий с двумя братьями^[52], и поклонился князьям, и сказал Мстиславу и Владимиру: «Братия, кланяюсь вам и бью челом: дайте мне жить и накормите хлебом. А Константин, мой брат, в вашей воле».

И дал им многие дары, они же даровали ему мир. Мстислав же и Владимир рассудили их: Константину дали Владимир, а Юрию — Городец Радиллов... Из Владимира же все горожане вышли с крестами навстречу Константину. Князья же совместно с новгородцами посадили Константина во Владимире на отчем столе. Князь же Константин одарил в тот день многими дарами князей, новгородцев и смольнян, а владимирцев водил целовать крест.

Неясной оставалась судьба Ярослава, главного «антигероя» Повести о битве на Липице. Как уже было сказано, с поля боя он бежал в свой Переяславль. Автор Повести рассказывает о том, что Ярослав и после поражения пылал злобой и продолжал творить чёрные дела:

...Ярослав тоже прискакал один в Переяславль на пятом коне, четырёх загнав, и затворился в городе. И не довольно было ему прежнего злодейства, не насытился крови человеческой, избив множество людей в Новгороде, в Торжке и на Волоке, но и теперь, уже бежав, он велел захватить новгородцев и смольнян, которые пришли по торговым делам в его землю, и всех новгородцев заточить в погреба, а других в gridницу, где они задохлись от скопления множества людей, а иных велел загнать в тесную избу и удушил их там — сто пятьдесят человек, а отдельно заточили пятнадцать человек смольнян — эти остались в живых...

...Ярослав, всё ещё пребывая в злобе, и дыша гневом, и не покаяясь, затворился в Переяславле и надеялся там остаться. Князья же, посоветовавшись с новгородцами, пошли к Переяславлю в пятницу третьей недели по Пасхе^[53]. Услышав это, Ярослав пришёл в смятение, стал посылать людей, умоляя о мире. И во вторник четвёртой недели^[54] выехал сам Ярослав из города, ударил челом брату Константину и сказал: «Господин, я в

твоей воле, не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владимиру, а сам, брат, накорми меня хлебом».

Константин же рассудил Мстислава с Ярославом, зятем его, и, не доходя до Переяславля, они заключили мир. А в среду, в Преполовление^[55], вошли в Переяславль, и тут Ярослав одарил князей и новгородцев великими дарами. А Мстислав, не входя в город, принял дары, послал в город и забрал свою дочь, жену Ярослава, и всех новгородцев, оставшихся в живых, и тех, кто был в войске Ярослава, и расположил свой стан за городом. Ярослав же много раз обращался с мольбой к Мстиславу, прося вернуть ему его княгиню, говоря: «Чего не бывает между князьями? А меня по справедливости крест наказал».

Но Мстислав не пустил к нему своей дочери. И, простояв всю ночь, князья разошлись в разные стороны: Константин ко Владимиру, а Мстислав к Новгороду, Владимир к Смоленску, а другой Владимир к Пскову...

(6. С. 75–87. Перевод Я. С. Лурье)

Между прочим, вопрос о том, сумел ли Ярослав Всеволодович вернуть свою жену, княгиню Ростиславу Мстиславну, волнует не только историков. Ибо речь идёт ни много ни мало о том, кто была матерью святого князя Александра Невского и других сыновей Ярослава — Ростислава Мстиславна, вторая жена князя, или же другая княгиня, его предполагаемая третья жена. Летопись недвусмысленно даёт понять, что Мстислав так и не отпустил свою дочь к зятю. Однако историки разошлись во мнениях на этот счёт: одни полагают, что тесть Ярослава всё же не смог насильно разлучить супругов, соединённых церковным браком, и по прошествии времени Ростислава вернулась к мужу (105. С. 71–80); другие ищут в источниках подтверждения тому, что известная из летописи и Жития святого Александра Невского княгиня Феодосия, мать сыновей Ярослава, — не одно и то же лицо с Ростиславой Мстиславной; так, были высказаны предположения, что речь идёт либо о сестре рязанского князя Юрия Игоревича (68. С. 21–23), либо о дочери киевского князя Мстислава Романовича Старого (79. С. 554–561)^[56].

Итак, Юрий был лишён владимирского престола. Приговор победителей оказался суров: в удел ему предназначался Городец Радилон — важный в стратегическом отношении, но далёкий от политических центров город на восточной окраине княжества.

Перед тем как покинуть Владимир, Юрий помолился в Успенском соборе перед гробом своего отца. В случившемся он винил брата Ярослава. Летопись приводит его слова:

— Суди Бог брата моего Ярослава — он довёл меня до этого.

Но ведь не мальчиком же и даже не юношей был Юрий! И не мог он не понимать того, что Ярослав ему младший брат. И он как старший и как владимирский князь, занявший отцовский престол по воле отца, несёт ответственность в том числе и за его, Ярослава, деяния. И если и подчинился он воле младшего брата, то это его, Юрия, выбор, и пенять ему не на кого!

Юрий, несомненно, извлёк уроки из Липицкого разгрома. С этого времени он будет стараться избегать войн. И уж тем более будет избегать личного участия в сражениях — вплоть до несчастной битвы на Сити. Мирлюбие можно назвать отличительной чертой его второго владимирского княжения. Тем более что очень скоро Юрий убедится в том, что дипломатическими мерами, переговорами можно добиться большего, нежели оружием.

Пока же он отправился в Городец Радилон, на Волгу. Вслед за князем туда же отправились члены его семьи, княгиня Агафья и дружина — «люди его все», по выражению летописи (40. С. 114). Также вслед за Юрием в Городец отправился владимирский епископ Симон.

Объединение Владимира и Ростова в одних руках не привело к воссоединению епархии. В том же году, ещё весной, умер ростовский епископ Пахомий. На его место по воле великого князя Константина Всеволодовича был поставлен Кирилл, прежде бывший черноризцем суздальского монастыря Святого Димитрия. Симон же, первый епископ Владимирский, предпочёл остаться рядом с князем Юрием Всеволодовичем — надо полагать, в «заштатном» Городце на Волге он чувствовал себя увереннее, нежели во Владимире, рядом с князем Константином Всеволодовичем.

Вероятно, поддержка со стороны епископа стала одной из причин того, что княжение Юрия в Городце не затянулось. Другой, ещё более весомой причиной стало нездоровье князя Константина. Сыновья его были малы, и

князь должен был позаботиться о их будущем в том случае, если он раньше времени покинет сей свет. Возможность своего преждевременного ухода Константин ощущал явственно. А потому решил помириться с братом.

Год 1217. Суздаль

Из Московского летописного свода конца XV века

...В том же году послал Константин Всеволодович за братом своим Георгием в Городец, призывая его к себе во Владимир; он же пришёл к нему с епископом своим Симоном и с боярами своими. Константин же договорился с ним на том:

— После моей смерти тебе — Владимир. А ныне пойдя в Суздаль!

И водил его ко кресту, и, одарив дарами многими, отпустил его в Суздаль. И вошёл туда [Юрий] 11 сентября, и епископ Симон с ним вошёл в свою епископию.

Той же зимой вернулся Владимир Всеволодович из Половцев к братии. Они же дали ему Стародуб и иную волостицу.

(40. С. 115)

Так наконец-то разрешился долгий династический кризис во Владимиро-Суздальском княжестве и определилась дальнейшая судьба владимирского престола. Константин осуществил ту политическую комбинацию, о которой говорил Юрию накануне Липицкой битвы: Юрию отошёл Суздаль, вторая столица княжества, а Ярославу остался Переяславль. Условием, на котором Юрий получил Суздаль и обещание в будущем Владимира, стали его гарантии отказа от каких-либо посягательств на Ростов и ту часть княжества, которая прилежала Ростову, в пользу племянников, сыновей Константина.

...Но паки Бог и крест честной и молитва отца их и дедова ввели их в великую любовь, и сел Константин на столе во Владимире, а Юрий — в Суздале, и была радость великая в земле Суздальской, а дьявол один плакался о своей погибели.

Так пишет об итогах войны между братьями ростовский летописец (27. Стб. 440).

Суздальское княжение Юрия Всеволодовича продлилось около полугода — до февраля 1218-го. Эти полгода были отмечены многими

важными событиями — как во Владимире и Ростове, так и в Суздале.

Главным событием короткого суздальского княжения Юрия Всеволодовича стало рождение у него ещё одного сына. Говоря об этом, летописец не приводит точную дату и, что особенно удивительно, не называет имя Юрьевича, оставляя в тексте пропуск:

...В том же году родился сын у князя Георгия, и нарекли ему имя в святом крещении...

Очевидно, речь идёт о рождении либо второго Юрьева сына Мстислава, либо третьего — Владимира.

Для Константина же Всеволодовича последний год жизни оказался весьма насыщенным:

Из Лаврентьевской летописи

6 мая, на память святого и праведного Иова, великий князь Константин, сын Всеволодов, заложил каменную церковь на Торговище во Владимире [во имя] Воздвижения Честного Креста. В том же году и завершена была и освящена 14 сентября...

В том же году пришёл епископ Полоцкий из Царьграда к великому князю Константину во Владимир, ведая его любовь и усердие ко всему божественному церковному устройению, к святым иконам и мощам святых и ко всему душеполезному, ведущему в жизнь вечную; и принёс ему некую часть от Страстей Господних, коими нас ради Владыка Иисус Христос от иудеев страдания претепел, и мощи святого мученика Лонгина Сотника — святые его руки обе, и мощи святой Марии Магдалины. Христоролюбивый же князь Константин с радостью великою устроил празднество светлое о принесении их и поставил их в монастыре Вознесения перед Золотыми воротами. И настал день святого воскресения Господня, и когда приспел день памяти святого мученика Лонгина^[57], повелел князь Константин по окончании заутрени всему народу идти от Святой Богородицы соборной и от Святого Димитрия с крестами. И епископ со всем клиросом, и сам князь со своими благородными сыновьями и со всеми боярами пошли к [монастырю] Святого Воздвижения; епископ же возложил на свою голову святую ту раку, в которую

положено было то святое сокровище, и так возвратились в город и пошли к [монастырю] Святого Димитрия, воспевая и прославляя Господа нашего Иисуса Христа, и тут целовал епископ [святыни те], и христоролюбивый князь Константин, и все православные люди.

В том же году, 25 августа, на память святого апостола Тита, освящена была церковь Святых мучеников Бориса и Глеба в Ростове епископом Кириллом. Был тут великий князь Константин с благородными детьми, Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, и со всеми боярами; устроил пир, и одарил людей, и многую милостыню раздал убогим, ибо обычай такой имел блаженный князь Константин...

В том же году великий князь Константин сын Всеволодов послал своего старшего сына Василька в Ростов на стол, а Всеволода — в Ярославль на стол, так сказав им:

— Возлюбленные чада мои! Будьте в любви между собою, Бога бойтесь всею душою, заповеди его во всём соблюдайте... Имейте послушание к старшим, тем, кто добру вас учит, поскольку ещё малы вы. Я же, сыны мои, знаю, что отшествие моё от света сего близко, и потому поручаю вас Богу и Пречистой Его Матери и брату и господину Юрию: да будет он вам вместо меня.

И так целовал их с любовью и отпустил каждого в свою волость.

(27. Стб. 441–442)

Так по воле Константина Юрий был объявлен опекуном своих малолетних племянников Василия (Василька) и Всеволода. В свою очередь, Юрий должен был гарантировать целостность и неприкосновенность их уделов. Братские, родственные отношения оказались важнее накопившегося груза взаимной вражды. Пройдёт всего полгода, и летописец — без тени фальши! — будет писать о взаимной любви, существовавшей между братьями, любви «паче меры» (27. Стб. 444).

*

Междоусобные братоубийственные войны — тёмная, но, увы,

неизбежная страница нашей, да и не только нашей средневековой истории. Они поражали разные княжества и разные княжеские кланы. Но, пожалуй, нигде вражда между братьями и близкими родичами не достигала такого ожесточения, как в Рязанской земле, соседней с Владимиро-Суздальской. 20 июля 1217 года здесь произошла трагедия, равных которой русская история ещё не знала.

Из Лаврентьевской летописи

В то же лето Глеб Владимирович, по научению сатаны, задумал в своём окаянном помысле братоубийство, имея в помощниках брата своего Константина... В Исадах^[58] сошлись все на переговоры: Изяслав, Кир-Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингвар же не успел приехать к ним, ибо ещё не пришло его время. Глеб Владимирович с братом позвал их к себе, как будто на пир, в свой шатёр. Те же, не зная о злом их замысле и коварстве, пришли к ним в шатёр — все шесть князей, каждый со своими боярами и слугами. Глеб же до их прихода вооружил своих и брата слуг и множество поганых половцев и спрятал их за пологом близ шатра, в котором предстояло пить, и не знал об этом никто, кроме этих злоумышленных князей и их проклятых советников. И когда начали пить и веселиться, проклятый Глеб с братом выхватили свои мечи и начали сечь, сначала князей, а затем бояр и слуг их великое множество; одних князей 6, а прочих бояр и слуг без числа избили со своими слугами и половцами. Случилась эта злоба 20 июля, на память святого пророка Ильи огненного восхождения.

(27. Стб. 440–441. Перевод А. Г. Кузьмина по: 54. С. 265–266)

Трое или четверо из убитых князей были теми самыми, кого Юрий Всеволодович, придя к власти, освободил из плена (Ростислав и Святослав (?) Святославичи и Глеб и Роман Игоревичи). Очевидно, они получили свободу на условиях определённой («вассальной») зависимости от владимирского князя. Ещё с двумя рязанскими князьями — Кир-Михаилом и Изяславом Владимировичем — Юрий воевал под Москвой зимой 1209 года. Но время вражды прошло; к тому же Кир-Михаил Всеволодович,

напомню, приходился ему свояком (они были женаты на родных сёстрах). Константина же Всеволодовича с рязанскими князьями ничего не связывало. Кто знает, может быть, замышляя страшное преступление, Глеб рассчитывал на его бездействие?

Но Глеб так и не добился своей цели. Новым рязанским князем стал не успевший добраться до Исад, а потому спасший свою жизнь князь Ингварь Игоревич — между прочим, тоже бывший пленник Юрия Всеволодовича, освобождённый им в 1212 году на условиях крестного целования «на верность». Глебу с братом пришлось бежать «в Половцы». Два года спустя Глеб с половецкой помощью попытается захватить Рязань — но безрезультатно. В том числе и потому, что Ингварь Рязанский сможет опереться на помощь Юрия Всеволодовича, ставшего к тому времени владимирским князем.

Год 1218. Владимир

2 февраля 1218 года умер великий князь Константин Всеволодович.

Ростовский летописец прославляет его в самых восторженных выражениях, создавая идеальный образ христоролюбивого и благоверного князя, «второго Соломона», мудрейшего среди всех князей. В его похвале Константину повторяются слова летописной же похвалы князю Андрею Боголюбскому — самому прославленному из владимирских князей:

...Отец сирым и кормитель отходящим, и печальным утешение великое, омраченным звезда светоносная заходящая, ибо на весь церковный чин отверз ему Бог сердечные очи... Правда и истина с ним ходили, второй Соломон был мудростью...

(27. Стб. 422–423)

Образ премудрого Константина, можно сказать, «загипнотизировал» последующих историков, удостоивших князя прозвищем Мудрый — вторым в истории древней Руси после знаменитого Ярослава Мудрого (142. С. 106; 130. С. 562). Надо признать, что основания для этого имелись. Летописцы ставили в заслугу князю не только милосердие и нищелюбие и не только попечение о церкви и церковных людях — привычные качества идеального правителя, — но и особенную любовь к книжному слову: Константин Всеволодович правил, «всех умудряя духовными и телесными беседами, часто бо чтяше книги с прилежаньем, и творяше всё по писаному» (27. Стб. 443). Это действительно не вполне обычно для княжеской похвалы, не входит в стандартный набор княжеских добродетелей. Развивая мысль древнего ростовского книжника, русский историк XVIII века Василий Никитич Татищев превратил Константина не просто в книгочея, но в выдающегося организатора книжного дела, создателя не имеющей себе равных библиотеки, состоящей из оригинальных и переводных с греческого (причём переведённых именно по княжескому заказу!) книг, более того — в писателя и знатока истории и права. «Великий был охотник к чтанию книг и научен был многим наукам, — писал о Константине Татищев. — Того ради имел при себе людей учёных, многие древние книги греческие ценою высокою купил и велел переводить на русский язык. Многие дела древних князей собрал и сам

писал, також и другие с ним трудились. Он имел одних греческих книг более 1000, которые частью покупал, частью патриархи, ведая его любомудрие, в дар присылали сего ради». А чуть выше историк говорит о создании князем училища в Ростове, в которое Константин перед смертью передал «дом же свой и книги все... и к тому на содержание немалые волости дал» (141. С. 206).

Это, конечно, не более чем преувеличение, домысел историка XVIII века и очевидное перенесение им идеалов просвещённой монархии и просвещённого монарха на реалии домонгольской Руси. Но даже если отвлечься от «гипнотического» воздействия летописных и более поздних оценок, нельзя не признать, что Константин был личностью во всех отношениях незаурядной.

...И вельми печаловался о создании прекрасных церквей Божиих, и много церквей создал по своей волости, украшая чудными изображениями святых икон, исполняя книгами и всякими украшениями...

(47. С. 305)

Так пишет о нём летописец. И конкретные деяния князя Константина Всеволодовича (о которых мы говорили в предыдущих главах) подтверждают эту оценку.

Князь заботился об украшении всех тех городов, в которых ему приходилось княжить, — и Владимира, и Ярославля, но более всего — любимого им Ростова, который начал восстанавливать при нём свою славу главного политического и духовного центра Северо-Восточной Руси. Ярким свидетельством духовного подъёма Ростова при Константине и его сыновьях следует признать расцвет книжного дела, которое велось в монастырском и владычном скрипториях (но не в княжеском, вопреки уверениям Татищева!). Исследователи выявляют рукописные книги, которые несут на себе признаки ростовского происхождения и относятся к первым десятилетиям XIII века. К настоящему времени таковых насчитывают девять (при этом надо помнить, что до нас дошли едва ли не доли процента рукописей домонгольского времени!), и две из них имеют записи, сообщающие о том, что они переписаны «в граде Ростове» — правда, не при самом Константине, а при его сыне: «при князе при Васильке при сыне Константинове, а внуке Всеволожи», и обе — по заказу ростовского епископа Кирилла. Это роскошное Житие святого Нифонта,

епископа Констанцкого (завершено 21 мая 1219 года) и Толковый Апостол, переписанный годом позже, в августе — ноябре 1220 года (140. С. 106–115). Всего же в переписке выявленных девяти кодексов, по наблюдениям учёных, принимали участие не менее 24 писцов; а отсюда следует вывод: «в Ростове конца XII — первой трети XIII века действовал едва ли не самый мощный в Древней Руси штат обученных переписчиков, в количественном отношении едва ли сопоставимый даже с Новгородом этого же времени» (140. С. 110–111). Стольный Владимир похвастаться такими скрипториями (книгописными мастерскими) не мог.

...Услышав о кончине великого князя, продолжает летописец, все жители града Владимира устремились к его дворцу. Сюда же, в стольный город княжества, прибыли и Юрий — из Суздаля, и Ярослав — из Переяславля, и Святослав — из Юрьева, и Владимир — из Стародуба. Летописец словно забывает о недавней вражде между братьями, воссоздавая идеальный образ княжеской семьи:

...Слышали же Юрий, и Ярослав, и все братья его, спешно съехались во Владимир и плакали о нём плачем великим как об отце и о брате любимом, потому что для всех для них был он вместо отца, и он относился к ним по достоинству, ибо любовь была между ними паче меры. И отпели над ним обычные песни епископы^[59], и игумены, и черноризцы, и все священники, и весь город собрался, и положили его в церкви Святой Богородицы Златоверхой, где и отец его положен был... Княгиня же Константинова тут и постриглась, над гробом мужа своего, и нарекли имя ей — Агафья.

(27. Стб. 443–444)

...И сел после него брат его Георгий во Владимире на столе, а Симон, епископ его, вошёл тогда опять в свою епископию.

(40. С. 116)

Так началось второе владимирское княжение Юрия Всеволодовича. Оно продлится двадцать лет — до самой его гибели в феврале 1238 года.

Владения самого Юрия распространялись на значительную, но далеко не большую часть княжества, включая стольный Владимир, Суздаль,

Москву и некоторые другие города. Внутри же некогда единого Владимиро-Суздальского княжества сформировались отдельные уделы со своими стольными городами и своими границами, которые были признаны остальными князьями, в том числе и великим князем. Его племянники, сыновья Константина, владели княжениями, выделенными им отцом, и Юрий не покушался на их владения, оставаясь верным крестному целованию брату: Василько Константинович сидел в Ростове, Всеволод — в Ярославле, Владимир — в Угличе. Братьям Юрия остались их уделы: Ярославу — обширное и многолюдное Переяславское княжество, Святославу — Юрьев-Польский, вернувшемуся из половецкого плена Владимиру — Стародуб (после смерти Владимира в 1228 году Стародуб как «выморочное владение» отойдёт великому князю Юрию Всеволодовичу, а впоследствии, уже после его смерти, достанется его младшему брату Ивану, родоначальнику князей Стародубских).

Братья и племянники будут во всём подчиняться великому князю как старшему из потомков Всеволода Большое Гнездо, признавать его власть. По зову Юрия они будут принимать участие в его военных походах; его слово окажется решающим на княжеских съездах или во время дипломатических переговоров. Однако единство княжества восстановлено уже не будет.

*

И из Суздаля, и из Владимира Юрий Всеволодович продолжал внимательно следить за событиями, происходившими в Новгороде.

Князь Мстислав Мстиславич не стал надолго задерживаться в городе. Целью его притязаний по-прежнему был Галич, за который продолжалась борьба русских и восточноевропейских правителей. С осени 1214 года в Галиче правил сын венгерского короля Андрея II Кальман, который в 1215 году стараниями отца был даже коронован в качестве «короля Галиции».

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

Созвал Мстислав вече на Ярославле дворе, сказав:

— Кланяюсь Святой Софии и гробу отца моего и вам! Хочу поискать Галича, а вас не забуду: дай Бог лечь возле отца в Святой Софии!

Новгородцы же много молили его: «Не ходи, княже!», но не смогли его отговорить. И, поклонившись, ушёл.

(22. С. 57)

В союзе со своим двоюродным братом Владимиром Рюриковичем Мстислав подступил к Галичу, одолел в битве союзное войско из венгров, чехов и прочих, захватил в плен королевича Кальмана (которого затем, заключив мир с его отцом, отпустил) и вокняжился в Галиче; свою дочь он выдал замуж за Даниила Романовича, будущего правителя объединённого Галицко-Волынского княжества. Впрочем, вся борьба за Галич была ещё впереди.

Новгородцы же, оставшись без князя, послали в Смоленск за Святославом Ростиславичем. Святослав вступил в город 1 августа того же года. Ещё год спустя его сменил Всеволод Мстиславич, сын киевского князя Мстислава Романовича Старого. Спокойствия в городе не было. Вновь обострилась борьба между различными боярскими группировками. И так получилось, что к одному из эпизодов этой борьбы прямое отношение имели князь Юрий Всеволодович и его брат Ярослав.

Год 1219. Владимир. — Устюг

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Пошёл той зимой Семьон Емин с четырьмя сотнями на Тоимокары. И не пропустили их ни Юрий, ни Ярослав через свою землю. И пришли к Новгороду в ладьях, и поставили по полю шатры — на злое; стали так рассуждать: Твердислав^[60] и Якун тысяцкий послали к Юрию, [чтобы] не пускали их туда. И возмутили город. Тогда отняли посадничество у Твердислава и дали Семёну Борисовичу, а тысяцкое у Якуна [отняли] и дали Семьону Емину.

(122. С. 59)

Тоймокары — область, лежавшая по реке Тойме, притоку реки Кулой (в нынешней Архангельской области), в так называемом Заволочье; здесь жили те самые «тоймичи поганые», которые упоминаются в «Слове о погибели Русской земли». Новгородцы взимали здесь дань, но на взимание дани с тех же территорий претендовали и суздальские князья. Поход Семьюна за данью был делом общим для всего Новгорода: летописец не случайно называет число ушедших с воеводой людей: четыре сотни, очевидно, представляли четыре «конца», на которые делился средневековый Новгород. (Позже таких «концов» стало пять.)

Действительно ли новгородский посадник и тысяцкий общались с суздальскими князьями, ставя под удар своих же воевод? Верится в это с трудом. Однако возмущившая город весть выглядела вполне правдоподобно в глазах новгородцев (144. С. 421–422; 75. С. 122–123), ибо интересы Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества на севере сталкивались постоянно. Да и очередной мятеж в Новгороде, смена посадника и тысяцкого, несомненно, были на руку суздальским князьям. Судя по «Слову о погибели Русской земли», тоймичи вошли всё же в число данников суздальских князей (3. С. 183), и случилось это уже при князе Юрии Всеволодовиче.

Но свои интересы в Заволочье имела и Волжская Болгария — сильное исламское государство на Средней Волге и Каме. Междоусобия во

Владими́ро-Сузда́льском княжестве, частая смена князей, а затем и смерть князя Константина Всеволодовича, казалось бы, открывали перед ними определённые перспективы, давали возможность взять реванш за неудачи последних десятилетий, когда болгары терпели поражения в войнах с Андреем Боголюбским и Всеволодом Большое Гнездо. Да и суздальско-новгородские противоречия они, наверное, тоже учитывали. И в том же 1219 году болгары нанесли удар по самому уязвимому пункту суздальских владений на севере — городу Устюгу на реке Сухоне, основанному за несколько десятилетий до этого Всеволодом Большое Гнездо.

Из Московского летописного свода конца XV века

Пришли болгары к Устюгу и взяли его обманом. И потом пошли к Унже^[61], и унжане отбились от них.

(40. С. 116)

Первый из названных городов принадлежал Константиновичам; второй — Юрию. Но Юрий и без того обязался заботиться о племянниках. Ответом на нападение болгар стал его поход на Волгу в следующем, 1220 году.

Летописи рассказывают и о других событиях года.

Из Лаврентьевской летописи

Освящена была церковь Рождества Святой Богородицы в монастыре великим освящением епископом Симоном 7 сентября на память святого мученика Созонта^[62] при князе Георгии и сыне его Всеволоде; и брат его здесь был Ярослав, князь Переяславский, а игуменство держал Митрофан.

В том же году незаконный Глеб Владимирович пришёл со множеством половцев к Рязани. И вышел против них Ингварь со своей братией, и сошлись обе [рати], и бились крепко, и Божией помощью и силой честного креста победил Ингварь злого братоубийцу Глеба, и многих половцев перебил, а иных повязал, а сам окаянный с немногими убежал.

(27. Стб. 444)

Это последнее появление Глеба в русских пределах. Следы его теряются в Половецкой степи, где, по свидетельству позднего рязанского источника, он «обезуме, тамо и скончася» (31. С. 243).

Юрий Всеволодович оказал помощь Ингварю — если не в отражении половецкого набега, то в организации ответного похода в Степь.

Из Московского летописного свода конца XV века

...Того же лета князь Рязанский Ингварь прислал к великому князю Юрию и к брату его Ярославу, прося помощи против половцев. И послали к нему полки свои, и пошёл (Ингварь. — А. К.) на половцев. Они же, услышав о том, бежали, а те, кто не убежал, тех перебили и возвратились восвояси.

Той же зимой родился у Ярослава сын Фёдор.

Той же зимой венгры выгнали Мстислава Мстиславича из Галича, а королевич сел в Галиче.

(40. С. 116)

Год 1220. Владимир. — Волжская Болгария. — Городец Радилор

Год большого похода на Волжскую Болгарию. В отличие от отца и дяди, Юрий не участвовал в этом походе лично, но поручил возглавить его брату Святославу, к которому приставил воеводу Еремея — прежнего воеводу его старшего брата Константина, между прочим, участника междоусобной войны 1216 года и одного из победителей в битве на Липице.

Силы же были собраны огромные, не меньшие, чем в походах на болгар Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо.

Войска выступили в конце весны — начале лета.

Из Московского летописного свода конца XV века

Князь великий Юрий Всеволодович послал брата своего Святослава на безбожных болгар и с ним послал полки свои, а воеводство приказал Еремею Глебовичу. А Ярослав послал свои полки из Переяславля, и Васильку Константиновичу повелел Юрий послать свои полки: он же из Ростова полк послал, а другой — с Устюга, к верховьям Камы. Послал же и к муромским князьям [Юрий], веля им послать сыновей своих; и послал Давыд сына своего Святослава, а Юрий^[63] — Олега. И собрались все на Волге, на устье Оки, в насадах^[64] и в ладьях, а оттуда пошли вниз. И когда были они на Исадах, против Ошеля, сошли на берег...

Где находился болгарский город Ошель, или Ошел, — главная цель Болгарского похода, в точности неизвестно, хотя предположения на этот счёт давно уже высказаны^[65]. Равно как нельзя сказать с полной уверенностью и что за Исады имел в виду летописец. В древней Руси этим словом («исады», или «исад») обозначали пристань, место стоянки или прибрежный посёлок (137. С. 166); только в отдельных случаях название закреплялось за каким-то определённым географическим объектом, превращаясь в имя собственное (как это произошло с рязанскими Исадами

на Оке). Несколькими годами раньше, в 1183 году, во время похода на тех же болгар Всеволода Большое Гнездо, русское конное войско дошло до места, «идеже остров, нарицаемый Исады» (28. Стб. 625), откуда двинулось к Великому городу болгар — столице Болгарского царства городу Биляру (расположенному при впадении реки Билярки в Малый Черемшан, впадающий, в свою очередь, в Большой Черемшан — левый приток Волги). Названный остров Исады, по всей вероятности, располагался ниже места впадения Камы в Волгу, но вряд ли намного ниже: именно напротив Камского устья находилось наиболее удобное место для переправы войск. В старину здешняя местность называлась Переволокой и была известна удобной переправой («переволокой») через Волгу. До образования гигантского Куйбышевского водохранилища здесь имелось несколько островов, более или менее подходящих для стоянки русского флота; один из них, вероятно, и был выбран русскими и назван Исадами (117). Исады, упомянутые под 1220 годом, судя по последующему рассказу летописца, также находились немного ниже устья Камы, так что есть основания полагать, что речь в обоих летописных рассказах идёт об одном и том же месте стоянки русского войска.

Ошель вряд ли относился к числу главных городов Болгарского царства. Однако в военном отношении Болгарская земля была сильна, и воевать и защищать свои города болгары умели. Спустя всего три года, в 1223 году, они смогли нанести поражение монгольским отрядам Субедея и Джебе — тем самым, которые смерчем пройдут по землям Северного Ирана и Закавказья и разобьют объединённую русско-половецкую рать на реке Калке. А ещё полтора десятилетия спустя посетивший Болгарскую землю венгерский монах-миссионер Юлиан, может быть и преувеличивая, будет писать о шестидесяти «весьма укреплённых» болгарских замках, «столь людных, что из одного могло выйти 50 тысяч вооружённых воинов» (2. С. 85). И в число этих-то шестидесяти Ошель входил наверняка!

Рассказ летописца, как всегда, изображает войну только с одной стороны — в данном случае со стороны победителей. Но и в этом, очевидно тенденциозном, рассказе война выглядит жестокой до крайности. Причём летописец с уважением отзывается о фанатизме и мужестве защитников города:

Снарядил же Святослав полки свои: ростовский поставил по правую руку, а переяславский — по левую, а сам встал с муромскими князьями посередине, а ещё один полк оставил у ладей; сами же пошли от берега к лесу. И когда прошли через лес

и вышли на поля ко граду, встретили их болгары с князем своим на конях, и поставили полк на поле. Святослав же быстро двинулся ко граду. Был же около города устроен крепкий острог — тын дубовый, а за ним два укрепления (оплота), а между ними вал насыпан, и по тому валу, разъезжая, бились [болгары] из-за тына.

Князь же Святослав подошёл к городу и направил вперёд людей с огнём и с секирами, а за ними — стрельцы и копейщики, и пошли на приступ. И был бой между ними весьма жестокий, и подрубили тын, и разрушили оплоты, и подожгли их, а те побежали, и [так гнали] их, посекая, до града. Потом же подступили ко граду со всех сторон и подожгли его^[66]. И пошёл сильный дым, и потянул ветер со стороны города на полки Святославовы, так что нельзя было и человека увидеть из-за дыма; и нельзя было стерпеть дыма и зноя, а более всего — безводия, и отступили от города. И сели отдохнуть от великого труда. Сказал же Святослав:

— Подойдём с другой, наветренной стороны города.

Они же, поднявшись, пошли на ту сторону города и, придя, встали напротив городских ворот.

И сказал князь:

— Братия и дружина! Сегодня нам одно из двух предстоит: или доброе, или злое. Приступим же скорее!

И двинулся князь сам впереди всех к городу; воины же, видя его, все устремились к городу. И подрубили тын и оплоты с этой стороны, и подожгли их. А болгары побежали в город, наши же погнались за ними, посекая их, а потом зажгли город со всех сторон. И объял огонь весь город. И была великая буря, и страшно было видеть; и поднялся в городе великий вопль. Князь же болгарский бежал через другие ворота и ускакал на конях с малой дружиной, а из тех, кто пешими выбежал, мужчин убили, а женщин и детей в полон взяли. А другие в городе сгорели, а иные сами убили жён своих и детей, а потом и сами себя убили. Некоторые же из воинов Святославовых дерзнули войти в город ради корысти и едва спаслись из пламени, а иные и сгорели там. Князь же Святослав стоял там до тех пор, пока весь город не сгорел. Взят же был город Ошель 15 июня.

Из последующего рассказа летописца выясняется, что поход русской

рати не сводился к взятию Ошеля. Ещё раньше войско разделилось, и часть его на судах двинулась по Каме вглубь страны. Возглавлял эту судовую рать ростовский воевода Воислав Добрынич, а входили в неё, наряду с ростовцами, устюжане. Особая жестокость, проявленная ими во время похода, вероятно, объяснялась желанием отомстить болгарам за недавнее разорение Устюга: русские, по словам летописца, взяли по Каме «несколько крепостиц и сёл несколько, и сожгли все, а людей перебили, а иных в плен увели».

Соединение двух частей русского войска произошло на устье Камы, чуть выше Исад.

Обратный путь основных сил, ведомых Святославом Всеволодовичем, был труден и тоже исполнен опасностями. Взяв Ошель, рассказывает летописец, Святослав повернул к своим ладьям:

...И когда был он у ладей, поднялась буря с дождём, так что и ладьи разметало. А потом начала буря стихать, и перешёл князь Святослав в заветрие на остров^[67] с полками своими, и муромские князья с ним; тут же и на ночь остановились. И на утро, отобедав, двинулись прочь вверх по Волге.

Слышали же болгары в Великом городе и в иных градах, что град их Ошель взят, и пришли в великую печаль. И собрались все с князьями своими: одни на конях, другие пеши, и пришли на берег. Слышал же Святослав, что болгары, собравшись, ждут его на Исадах, и повелел всем своим воинам облачиться в броню и стяги развернуть, и изготовил полки в насадах и ладьях. И двинулись полк за полком, бьюще в бубны, и в трубы, и в сопели, и сам князь за ними пошёл. Болгары же, двигаясь по берегу, видели своих пленных: одному отец, иному сын или дочь, другому же брат или сестра или соплеменник, и стояли, поникнув главами своими, и стеная в сердце своём, и закрывая глаза свои. Святослав же миновал Исады и встал на устье Камы, и тут пришли к нему Воислав Добрынич, и ростовцы, и устюжане со множеством полона и с огромной добычей...

От устья Камы Святослав послал весть об успехе похода брату Юрию и направился к Городцу Радилову. Здесь, уже на территории Владимиро-Суздальского княжества, войско пересело на коней. Великий князь встречал их у Боголюбова, в двух верстах от Владимира. С Юрием был его трёхлетний сын Всеволод, имя которого теперь уже постоянно

присутствует в летописи.

...Когда же пришли они в город, была радость великая во Владимире. И устроил князь Юрий торжество великое брату своему и всем воинам в течение трёх дней, и многим одарил брата своего: золотом, и серебром, и одеждами различными, и конями, и оружием, аксамитами и паволоками^[68], и мехами беличьими; так же и воинов одарил богато, каждого по достоинству его. И пошёл Святослав с честью великою во град свой Юрьев.

(40. С. 116–117)

На зиму князь Юрий Всеволодович сам намеревался выступить в большой поход в Волжскую Болгарию. Во всяком случае силы, ещё большие, нежели несколькими месяцами раньше, начали собираться в Радилове Городце. Это заставило болгар поспешить с заключением мирного договора. Вероятно, условия, выставленные Юрием, были настолько жёсткими, что поначалу показались им неприемлемыми. В летописи, правда, всё выглядит иначе: болгары трижды посылали к великому князю, моля о мире, и только в третий раз Юрий смилостивился и согласился пойти им навстречу. Но можно думать, что троекратное посольство болгар объяснялось именно неприемлемыми требованиями, которые выставил великий князь. Так или иначе, а одна лишь демонстрация силы — без всякого военного похода — позволила Юрию Всеволодовичу добиться своих целей.

Из Московского летописного свода конца XV века

На ту же зиму болгары прислали послов своих к великому князю Юрию с мольбой, прося о мире. И не послушав моления их, отпустил их [Юрий], а сам начал собираться на них. И послал в Ростов за Васильком Константиновичем, и повелел ему идти к Городцу, и сам тоже пошёл. И когда он был на Омуте^[69], пришли к нему другие послы болгарские с мольбою и с челобитьем, прося мира. Он же не посмотрел на мольбу их, отпустил их прочь от себя. И пришёл на Городец с полками, и Василько сюда же пришёл к нему. А болгарские послы, вернувшись, сказали своим,

что князь Юрий стоит на Городце, ожидая братию свою, «а мира не даёт, но хочет снова идти на нас». Они же убоялись и послали к нему на Городец третьих послов с мольбою великою, и с дарами многими, и с челобитьем. И откликнулся [Юрий] на мольбу их, и дары взял у них, и управились по прежнему миру, как было при отце его Всеволоде и при деде его Георгии Владимировиче. И отправил с ними мужей своих: привести в роту^[70] князей их и землю их по их закону...

...В том же году преставилась княгиня Константинова Агафья в черницах, и положили её в соборной церкви Святой Богородицы в Ростове 24 января^[71].

(40. С. 117–118)

Условия мира с Волжской Болгарией летописи не раскрывают. Историки же полагают, что одним из пунктов мирного договора стал отказ правителей Болгарского царства от покровительства мордовским племенам, занимавшим земли в Среднем Поволжье, между Болгарией и Русью. Начиная с 1226 года один за другим последуют походы русских дружин в земли мордвы (107. С. 44).

Мир с Болгарией был крайне непрочным. Интересы обоих государств были слишком различными, противоречия между ними никуда не исчезли, и столкновения, пускай и меньших масштабов, чем война 1220 года, будут продолжаться.

Ещё одним прямым следствием войны 1220 года стало строительство в следующем году на Волге, в стратегически важном месте, при впадении в Волгу Оки, нового города, получившего имя Нижний Новгород.

Год 1221. Нижний Новгород

Из Лаврентьевской летописи

...Того же лета 27 июня загорелся город Ярославль и едва не сгорел весь: церковей сгорело 16, двор же княжеский силою честного креста и молитвою доброго Константина избежал огня.

Того же лета великий князь Юрий сын Всеволож заложил город на устье Оки и нарёк имя ему — Новгород.

(27. Стб. 445)

По-другому имя основанного князем города звучало в летописи как Новгород Нижний (47. С. 306; 40. С. 118) или Новгород второй (27. Стб. 468). Это должно было отличать его от Великого Новгорода на Волхове.

С рядом дополнительных подробностей об основании города говорилось в местных летописных памятниках, составленных в XVII веке:

Летописец о Нижнем Новеграде, в коих годах заложен и при коем великом князе.

Лета 6729-го. Князь великий Юрье Всеволодович заложил град на ус[т]ье Оки реки и нарече Новьград Нижней. И церковь постави соборную Архангела Михаила^[72] деревяную.

(63. С. 127)

...А владели тою землёю поганые, мордва, — *уточняет другой нижегородский книжник. И ещё прибавляет к этому: —* ...Князь Юрий Всеволодович поганую мордву отгнал от града и жилища их, и зимницы разорил...

(63. С. 169)

Есть в Нижегородском летописце и смутное, без дат, известие о некоем «старом городке», поставленном будто бы суздальскими князьями ещё до основания самого Нижнего Новгорода:

...В Нижнем Новеграде, под старым городком, вверху по Оке реке, была слобода на берегу Оки реки. И изволением Божиим, грех ради наших гора оползла и с лесом сверху на слободу. И засыпало в слободе 150 дворов и с людьми, и со всякою животиною. А тот городок поставлен бысть как великие князи суздальские ходили на взыскание, где град поставити и разпространити княжение свое Суздальское на Низовской земле, за Волгою и за Окою реками. А мордву поганую отогнал и землю у них отнял. А от Оки и от Волги реки леса были болшие, а мордва жили в лесах.

(63. С. 155)

Оползень, о котором рассказывает нижегородский книжник, на самом деле случился в 1370 году: тогда засыпало дворы нижегородского Благовещенского монастыря (35. Стб. 95). Соответственно, можно усомниться и в том, что «старый городок» «князей суждальских» имел хоть какое-то отношение к начальным временам освоения Нижегородского края. Скорее, перед нами обычная легенда, обязанная своим происхождением названию монастырской слободки (102. С. 103–121).

О том, что на месте Нижнего Новгорода существовало древнее поселение — только не русское, не мордовское, а будто бы болгарское, — сообщал и историк XVIII века В. Н. Татищев:

...Князь великий Юрий послал воевод своих с войски и велел на устии реки Оки построить новый град, где издавна был град болгарский и от русских разорен.

(141. С. 212; ср. 142. С. 360)

Но и это известие признаётся не более чем результатом научных изысканий самого Татищева, тем более что в разных редакциях «Истории Российской» он передавал его по-разному (100. С. 378–380).

Одновременно с городом Юрий Всеволодович основал и монастырь Святой Богородицы, расположенный «вне града»^[73]. В посмертной похвале князю летописец будет ставить ему это в особую заслугу:

...И города многие поставил, прежде всего — Новгород второй на Волге, в устье Оки, и церкви многие создал, и

монастырь Святой Богородицы в Новгороде (Нижнем. — А. К.).

(27. Стб. 468)

И действительно, основание Нижнего Новгорода — едва ли не главное свершение князя Юрия Всеволодовича. И потому, что городу этому была суждена великая история и со временем ему предстояло стать столицей княжества, соперником Москвы в борьбе за главенство во всей Русской земле, и потому, что Юрий на столетия вперёд определил главное направление развития Русского государства — движение на восток, освоение новых территорий за Волгой. В годы его княжения это вылилось в войны с Волжской Болгарией, а затем с мордовскими раннегосударственными образованиями. Монгольское завоевание переломит хребет русской государственности, приведёт к покорению самой Руси Ордой. Ну а затем движение на восток, войны с восточными «царствами», наследниками Орды, возобновятся. И одним из основных опорных пунктов в этом движении станет город, основанный князем Юрием в 1221 году.

*

В позднем, XVII века, Житии князя Георгия Всеволодовича (так называемом «Костромском») приведена красивая легенда об основании князем ещё одного города на Волге — Юрьевца (ныне районный центр Ивановской области). Случилось это будто бы уже после основания Нижнего Новгорода, но когда именно, Житие не сообщает. Плывя со своими боярами из Ярославля «великою рекою Волгою» и достигнув устья реки Унжи, князь увидел во сне на противоположной стороне Волги «на высокоей горе посреде лесу» икону святого великомученика Георгия Победоносца со стоящей перед нею неугасимой свечой. Воспрянув ото сна, он начал вглядываться в даль и внезапно узрел на той стороне Волги огненный луч, «аки звезду сияющую сквозе лесу». Переправившись через Волгу, Юрий и его люди нашли дерево, многолиственный вяз, при корне которого и обрели икону с горящей свечой. На месте чудного видения был поставлен храм во имя великомученика Георгия. «И повеле великий князь на той горе создати во свое имя град на славу и память чудесем святого стратотерпца Георгия, вкупе же и своего бытия, — рассказывает легенда. — И от того времени прозвася та гора именем великаго князя Юрьевская.

Такожде и новосозданный той град наречен бысть его же именем Юрьев с приложенным названием Поволский» (56. С. 128–132).

Это был третий град Юрьев в Русской земле — после Юрьева Ливонского (нынешнего Тарту), основанного Ярославом Мудрым (в крещении Георгием), и Юрьева-Польского, основанного Юрием Долгоруким. Легенда об основании Юрьевца на Волге (Юрьевца Повольского, или Поволжского) ставила князя Юрия Всеволодовича в один ряд с его великими тёзками.

ГОД 1222. Суздаль. — Новгород Великий

Великий князь Юрий заложил каменную церковь Святой Богородицы в Суздале на прежнем месте, разрушив старое здание, потому что начала рушиться от старости и верх её упал. А была та церковь построена прадедом его Владимиром Мономахом и блаженным епископом Ефремом.

(27. Стб. 445)

Как показали наблюдения археологов, суздальский собор Рождества Пресвятой Богородицы строили действительно на месте прежнего, Мономахова. При этом старое здание оказалось очень прочным: его пришлось рушить, подрубая кладку снаружи. При раскопках, проведённых ещё в первой половине прошлого века, были найдены целые блоки разбитых древних стен (74. С. 20).

Строить новый собор будут три года — и не только на средства из княжеской казны, но и на средства епископской кафедры. Он будет освящён владимирским епископом Симоном 8 сентября 1225 года, а спустя ещё пять лет, в 1230-м, приступят к росписи собора, о чём под соответствующими годами сообщает летописец. Изначально собор был трёхглавым (ныне существующий храм имеет пять глав). По-видимому, с самого начала его планировали использовать в том числе и как усыпальницу для суздальских епископов, для чего в стенах западной части собора и притворов были сделаны так называемые аркосолии для установки саркофагов.

Юрий передал Суздальскому собору несколько сёл и вручил ему, как и владимирскому Успенскому, десятину — десятую часть со всех доходов. Собор этот стал вторым в княжестве после владимирского Успенского — и Юрий, украшая его, подражал основателю и ктитору Успенского собора Андрею Боголюбскому. Епископ Симон в своём послании Поликарпу не зря именовал Владимир и Суздаль двумя своими «епископиями» (5. С. 361), то есть двумя главными центрами своей епархии, разделённой надвое в административном отношении.

Возведение Суздальского храма епископ ставил себе в особую заслугу. «Святительства нашего власть ты сам знаешь», — писал он с нескрываемой гордостью Поликарпу. И продолжал далее:

И кто не знает меня, грешного епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира^[74], и другой, Суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сёл, и десятину собирают с них по всей земле той, — и этим всем владеет наше ничтожество.

(5. С. 361–363. Перевод Л. А. Дмитриева)

Но писал он эти строки лишь для того, чтобы показать своему адресату, что вся его слава и все блага не стоят ничего в сравнении с тем блаженством, которого сподобился бы он, пребывая в киевском Печерском монастыре (из которого вышли они оба — и Симон, и Поликарп):

...И всё бы это оставил я, но ты знаешь, сколь великое дело духовное лежит на мне, и молю Господа, да подаст он мне благое время исполнить его.

Владыка успеет исполнить возложенное на него благое дело. Но освящение Суздальского собора — а это произойдёт в сентябре 1225 года — станет последним в его жизни. Спустя восемь с половиной месяцев, в мае 1226 года, он мирно скончается в стольном Владимире и будет похоронен — не в киевских пещерах, чего желал он сам, но во владимирском Успенском соборе.

Простоит возведённый князем Юрием и владыкой Симоном собор до середины XV века. Он переживёт нашествия татар, однако в 1445 году его постигнет катастрофа другого рода. «Того же лета, — сообщает под этим годом летописец, — сотворися знамение в соборной церкви в Пречистой в Суздале: начаша святительские гробы горети изнутри и падати, а на завтрее и сама церковь падеся, на Преплавление^[75]» (32. С. 114).

«Что было причиной катастрофы, симптомы которой столь загадочно описаны летописцем, — мы не знаем», — констатировал исследователь древнерусского зодчества Н. Н. Воронин (74. С. 19).

Ныне существующий храм был возведён в основном в XVI веке. Однако его нижняя часть, включая аркатурный пояс с изумительными скульптурными масками, сохранилась со времён Юрия Всеволодовича.

Главные же события года происходили в Великом Новгороде и вокруг него.

Ещё под предыдущим, 1221 годом Новгородская летопись сообщает об изгнании новгородцами князя Всеволода Мстиславича, сына киевского князя Мстислава Старого:

— Не хотим тебя! Пойди, куда хочешь!
И пошёл [Всеволод] к отцу, в Русь.

В поисках нового князя новгородцы обратились к Юрию Всеволодовичу. Прошло всего пять лет после Липицкой битвы, в которой новгородцы наголову разгромили войска братьев Юрия и Ярослава. Но ситуация поменялась, Юрий занял место Константина, прежнего союзника новгородцев в той войне. А главное, суздальские князья представляли на тот момент единственную силу, способную противостоять смоленским Ростиславичам. Отказавшись от услуг этих последних, новгородцы вынуждены были обратиться к Юрию как к старшему в роде суздальских князей. Но только при том условии, что новый князь (а им по выбору Юрия должен был стать его восьмилетний сын Всеволод) будет править на «всей воле новгородской».

В лето 6730 (1222). Послали [новгородцы] владыку Митрофана, и посадника Иванка, и старейших мужей во Владимир к Юрию Всеволодовичу за сыном, и дал им Всеволода на всей воле новгородской. Пришёл князь Всеволод в Новгород и владыку и всех мужей одарил без счёта, и рады были новгородцы, и был мир.

Главным делом новгородского князя всегда оставалась война. Но восьмилетний князь не мог возглавить войско, а потому Юрий прислал в Новгород брата Святослава, недавнего победителя болгар, некогда также правившего в Новгороде. Ему предстоял поход в Прибалтику, в эстонские земли, прежде платившие дань Новгороду, а теперь ушедшие под власть ливонского Ордена меченосцев. Союзниками Новгорода в этой войне стали язычники литовцы. Как правило, они были врагами русских, особенно часто опустошая земли полоцких и смоленских князей. Много бедствий «литва» причиняла и ещё будет причинять и новгородским землям. Однако на этот раз они выступили на стороне Новгорода и Пскова — против немцев.

...Пошли новгородцы со Святославом к Кеси, и литва пришла им в помощь. И воевали много, но города не взяли.

(22. С. 60–61)

Кесь, нынешний Цесис в Латвии, — немецкий замок Венден, построенный в 1213 году, один из главных центров Ливонского ордена, резиденция его магистров. Об этой войне новгородцев с Орденом подробно рассказывает в своей «Хронике Ливонии» немецкий священник Генрих. Он датирует её 1221 годом — но при этом замечает, что на следующий год состоялась несчастная для русских битва с татарами (битва на реке Калке). Учитывая, что последняя имела место в 1223 году, поход русских следует отнести к началу осени 1222 года — как и значится в Новгородской летописи. Излишне, наверное, говорить о том, что рассказ хрониста изображает войну исключительно глазами противников русских.

Из «Хроники Ливонии»

Русские из Пскова отослали обратно грамоту о мире, заключённом у Одемпе^[76], а вслед за тем и сами пришли с большим войском, и стоял во главе войска король Новгородский, уже на другой год убитый татарами^[77]. И было в том войске двенадцать тысяч русских, собравшихся из Новгорода и из других городов России против христиан в Ливонии. И пришли они в землю леттов^[78] и стояли там две недели, дожидаясь литовцев, опустошая всё, что было поблизости. Затем они подошли к Вендену. Братья-рыцари выступили навстречу им к воротам, но не были они в состоянии противостоять множеству врагов, сожгли дома и деревню и отступили в свой замок. Русские же, отойдя от замка, переправились через Койву^[79], пришли в Торейду и разграбили всю область, сжигая все деревни, и церковь, и хлеб, лежавший уже сжатым на полях, а людей хватали и убивали, причиняя огромный вред стране. А литовцы, приблизившись к Вендену по той же дороге, вслед за русскими перешли Койву и присоединились к ним. И где русские не слишком навредили, там добавили литовцы. И выступили из Риги магистр братьев-рыцарей со своими и рыцарь Бодо с некоторыми

пилигримами^[80], а за ними последовали и другие, но немногие, так как не было в стране согласия^[81]. И пошёл магистр со своими людьми и прочими сопровождающими к Койве и стал на берегу, не давая русским переправиться на его сторону. И некоторые из ливов, переправившись через реку, бросились преследовать литовский отряд, шедший с пленными и добычей из Койвемунде^[82], и убили у них до двадцати человек, остальные же спаслись, убежав к русским. Другой, русский, отряд они застали в деревне Когельсе, убили и у них семерых, а другие бежали и вернулись к своим или скрылись в лесу. И сказали русские: «Не гоже нам оставаться здесь, так как ливы и тевтоны окружают нас со всех сторон». И поднявшись в полночь, стали уходить из страны, а на другую ночь, остановившись в Икевальде, разграбили и сожгли окрестную область. А на третью ночь причинили такой же вред в местности у Имеры, а затем поспешили в Унгаунию^[83] и четыре дня точно так же опустошали и эту область и вернулись в Россию. Литовцы же, не решаясь отдаляться от русских из страха перед тевтонами, ушли с ними во Псков и оставались там целый месяц, чтобы потом спокойно возвратиться в свою землю.

(19. С. 132–133. Перевод В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой)

О продолжении войны новгородские летописи ничего не сообщают. Однако из «Хроники Ливонии» известно об ответном ударе, который Орден нанёс по Новгороду зимой 1222 года:

...рижане... отправились вместе с ливами и леттами в Угаунию и, созвав к себе сакальцев^[84] и угаунийцев, пошли в Россию против врагов своих, разоривших Ливонию. Оставив позади Псков^[85], они вступили в Новгородское королевство и разорили всю окрестную землю, сжигая дома и деревни. И много народу увели в плен, а иных убили. И добрались летты до церкви недалеко от Новгорода, захватили иконы, колокола, кадила и тому подобное и вернулись к войску с большой добычей. И отомстив врагам, пошло всё войско обратно с радостью и безо всяких потерь, и возвратился каждый в свой дом, и смыто было

оскорбление, нанесённое русскими Ливонской церкви.

Также летты и жители Сакалы и Угаунии беспрестанно вторгались в Руссию, многих там перебили, многих людей обоих полов увели в плен и захватили много добычи. Точно так же летты и тевтоны из Кукенойса^[86], ходившие в Руссию, всегда возвращались с большой добычей и множеством пленных.

(19. С. 133)

По сведениям того же источника, в середине зимы (1222/23 года?) окраинные новгородские земли подверглись нападению эстов. В частности, была разграблена Ингрия (древнерусская Ижора).

В русских источниках, повторюсь, сведений об этих разорительных набегах на Новгород и новгородские земли нет. Но, возможно, в прямую связь с ними следует поставить бегство той же зимой из Новгорода юного князя Всеволода, сына Юрия. В Лаврентьевской летописи об этом сказано кратко, под 1223 годом: «Всеволод Юрьевич пошёл из Новгорода к отцу своему во Владимир» (27. Стб. 445). Судя же по Новгородской, дело обстояло несколько иначе:

...На ту же зиму князь Всеволод побежал в ночь из Новгорода, утаившись, со всем двором своим. Новгородцы же печальны были о том.

При этом союз с Юрием Владимирским новгородцы сохранили. Более того, они согласились принять на княжение «из руки» Юрия своего недавнего врага, принесшего им столько несчастий Юрьева брата Ярослава. Как видим, его сторонники в Новгороде оставались:

...Тогда же новгородцы послали старейших мужей к Юрию:
— Если не угодно тебе держать Новгород [за] сыном, то дай нам брата!

И дал им брата своего Ярослава.

В лето 1223. Пришёл князь Ярослав в Новгород, и рады были новгородцы.

Литва воевала около Торопца, и гнался за ними Ярослав с новгородцами до Усвята^[87], [но] не догнал их.

(22. С. 61)

Для амбициозного и полного энергии Ярослава Всеволодовича княжение в Новгороде открывало перспективы куда большие, нежели в его родном Переяславле. Юрий же, наоборот, скорее избавлялся от хлопот и опасностей, с которыми было сопряжено пребывание в Новгороде его малолетнего сына. Впрочем, уклониться от новгородских дел ни у него, ни у его сына не получилось, да и не могло получиться, и год спустя по просьбе самих новгородцев Юрий вынужден будет вновь отправить сына в беспокойный город.

Не получилось ужиться с новгородцами и на этот раз у Ярослава.

Год 1223. Прибалтика. — Река Калка

...Пришёл князь Ярослав от брата и пошёл со всею областью к Колывани^[88], и повоевал всю землю Чудскую, и полоня привёл без числа, но города не взял. Злата много взял, и пришли все здоровы.

Пошёл князь Ярослав с княгинею и с детьми^[89] в Переяславль. Новгородцы же кланялись ему:

— Не ходи, княже!

Он же пошёл по своей воле.

Новгородцы же послали к Юрию за сыном. Он же дал им опять сына своего Всеволода.

...Пришёл князь Всеволод Юрьевич в Новгород.

В том же году убили князя Вячка немцы в Юрьеве^[90], а город взяли.

(22. С. 61)

Рассказ летописца краток и довольно сумбурен. Как всегда, намного подробнее, но по-другому расставляя акценты, повествует о произошедшем «Хроника Ливонии». Из рассказа немецкого хрониста видно, что своим главным противником власти Ордена считали даже не новгородского князя, а «великого короля Суздальского», то есть великого князя Юрия Всеволодовича (имя которого в «Хронике Ливонии» не названо). Только опираясь на помощь и поддержку Юрия, его брат Ярослав и смог столь активно действовать в Прибалтике.

Годом ранее в Эстонии поднялось мощное восстание против Ордена. Русские войска появились здесь по просьбе местных старейшин, которые «были посланы в Руссию с деньгами и многими дарами в надежде, что удастся призвать русских королей на помощь против тевтонов и всех латинян», сообщает Генрих. По его словам, войну с Орденом возглавил сам «король Суздальский», однако утверждение немецкого хрониста о личном присутствии Юрия в Прибалтике едва ли может быть принято на веру.

И послал король Суздальский брата своего (Ярослава. — А. К.), а с ним большое войско на помощь новгородцам. И пошли с ним новгородцы и король Псковский (Владимир. — А. К.) со

своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек...

Русские с помощью эстов заняли Юрьев (Дерпт, или Дорпат) и воевали по всей Эстонии. Было перебито много не только «тевтонов» (немцев), но и эстов, и земля их подверглась опустошению. Надо думать, что это отнюдь не прибавило симпатий местного населения к русским.

...И с ними со всеми он осадил Датский замок Линданисе (Таллин, или, по-русски, Колывань. — А. К.) и четыре недели бился с датчанами, но не мог ни одолеть их, ни взять их замок, потому что в замке было много арбалетчиков, перебивших немало русских и эстов. Поэтому в конце концов король Суздальский, смутившись, возвратился со своим войском в Россию. А было это большое войско и пытались они взять Датский замок тевтонским способом^[91], но сил не хватило. Так что, разорив и разграбив всю область, они вернулись в свою землю.

После этого новгородцы послали короля Виесцеке (Вячко. — А. К.)^[92]... дали ему денег и двести человек воинов, поручив править в Дорпате (Юрьеве. — А. К.) и других областях, какие он сумеет подчинить себе. И явился этот король с людьми своими в Дорпат, и с радостью приняли его жители замка, надеясь стать сильнее в борьбе против тевтонов...

(19. С. 135–136. Перевод В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой)

Судьба Вячко оказалась трагической. 15 августа 1223 (или 1224-го) года крестоносцы осадили Юрьев и после долгой и изнурительной осады взяли его. В начавшейся резне не щадили никого — ни мужчин, ни женщин; число убитых, по подсчётам ливонского хрониста, дошло до тысячи.

...Русские, оборонявшиеся дольше всех, были, наконец, побеждены и побежали сверху внутрь укреплений. Их вытащили оттуда и перебили; всего вместе с королём убито было около двухсот человек... Из всех бывших в замке мужчин остался в живых только один — вассал великого короля Суздальского

(великого князя Юрия Всеволодовича. — А. К.), посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль поведать о происшедшем его господам.

(19. С. 138–139. Перевод В. И. Матузовой и Е. Л. Назаровой)

Как встретил Юрий своего «вассала» (доверенного человека), мы не знаем. Но известие о падении Юрьева — города, который находился под покровительством святого Георгия, небесного покровителя самого Юрия Всеволодовича, — несомненно, тяжело подействовало на него. Его сыну вновь пришлось бежать из Новгорода, и это стало причиной чуть было не начавшейся войны великого князя с Новгородом. Но об этом драматичном событии — под следующим годом.

Поражение же русских под Юрьевом стало поводом для заключения в 1224 году мирного договора между Новгородом и Орденом.

...Русские из Новгорода и Пскова... — сообщает автор «Хроники Ливонии», — прислали в Ригу послов просить о мире. И согласились рижане, заключили с ними мир.

(19. С. 140)

Ещё раньше мир с Орденом заключили смоленский и полоцкий князья (19. С. 134). Русские вынуждены были признать власть Ордена над Восточной Прибалтикой.

Несмотря на заключённый мирный договор, военные действия между Новгородом и Орденом вскоре возобновятся. И тем не менее договор этот нельзя не признать историческим. «Граница между владениями Новгородского государства и ливонских ландесгерров, установленная договором 1224 г., несмотря на неоднократные попытки её изменения в ту или иную сторону, в конечном итоге закрепила сохраняющийся до настоящего времени западный рубеж России в данном регионе», — констатируют современные историки (19. С. 76).

Пока великий князь Юрий Всеволодович занимался тем, что происходило к северу и западу от русских границ, беда подошла совсем с другой стороны. Речь о трагической битве на реке Калке, в которой полегли девять русских князей и несколько сотен, если не тысяч простых воинов. Ни Юрий, ни другие князья из числа его ближайших родичей в этой битве участия не принимали. Но если бы только Юрий мог знать, какую судьбу пророчила эта битва лично ему!..

1223 год — год первого появления у русских границ нового, неведомого врага — монголов, которых на Руси и в других странах стали называть татарами (к современным татарам, отметим особо, это название не имеет прямого отношения)^[93]. Ещё в начале 1220-х годов, в разгар войны с хорезмшахом Мухаммедом, правитель монголов Чингисхан отправил по следам бежавшего хорезмшаха своих лучших полководцев Джебе и Субедея с тридцатью тысячами воинов. Преследуя противника, монголы вторглись в Иран, затем, сея повсюду разрушения и смерть, прошли Северный Азербайджан, Грузию, нанесли жестокое поражение аланам (предкам нынешних осетин) и кипчакам (половцам). Половцы обратились за помощью к русским князьям. Что за враг противостоял им, на Руси толком не знали. Но само появление этого неведомого и жестокого врага внушало летописцам ужас, заставляло вспомнить древние пророчества о близящемся конце света...

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...В то же лето^[94] по грехам нашим пришли языки незнаемые, их же толком никто не ведает, кто такие, и откуда пришли, и каков язык их, и какого племени, и какая вера их. А зовут их татары, а иные говорят: таурмены, а другие: печенеги. А иные говорят, что это те, о которых Мефодий, епископ Патарский, свидетельствует, что вышли они из пустыни Етливской, что между востоком и севером^[95]. Ибо Мефодий так говорит, что к скончанию времён явятся те, кого загнал Гедеон, и поплелят всю землю: от востока до Евфрата и от Тигра до Понтского (Чёрного. — А. К.) моря, кроме Эфиопии. Бог один ведает, кто такие и откуда пришли... мы же не ведаем их, кто такие. Но записали здесь в память о русских князьях и о беде, которая случилась из-за них...

(22. С. 61–63)

Русские князья откликнулись на призывы половцев. Прежде других — княживший в Галиче Мстислав Мстиславич Удатной, женатый на дочери половецкого хана Котяна. К нему первому и явился Котян:

...И пришёл с поклоном и с князьями половецкими в Галич к Мстиславу и ко всем князьям русским, и дары принёс многие: коней, и верблюдов, и буйволов, и девок. И одарил князей русских, говоря так:

— Сегодня нашу землю отняли, а завтра ваша взята будет!

А Мстислав, хорошо знавший повадки половцев и сознававший возможные последствия их подчинения татарам, добавлял, обращаясь к другим князьям, своим родичам:

— Если мы, братья, сим не поможем, то пристанут к тем (к татарам. — А. К.), и у тех ещё большая сила будет!

И это было воистину так, ибо монголы всегда включали отряды из покорённых ими народов в состав своего войско, отчего войско это по мере захвата ими новых стран и народов становилось многочисленнее и сильнее. Монголы бросали своих новых рабов-воинов в самую гущу боя, нимало не заботясь о том, выживут ли те или нет. А в случае их отступления или бегства истребляли их без всякой жалости.

В войско, собранное русскими, вошли дружины сильнейших князей Южной Руси. Помимо дружины Мстислава Мстиславича Галицкого (Удатного), тут были дружины двух других Мстиславов — Мстислава Романовича Киевского и Мстислава Святославича Козельского (Черниговского), а также Владимира Рюриковича Смоленского, будущего галицко-волынского князя Даниила Романовича, Михаила Всеволодовича (Черниговского) и многих других. Князья посылали и во Владимир на Клязьме к великому князю Юрию Всеволодовичу, прося помощи у него, рассказывает ростовский летописец; Юрий же, занятый больше новгородскими делами, «послал к ним благочестивого князя Василька, племянника своего, Константиновича с ростовцами», однако тот «не успел... прийти к ним в Русь» (27. Стб. 446). Забегая вперёд скажем, что эта медлительность, возможно, спасла жизнь ростовскому князю.

Русские князья впервые имели дело с татарами. Ни о их тактике, ни о

приёмах ведения ими боя они не знали. Не знали и о том, как вести себя с татарскими послами. По рассказу Новгородской летописи, татары дважды присылали к ним послов, отговаривая от сражения. В первый раз, когда русские были на Днепре, у Зарубского брода, напротив устья реки Трубеж, то есть ещё на своей земле. Летописец передаёт слова послов:

— Вот слышим, что идёте против нас, послушавши половцев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сёл ваших, и не на вас пришли. А пришли, Богом посланные, на холопов и на конюхов своих, на поганых половцев. А вы заключите с нами мир: если прибежит кто к вам, бейте их, а добро берите себе. Слышали ведь мы, что и вам они много зла причинили, — потому мы и бьём их!

Русские же князья не послушали того, но убили послов и пошли против них.

Как видим, послы были хорошо осведомлены об отношениях между половцами и русскими. Но в их словах, несомненно, таилось лукавство. К тому времени ещё не был объявлен западный поход монгольских армий, но несколькими годами позже Чингисхан (он умрёт вскоре, в августе или сентябре 1227 года) объявит врагами монголов одиннадцать народов, земли которых надлежит завоевать, и в числе этих одиннадцати, наряду с асами, кипчаками и болгарами, будут названы Оросут, то есть русские, с их главным городом Кивамен-керменом, то есть Киевом (15. § 262). Точно так же как и с русскими, татары недавно вели себя с теми же половцами. Накануне нападения на страну алан (ясов), которые были в союзе с половцами, они обещали половцам мир («Мы и вы — одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда»), а затем, разбив алан, обрушились уже на половцев (50. С. 220).

Вероятно, эта история была известна русским князьям — почему они и отвергли посулы татар. Но убийство послов всегда — и в глазах монголов особенно — расценивалось как тягчайшее преступление. Тем не менее татары прислали новое посольство. Князья не послушались и их, хотя на этот раз отпустили послов живыми и невредимыми.

Сама битва произошла 31 мая^[96] за Днепром, на реке Калке — по мнению большинства историков, это нынешний Кальчик, правый приток реки Кальмиус, впадающей в Азовское море. Исход битвы известен — русские дружины, действовавшие разрозненно и не согласованно друг с

другом, потерпели страшное поражение. Первыми бежали половцы, «потоптавши станы русских князей» и расстроив их ряды. За Днепр бежал и Мстислав Удатной, который, вступая в битву, ничего не сказал об этом двум другим Мстиславам, ибо «была между ними распря великая», объясняет летописец. Много мужества и отваги показал зять Мстислава князь Даниил Романович: раненный в грудь, он даже не ощутил рану, «буести ради и мужества», ибо «крепок был на брань». Галицкий летописец выделяет особо и его двоюродного дядю Мстислава Ярославича Немого, и Олега Курского. Но и им тоже пришлось бежать с поля боя.

Князь Мстислав Романович Киевский с двумя другими князьями — своим зятем Андреем и Александром Дубровицким, остался на месте, «на горе над рекою над Калком, бе бо место то камянисто», и устроил вокруг «город» — тын из кольев. Татары три дня осаждали «город» и взяли его хитростью. Оказывается, на стороне татар в битве принимали участие «бродники», и их воевода, некий Плоскиня, целовал князьям крест на том, что татары не тронут их, но отпустят за выкуп. Увы, то была ложь. Участь трёх русских князей оказалась ужасной: татары «издавиша» их — положили живыми под доски, на которые сами сверху «седоша обедати». То была одна из изощрённых казней, которые применялись монголами в отношении преступников, — вероятно, князья приняли её как возмездие за убийство послов. Простые же воины были все перебиты.

Погибли и большинство других участников битвы. Князей татары гнали «до Днепра»; из их числа были убиты шестеро (летописец перечисляет их поимённо), в том числе и Мстислав Черниговский.

...А прочих воинов каждый десятый вернулся восвояси; а иных половцы убили за коня, а иного за порты. И так за грехи наши вложил Бог недоумение в нас; и погибло бесчисленное множество людей; и были вопль, и плач, и печаль по городам и по сёлам...

Продвигаться вглубь страны татары не стали. Завоевание Руси было ещё впереди. Пока же они дошли до Новгорода Святополчего — города на Витичевском холме на Днепре. «Люди же, не ведая о коварстве их, выходили навстречу им с крестами, — записывал галицкий летописец. — Они же перебили их всех» (28. Стб. 745; 7. С. 90–91).

Весть о чудовищном поражении русских достигла других стран, соседей Руси. Здесь масштабы катастрофы преувеличивали многократно. Ливонский хронист Генрих писал о том, что убито было у русских более

100 тысяч человек и более 50 князей (19. С. 134); по словам араба Ибн ал-Асира, опустошена была большая часть страны (52. С. 27). Но самим русским казалось, что страшный враг исчез навсегда. Сегодня, зная о последующей судьбе Руси и о том, что ждало её спустя каких-то 15 лет, удивительно читать заключительные строки летописного рассказа о Калкском побоище:

...Татары же возвратились от реки Днепр. И не ведаем, откуда пришли и куда опять делись. Бог ведает, откуда пришли на нас за грехи наши.

(22. С. 63)

...В Лаврентьевской летописи о Калкском побоище рассказано очень скупое. Автор, ростовский книжник, всё внимание сосредоточил на судьбе своего князя, которому удалось избежать гибели:

...Слышал же Василько о том, что приключилось в Руси, и возвратился от Чернигова, сохранён Богом, и силою креста честного, и молитвою отца своего Константина и дяди своего Георгия. И вошёл в Ростов, славя Бога и Святую Богородицу.

Но и для жителей Ростова, Владимира и других городов и весей Северо-Восточной Руси год этот оказался очень тяжёлым:

В то же лето была засуха, и многие леса и болота горели, и дым был такой сильный, что нельзя было и человека вблизи видеть. И такая мгла на землю легла, что и птицы не могли по воздуху летать, но падали на землю и умирали.

В то же лето звезда явилась на западе, и шли от неё лучи, не прямо над человеком, но словно к югу, по два, восходя с вечера, после захода солнца; и была [звезда та] больше иных звёзд. И пребывала так семь дней, а по прошествии семи дней явились лучи от неё к востоку; и было так четыре дня, и сделалась невидимой.

(27. Стб. 447)

Звезда, о которой говорит летописец, — это знаменитая комета Галлея, периодически (примерно раз в 76 лет) приближающаяся к Земле и,

благодаря своей яркости, всякий раз привлекавшая к себе внимание средневековых хронистов. На этот раз она явилась на небе в сентябре 1222 года (наибольшая яркость, то есть перигелий, 22 сентября) (131. Кн. 2. С. 206–207). Получается, что летописец ошибся, поместив сообщение о ней не под тем годом: явление кометы произошло почти за девять месяцев до несчастной битвы на Калке. Но, видимо, её тайный, зловещий смысл был разгадан лишь тогда, когда битва уже случилась, почему и запись о звезде оказалась не на своём месте.

Год 1224. Торжок

...Того же лета послал великий князь Юрий брата своего Владимира и племянника своего Всеволода Константиновича с полками...

(27. Стб. 447)

Предложение осталось незаконченным. Далее в тексте Лаврентьевской летописи оставлен пробел в полторы строки для вписания недостающих слов. Но куда именно послал свои полки Юрий Всеволодович, летописец так и не выяснил.

Не исключено, что в Новгородскую землю. Во всяком случае сам Юрий вместе со своими родичами (правда, не теми, что упомянуты в тексте Лаврентьевской летописи) отправился в том же году в Торжок (Новый Торг) — город, являвшийся совместным владением Новгорода и великого князя Владимирского. Там нашёл себе пристанище бежавший из Новгорода его юный сын Всеволод.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...В то же лето^[97] пошёл князь Всеволод во второй раз из Новгорода, в ночь, утаившись, со всем двором своим. И, приехав, сел в Торжке. И приехал к нему отец [его] Юрий с полками, и брат его (Юрия. — А. К.) Ярослав, и Василько Константинович с ростовцами, [и] Михаил с черниговцами^[98]...

(22. С. 63–64)

Бегству Всеволода предшествовало то столкновение Новгорода с Орденом, о котором мы говорили, рассказывая о событиях предыдущего года.

Падение Юрьева в 1223 или 1224 году подорвало авторитет новгородского князя. По свидетельству всё того же ливонского хрониста Генриха, «король» Вячко сильно надеялся на помощь новгородцев, однако помощь опоздала: услышав, что Юрьев взят, а люди перебиты, новгородцы,

выступившие было в поход, «с большим горем и негодованием возвратились в свой город» (19. С. 140). Был ли в то время Всеволод в Новгороде, или уже нет, сказать затрудняемся.

Между тем новгородцы нуждались в сильном князе. Ставка на Юрия Всеволодовича или его ближайших родичей себя в основном оправдывала. Но будучи готовы принять у себя князя из Суздальского дома, новгородцы совсем не готовы были поступаться своими правами, не желали, чтобы князь или его люди вмешивались во внутренние дела города, поступали «не по старине». Это и порождало непрекращающиеся конфликты между городом в лице посадника (а им в те годы был пользовавшийся большим авторитетом среди новгородцев Иванко Дмитриевич) и княжеской властью и приводило к тому, что князья не задерживались в Новгороде. Вот и второе новгородское княжение юного Всеволода Юрьевича оказалось очень коротким.

Так возник острый конфликт между Юрием и новгородцами. Конфликт этот в любой момент мог перерасти в войну. Тем более что Юрий поначалу совсем не готов был идти на мировую. В бегстве сына он винил конкретных людей — видных новгородских бояр.

...И послали новгородцы к Юрию на Торжок двух мужей:

— Княже, пусти к нам дитя, а сам уйди из Торжка!

Юрий же отвечал послам:

— Выдайте мне Якима Иванковича, Микифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Сдилу Савинича, Вячка, Иваца, Радка! Не выдадите ли — а я поил коней Тверцою, а ещё Волховом напою!

(Яркий пример живой речи героя нашей книги. Юрий Всеволодович умел выразиться и образно, и сильно! — А. К.)

Новгородцы же собрали всю волость, а около города оплот возвели, а к Юрию послали Полюда, Вячеслава Прокшинича, Иванка Ярышевича:

— Княже! Кланяемся тебе, а братии своей не выдаём. А крови не проливай! А вот твой меч, а наши головы!

(Речь новгородцев, как видим, образностью не уступала Юрьевой. — А. К.)

Новгородцы же поставили по дорогам сторожи, и

укрепление устроили — готовы умереть за Святую Софию, за посадника за Иванка Дмитровича. Князь же Юрий с нашими мужами^[99] своего мужа прислал, тысяцкого Романа Михайлова:

— Возьмите у меня шурина моего Михаила!

Новгородцы же послали мужей своих за Михаилом, а Юрий с князьями пошёл из Торжка, много пакостив им, взял у них 7000 новую.

(22. С. 63–64)

Итак, компромисс всё же был найден. Юрий воевать не стал. Он удовлетворился огромным выкупом (в 7 тысяч гривен «новой» дани), а новгородским князем, устроившим и его, и жителей города, стал его шурин Михаил Всеволодович. Правда, отказываться от княжения в Чернигове Михаил, как вскоре выяснилось, не собирался. Военного предводителя, готового на поле брани отстаивать интересы Новгорода, из него не получилось. Но для города его недолгое княжение стало временем умиротворения и облегчения тягот. Под следующим, 1225 годом летописец сообщает о поездке Михаила во Владимир, к Юрию:

...и бысть легко по волости Новгороду. И в то лето пошёл князь Михаил к Юрию, взяв с собой мужей новгородских, — возвращать добро, что забрал [Юрий] в Торжке и по своей волости.

В том же году пришёл Михаил, вернув добро у Юрия, и встал на Ярославле дворище, и обратился к новгородцам:

— Не хочу у вас княжить! Иду в Чернигов. Гостей ко мне пускайте, и как ваша земля — так же и моя земля!

Новгородцы же много останавливали его с мольбою, но не смогли его умолить и так проводили его с честью.

И вновь, как увидим, им пришлось обращаться к Ярославу Всеволодовичу — но об этом уже под соответствующим годом.

*

...В тот же год освящена была церковь Святого Спаса в Ярославле в монастыре, которую заложил благоверный князь

Константин. А свершил её сын его Всеволод, и освящена была епископом Кириллом 6 августа.

(27. Стб. 447)

Год 1225. Нижний Новгород. — Суздаль

Из Лаврентьевской летописи

Заложил великий князь Юрий каменную церковь Святого Спаса на устье Оки в Новгороде.

В то же лето построена была церковь Святой Богородицы в Суздале и освящена была епископом Симоном в 8-й день сентября...

(27. Стб. 447–448)

Год 1226. Великий Новгород. — Владимир. — Черниговская земля

Начало года ознаменовалось жестоким разорением Новгородской земли язычниками литовцами.

Зимой, пользуясь отсутствием в городе князя (Михаил ушёл в Чернигов, а Ярослав пребывал у себя в Переяславле), семитысячное литовское войско вторглось в новгородские пределы, подступило к Торжку, полностью опустошило Торопецкую волость и воевало во владениях Смоленского и Полоцкого княжеств. Было захвачено множество пленников, ибо, объясняет летописец (очевидно, всё же преувеличивая), «была рать велика зело, какой не было от начала мира» (27. Стб. 447–448).

В это самое время новгородское посольство как раз явилось в Переяславль-Залесский — звать Ярослава Всеволодовича на княжение. В военном отношении этот выбор всегда себя оправдывал. Ярослав со своей дружиной поспешил к Новгороду. По дороге он соединился с псковским князем Владимиром и его сыном Ярославом, с братом Владимира торопецким князем Давыдом и с новоторжцами («княж двор, новгородцев мало»). Объединённая рать устремилась вслед за врагом. Новгородцы тоже двинулись было им на подмогу, но, дойдя до Русы (или Старой Руссы, как теперь называется этот город), повернули обратно.

1 марта, в Неделю сыропустную (Прощёное воскресенье), Ярослав с войсками нагнал литовцев у Усвята.

...Увидав же, литва исполчилась против них на озере^[100]. Ярослав же, помолившись Богу, поехал на них. Когда же полки сошлись, побежали поганые. Князь же Ярослав силою честного креста и молитвою Святой Богородицы и архангела Михаила и Гавриила гнался за ними: одних убил, а иных схватил, и князей их схватил, а полон весь отбил, и была радость великая по всем тем землям, освобождённым им от поганых. Был мир потом на многие годы, а сам князь Ярослав, поехав, сел в Новгороде на столе...

(27. Стб. 448)

Так рассказывает Лаврентьевская летопись. Согласно же

Новгородской, в этой жестокой битве было перебито две тысячи литовцев, остальные сумели уйти, а из русских, не считая простых воинов, погибли торопецкий князь Давыд и Василь, меченоша самого Ярослава.

...Пришёл князь Ярослав в Новгород и не положил того во гнев [новгородцам], что не пошли за ним.

(22. С. 64–65)

*

Великому же князю Юрию Всеволодовичу пришлось в тот год озаботиться совсем другими делами — как у себя дома, так и за пределами своей земли.

Из Лаврентьевской летописи

Месяца мая в 22-й день преставился блаженный и милостивый учительный епископ Симон Суздальский и Владимирский, постригшись в схиму. И положено было честное тело его в церкви Святой Богородицы во Владимире.

В то же лето князь Георгий Всеволодович с племянниками своими Васильком и Всеволодом Константиновичами ходил на помощь Михаилу Всеволодовичу на Олега Курского. И заключил мир между ними, потому что, по смотрению Божию, случилось тут быть митрополиту Кириллу^[101], присланному Владимиром Рюриковичем (Киевским. — А. К.). И возвратился великий князь Юрий, заключив мир, взяв с собой блаженного митрополита Кирилла в град Владимир, а племянников распустив каждого в свою волость...

(27. Стб. 448)

Олег Курский, как и Михаил Черниговский, участвовал в битве на Калке в 1223 году. Летописцы неоднократно упоминают его имя, однако отчество его не называют ни разу, так что происхождение князя остаётся неясным. Большинство историков считают его сыном новгород-северского князя Игоря Святославича (тем самым, о рождении которого под 1174/75 годом сообщает Ипатьевская летопись (28. Стб. 600))^[102]. Если так, то, по

княжескому счёту, он был старше Михаила Всеволодовича. Однако после смерти в той же битве на Калке черниговского князя Мстислава Святославича именно Михаил занял стол в Чернигове, что, вероятно, и стало причиной междоусобной брани. Юрий в этой войне поддержал своего шурина. И вновь ему удалось добиться желаемого, не применяя оружия, но лишь опираясь на мощь приведённого им войска, а ещё на авторитет Церкви в лице митрополита Кирилла. Последний задержался во Владимире — как минимум до весны следующего, 1227 года.

Из Тверской летописи

...В том же году великий князь Юрий Всеволодович отдал дочь свою замуж за Василька Романовича Галицкого^[103].

(36. Стб. 346)

Родство с представителем Галицкого княжеского дома, братом галицкого князя Даниила Романовича, было на руку Юрию. Теперь союзнические отношения связывали его со всеми тремя сильнейшими князьями Южной Руси — Владимиром Рюриковичем Киевским (с которым они оказались заодно при пресечении Черниговской войны и с которым вскоре тоже породнятся), шурином Михаилом Черниговским и ставшим зятем Даниилом Галицким.

Ещё одним событием этого года стал организованный Юрием Всеволодовичем поход на мордву — первый в череде русско-мордовских войн в годы его княжения. Правда, успех похода оказался весьма относительным.

Из Лаврентьевской летописи

...В том же году послал великий князь Юрий Святослава [и] Ивана, братьев своих, на мордву. И победили мордву, и взяли несколько сёл, и возвратились с победой.

(27. Стб. 448–449)

Год 1227. Владимир. — Новгород Великий. — Нижний Новгород

Из Лаврентьевской летописи

Месяца марта в 4-й день, на память святого преподобного отца Венедикта, в день воскресенья Господня, в преполовение святого поста, когда творят поклонение честному кресту^[104], поставлен был епископом Суздалю, и Владимиру, [и] Переяславлю Митрофан, игумен Святой Богородицы; поставлен был митрополитом Кириллом и четырьмя епископами в богохранимом граде Владимире в чудной [церкви] Святой Богородице. Были тут благородный князь Георгий с детьми своими, и братья его Святослав и Иоанн, и все бояре, и множество народа. Случилось и мне, грешному, тут быть и видеть дивное и преславное^[105]. И прославили всемилостивого Бога и великого князя Юрия...

В то же лето 11 мая горел город Владимир, и церковей сгорело 27, и двор блаженного князя Константина, и церковь сгорела Святого Михаила, которую украсил христоробивый князь Константин. То всё наводит на нас Бог, веля нам иметь покаяние и избавиться от греха...

В том же году послал великий князь Юрий племянника своего Всеволода Константиновича в Русский Переяславль на стол. И вошёл Всеволод на свой стол 15 сентября, на память святого мученика Никиты...

(27. Стб. 449–450)

Год спустя Всеволод Константинович отпразднует в том же Южном Переяславле свадьбу. Его избранницей — надо полагать, не без содействия дяди — станет черниговская княжна, дочь князя Олега Святославича (40. С. 122). Примечательно, что оба племянника Юрия — и Всеволод, и Василько — женятся в один год — и оба на княжнах из Черниговского дома. А это ещё одно свидетельство продуманной династической политики великого князя и его тогдашней опоры на союз с черниговскими князьями.

Впрочем, княжение Всеволода Константиновича на юге окажется недолгим. Полтора года спустя мы увидим его в родном Ярославле.

И вновь о новгородских делах и о княжении в этом городе Ярослава Всеволодовича. Так уж получается, что о брате Юрия мы говорим едва ли не больше, чем о самом Юрии. Во многом это объясняется состоянием источников — ведь о княжении Ярослава в Новгороде рассказывают как новгородский, так и ростовский летописцы. Ярослав вообще вёл себя куда активнее брата, и его кипучая деятельность не могла остаться незамеченной современниками, как русскими, так и немцами. Юрий же редко покидал стольный Владимир. Но он поддерживал брата и оказывал ему при необходимости всемерную помощь. Более того, только опираясь на эту помощь, а иногда и действуя от имени старшего брата (как это было, например, во время похода на Юрьев в 1223 году), Ярослав смог добиться внушительных успехов на «своём», то есть новгородском, направлении, которое Юрий, по всей вероятности, сознательно уступал ему.

Из Лаврентьевской летописи

...Той же зимой Ярослав, сын Всеволож, ходил из Новгорода за море, на емь ^[106], где ни один из князей русских не бывал. И всю землю их пленил, и возвратился в Новгород, славя и хваля Бога, ведя такое множество полона, что бывшие с ним не могли всего полона довести, но одних перебили, а других многих отпустили восвояси...

...В том же году князь Ярослав Всеволодович, послав, крестил множество карел, едва ли не всех людей...

(27. Стб. 449)

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...В том же году сожгли четырёх волхвов, говоря, что чародейство творят, а Бог весть. И сожгли их на Ярославле двореце.

(22. С. 65)

Поход на еми был связан с давним противостоянием Новгорода и Швеции, закрепившейся в западной Финляндии, в землях суми (суоми), и всё активнее проникавшей в её внутренние области. Между тем жившие здесь племена еми (тавастов) считались данниками Новгорода, и уступать эти земли шведам новгородцы не собирались. Ярослав Всеволодович был как раз тем князем, который с готовностью отстаивал интересы Новгорода, не забывая, естественно, и о собственной выгоде.

Избиение оказавшихся «лишними» пленников — жестокость, кажущаяся чрезмерной и бессмысленной. Но такое, увы, случалось в практике войн того времени и до Ярослава (*напр.: 28. Стб. 557, 563*). А вот другой эксцесс — случившееся в Новгороде сожжение языческих волхвов, «кудесников», — это, пожалуй, исключение в истории средневековой Руси.

Эпизод этот свидетельствует об очевидной религиозной экзальтации в Новгороде того времени. Сожжение волхвов — вряд ли случайно — совпало по времени с миссионерскими успехами новгородского князя — массовым крещением карел. Это также едва ли не единственный масштабный эпизод такого рода в истории домонгольской Руси, ибо целенаправленного массового обращения в христианство соседних народов Русская церковь ранее не предпринимала. В отличие от современной ей Западной, католической. И можно думать, что именно активность Западной церкви в лице рыцарских орденов и шведского епископата в Прибалтике и других близких к Руси областях, их неукротимое стремление насадить там католическую веру заставили князя Ярослава Всеволодовича действовать более решительно, в том числе и в духовной сфере. И в этом Юрий опять же всецело поддерживал брата.

*

Ещё об одном событии года сообщают лишь поздние нижегородские источники:

Лета 6735-го^[107]. Великий князь Юрий Всеволодович заложил церковь каменную Архангела Михаила в Новеграде Нижнем.

(63. С. 127)

Историки архитектуры подтверждают, что каменный Михайловский

собор заменил собой прежний деревянный при князе Юрии Всеволодовиче — и именно в промежутке между возведением в том же Нижнем Новгороде храма Святого Спаса (заложен в 1225-м) и началом строительства Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1230 году (74. С. 46–54).

Нижний Новгород — опорный пункт Владимирского княжества на востоке. Юрий всемерно заботился о нём, превращая город не только в мощную, неприступную крепость, но и в центр православного влияния в регионе. Строительство сразу двух каменных храмов в городе и монастыря вне града ярко свидетельствует об этом. Пожалуй, можно сказать, что на «своём», восточном, направлении Юрий действовал не менее наступательно, чем его брат на своём, западном, в том числе и в религиозной сфере. И мы ещё будем говорить о предпринимавшихся в его княжение усилиях по распространению православия на земли мордвы и язычников-венгров (угров).

Год 1228. Владимир. — Новгород

Из Лаврентьевской летописи

Той же зимой, 6 января, в праздник честного Богоявления Господа нашего Иисуса Христа, в четверг, преставился князь Владимир, нареченный в святом крещении Дмитрий, сын великого князя Всеволода, постригшись в схиму. И положен был в церкви Святой Богородицы.

Той же зимой великий князь Юрий, сын Всеволож, женил племянника своего Василька Константиновича и взял за него Михайловну, [дочь] черниговского князя. И венчан был благородный князь Василько со своею княгинею в церкви Благовещения Святой Богородицы. И вошёл христоробивый князь Василько в свой Ростов со своею княгинею в первую субботу поста, 12 февраля, на память святого Мелетия епископа, и была радость великая в граде Ростове.

Ростовский книжник оставил нам яркий портрет князя Василька Константиновича. Он читается в Лаврентьевской летописи под 1238 годом — в некрологе князю, принявшему мученическую смерть от татар:

...Был же Василько лицом красив, очами светел и грозен, храбр паче меры на ловах (охотах. — А. К.), сердцем лёгок, к боярам ласков: ибо никто из бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашу пил и дары от него получал, не мог уже иному князю служить, за любовь его; особенно же слуг своих любил; мужество же и ум в нём жили, правда же и истина с ним ходили, во всём был искусен и всё гораздо умел; пребывал в доброденствии на столе отцовом и дедовом...

(27. Стб. 467)

Супруга князя, Мария Михайловна, оказалась под стать мужу. Она оставила заметный след в русской истории. После смерти мужа, убитого татарами в марте 1238 года где-то в Шеренском лесу, княгиня перенесла его тело в Ростов и фактически правила городом в малолетство своих сыновей

Бориса и Глеба. От рук татар примет мученическую смерть и отец Марии, князь Михаил Черниговский (это случится 20 сентября 1246 года в ставке Батыея). И именно княгиня Мария будет стоять у истоков церковного прославления князя-мученика. По её инициативе в Ростове будет возведён первый храм во имя святого Михаила Черниговского и составлены первые редакции его Жития.

Но продолжим цитирование Лаврентьевской летописи.

...Умер сын Давыда Муромского в апреле на Святой неделе^[108]. На той же неделе преставился и сам Давыд Муромский в чернецах и в схиме^[109].

В том же году преставился Мстислав Мстиславич в чернецах и в схиме^[110].

В том же году Святослав (Всеволодович. — А. К.) отпустил княгиню свою, по согласию с ней и по её желанию, в монастырь и выделил ей наделок большой. Ушла от него до Борисова дня^[111], ушла в Муром к братьям и приняла там постриг.

В том же году в сентябре великий князь Юрий послал на мордву Василька Константиновича и своего мужа Еремея воеводой с полком; и когда были за Новгородом (Нижним. — А. К.) в пределах мордовских, послал Юрий возвратить их: не дал им воевать, потому что погоды для них не было — дожди были сильные в течение многих дней и ночей.

В том же месяце сентябре 21-го числа, на память святого мученика Кондрата, родилась у князя Юрия дочь, и наречена была в святом крещении Феодора, память которой (святой Феодоры. — А. К.) 11-го числа того же месяца...

(27. Стб. 450–451)

*

В 1228/29 году брат Юрия Ярослав в очередной раз рассорился с новгородцами.

В начале августа, незадолго до Спасова дня (6 августа) воины еми (финнов) атаковали новгородские владения в лодках по Ладожскому озеру — очевидно, в отместку за прошлогоднее нападение Ярослава. Новгородцы

с князем двинулись в насадах (ладьях) им навстречу. Однако ладожский посадник Володислав вступил в сражение, не дожидаясь князя. Победа была одержана, но нападавшие перебили захваченный ими полон и разбежались лесами (большая их часть была потом перебита). Новгородцы простояли несколько дней на Неве и повернули обратно. Но во время этой недолгой стоянки едва не вспыхнул мятеж: новгородцы собрали вече и хотели убить одного из бояр, некоего Судимира; «и укрыл его князь в насаде у себя».

Подспудная неприязнь между князем и новгородцами, давшая о себе знать во время «стояния на Неве», выплеснулась наружу чуть позже, в связи с событиями вокруг Пскова, «младшего брата» и исторического соперника Новгорода. Союз с Псковом был необходим князю Ярославу в условиях надвигавшейся очередной войны с Орденом. Однако псковичи были заинтересованы в сохранении мирных отношений со своим ближайшим западным соседом. И когда Ярослав с новгородским войском во главе с посадником Иванком Дмитриевичем и тысяцким Вячеславом двинулся к Пскову, псковичи отказались впустить его в город.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...И услышали псковичи, что идёт к ним князь, и затворились в городе, не пустили к себе; князь же, простояв на Дубровне, возвратился в Новгород; во Пскове же толковали, будто везёт к ним оковы, хочет заковать лучших мужей. И, придя [в Новгород, Ярослав] собрал вече на владычном дворе и так сказал: «Не замышлял ничего худого против псковичей, но вёз им в коробьях дары: паволоки и овощи, а они меня обесчестили», и возложил на них жалобу великую. Тогда же привёл полки из Переяславля, так сказав: «Хочу идти на Ригу»; и стали те около Городища в шатрах, а иные в Славне^[112] по дворам. И подорожало всё на торгу: и хлеб, и мясо, и рыба, и с того времени настала дороговизна: покупали хлеб по 2 куны, а кадь ржи по 3 гривны, а пшеницу по 5 гривен, а пшена по 7 гривен — и продолжалось так в течение трёх лет.

Услышав о том, что привёл Ярослав полки, и убоявшись того, псковичи заключили мир с рижанами, от Новгорода же отложившись, и так решили [с рижанами]: «То вы, а то

новгородцы, а нам дела нет^[113], но если пойдут на нас войной, то вы нам помогайте», и те согласились; и взяли у них [у псковичей] 40 человек в заложники. Новгородцы же, узнав об этом, сказали: «Князь нас зовёт на Ригу, а сам хочет идти на Псков».

Тогда же князь послал Мишу^[114] во Псков, сказав:

— Пойдите со мной в поход; а зла против вас никакого не замышлял; а тех, кто оболгал меня перед вами, мне выдайте.

Псковичи же прислали Гречина с ответом:

— Тебе, княже, кланяемся и братии новгородцам; в поход же не идём и братии своей не выдаём, а с рижанами у нас мир.

Новгородцы же так сказали князю:

— Мы без своей братии, без псковичей, на Ригу не пойдём, а тебе, княже, кланяемся.

Много князь уговаривал их, но не выступили в поход. Тогда князь Ярослав отослал полки свои домой...

Тогда же пошёл Ярослав с княгинею из Новгорода к Переяславлю, а в Новгороде оставил двух своих сыновей, Фёдора и Александра, с Фёдором Даниловичем [и] с тиуном Якимом.

Это первое упоминание будущего великого воителя Александра Невского в летописи. Княжить в Новгороде — конечно, лишь номинально — он должен был с братом Фёдором, также ещё ребёнком. Но удержаться в Новгороде юным Ярославичам было пока что не суждено.

Той же осенью начался дождь велик на Госпожин день — шёл и день, и ночь, так что и до Николина дня^[115] не видели светлого дня: ни сена людям нельзя было добыть, ни нивы возделывать.

Начавшийся голод вызвал в городе настоящий мятеж. Едва не был убит новгородский архиепископ Арсений: его, «аки злодея», выпихали вон с владычного двора; разграбили двор тысяцкого Вячеслава и его родичей, других видных новгородских бояр. Заведомо неприемлемые условия были выставлены и Ярославу Всеволодовичу, пребывавшему в Переяславле. Принять их князь не мог.

...Той же зимой, в сыропустную неделю, во вторник (20 февраля 1229 года. — А. К.), в ночь, побежал Фёдор Данилович с тиуном Якимом, взяв с собою двух княжичей, Фёдора и

Александра.

(22. С. 65–67)

Новгородским князем вновь стал Михаил Всеволодович Черниговский, вступивший в город 22 апреля 1229 года. Но пробудет он в мятежном городе не слишком долго и в том же году вернётся в свой Чернигов (как водится, забрав с собой заложников из числа новгородцев). В Новгороде же он оставит князем своего маленького сына Ростислава, только-только прошедшего обряд постригов.

Случившееся станет причиной вражды между Михаилом (напомню, шурином Юрия) и братом Юрия Ярославом. В противостоянии двух князей Юрию придётся играть очень нелёгкую роль арбитра и примирителя.

Год 1229. Мордовская земля. — Суздаль

Из Лаврентьевской летописи

...Той же зимой, 5 января, в канун Богоявления, сгорели хоромы княжие и две церкви...

Тогда же, в январе, началась большая война русских князей с мордвой. Если брат Юрия Ярослав хозяйничал на северо-западных границах Руси, то Юрию «досталось» восточное направление. И надо признать, что на этом направлении он действовал не менее наступательно, чем брат. После победы над Волжской Болгарией и заключения мира с болгарами пришла очередь мордвы. Войны с ними продолжались почти до самого монгольского нашествия на Русь. Однако покорить мордовские племена Юрию так и не удалось.

Прошлогодний поход воеводы Еремея и князя Василька Константиновича, прерванный в самом начале из-за проливных дождей, результатов, естественно, не дал. На этот раз Юрий привлёк гораздо большие силы (включая полки сильнейших князей Северо-Восточной Руси) и сам встал во главе собранной им рати. Мы уже говорили о том, что это не частый случай в его биографии.

Мордовские племена были в то время разобщены. Два князя, Пургас и Пуреш (соответственно, правители эрзян и мокшан — двух этнических групп мордвы), враждовали друг с другом, причём первый опирался на поддержку Болгарского царства, а второй — на русского князя. Этим и воспользовался Юрий Всеволодович. Удар союзной рати был нацелен на Пургасову волость. Как предполагают, она располагалась в районе Старого Кадома на реке Мокше (в нынешней Рязанской области), где и поныне существует село Пургасово, а ещё в XVII веке известно было некое Пургасово городище (122. С. 207). Любопытно, что там имелось и какое-то русское население: летопись упоминает некую «Пургасову Русь», очевидно, подчинявшуюся мордовскому князю (27. Стб. 451).

Войны с мордвой всегда были делом нелёгким. Мордовские племена отличались воинственностью и особой свирепостью. «Это — язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается»; и даже «тому, кто не убил человека, не

позволяют жениться» — такие слухи передавал проезжавший через их страну венгерский монах-миссионер Юлиан (2. С. 82). Полтора десятилетия спустя, когда отряды из мордвы (равно как и из половцев-кипчаков, ясов-алан и других покорённых народов) войдут в состав монгольских армий, именно их, «морданов», будут особенно страшиться европейцы (18. С. 154, 175). Ну а в своей-то лесной стране мордовские воины готовы были встретить врага во всеоружии. И если начало войны было за русскими, то продолжение её оказалось для Юрия крайне неудачным.

...Того же месяца [января] в 14-й день великий князь Юрий, и Ярослав, и Константиновичи Василько и Всеволод, и муромский князь Юрий Давыдович пошли на мордву; войдя в Мордовскую землю, в Пургасову волость, жито пожгли и потравили, и скот перебили, [и] полон отослали назад. А мордва убежала в свои леса, в крепостицы, а кто не убежал, тех перебили Юрьевы младшие [дружинники], напав в 4-й день января^[116]. На следующий день, увидев это, младшие Ярославовы, и Васильковы, и Всеволожи [дружинники], утаившись, заехали глубоко в лес, и мордва, дав им путь, сама обошла их лесом [и], окружив, перебила их, а иных схватив, бежала в крепостицы свои, и там их убила, и князьям нашим не с кем было воевать.

А болгарский князь пришёл было на Пуреша, ротника^[117] Юрьева, и услышав, что великий князь Юрий с братьями жжёт сёла мордовские, бежал ночью прочь. А Юрий с братией и со всеми полками возвратился восвояси в добром здравии.

Той же зимой князь Юрий послал брата своего Святослава в Переяславль Русский на стол^[118].

Весной война возобновилась. Теперь уже восточная окраина Владимирского княжества подверглась нападению мордвы. Но если в мордовских лесах Юрий чувствовал себя неудобно и по большому счёту успеха добиться не смог, то дома он повёл себя куда искуснее. У великого князя нашлось достаточно серебра, чтобы добыть победу, что называется, «чужими руками». Так и произошло — хотя и не сразу. Юрий сделал ставку на противника Пургаса, мокшанского князя Пуреша:

...В апреле пришла мордва с Пургасом к Новгороду (Нижнему. — А. К.). И отбились от них новгородцы; [они же]

подожгли монастырь Святой Богородицы и церковь, которые были вне града. В тот же день и отошли прочь, забрав многих своих убитыми.

В то же лето победил Пургаса Пурешев сын с половцами и перебил мордву всю и Русь Пургасову, а Пургас едва бежал с немногими.

В тот год рожь не уродилась по всей земле нашей, и был хлеб дорог.

(27. Стб. 451)

Как видим, «мордовская» политика Юрия отличалась избирательностью и отнюдь не сводилась к войне. Более того, можно говорить и о предпринимаемых им миссионерских усилиях в отношении этих «закоренелых язычников», как характеризует мордовские племена венгерский монах-доминиканец Юлиан. В русских летописях об этом ничего нет — может быть, потому, что усилия эти ни к чему не привели (или, вернее, не успели ни к чему привести). Но вот Юлиан, проезжавший через мордовские земли в 1236 году, определённо писал о переговорах владимирского князя с какими-то мордовскими племенами относительно их возможного крещения:

...Узнав от своих пророков, что им предстоит стать христианами, они послали к князю великой Ландемерии (это соседняя с ними русская страна), чтобы он послал к ним священников окрестить их.

Правда, сам Юлиан (или, скорее, записавший с его слов рассказ о его первом путешествии на восток некий брат Рихард) непременно стремился подчеркнуть торжество католичества над православием, а потому и «князь великой Ландемерии», то есть Владимира, выглядит у него жалким апологетом Римской церкви, отказывающимся выполнить просьбу язычников и переадресующим её Риму:

«Не мне надлежит это делать, а папе римскому, — отвечал он будто бы мордовским послам. — Ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться её власти».

(2. С. 82)

Таким хотелось бы видеть владимирского князя латинянам. Но в действительности Юрий Всеволодович, напротив, показал себя ярким противником Римской церкви. Оказывается, противостояние с ней давало о себе знать в то время не только в Прибалтике или Карелии, но и к востоку от Владимиро-Суздальской Руси. И тот же Юлиан прямо писал об этом, рассказывая о втором своём путешествии на восток как раз накануне монгольского нашествия на Русь. Попытки миссионеров-доминиканцев проповедовать свою веру язычникам-венграм (уральским уграм) вызвали гнев великого князя:

...Не умолчу и о следующем. Пока я вновь находился при римском дворе, [на пути] в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю Суздальскую, им на границе этого царства встретились некие бежавшие перед лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышесказанный король суздальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедовать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышесказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей.

(2. С. 89)

Увы, но страшное нашествие Батыя 1237/38 года заставило отложить все планы относительно возможной христианизации соседних с Русью племён, сделав споры православных и латинян на время неактуальными. Но то, что такие планы имелись и разговоры о возможном распространении православной веры к востоку от русских границ велись, заставляет нас взглянуть на князя Юрия Всеволодовича с новой, неожиданной стороны.

*

Но мы забежали вперёд. А между тем осенью того же 1229 года, уже после завершения Мордовской войны, произошло весьма неприятное для Юрия Всеволодовича событие — он рассорился со своими ближайшими

родственниками, участниками недавнего похода на Пургаса, — братом Ярославом и племянниками Константиновичами.

Летопись рассказывает об этом так:

В том же году Ярослав, слушая неких обманщиков, усомнился в брате своём Юрии и отлучил от Юрия трёх [братьев] Константиновичей: Василька, Всеволода, Владимира — и надумал стать против Юрия, брата своего. Но Бог не допустил злу свершиться: благоразумный князь Юрий созвал их на съезд в Суздаль, и, примирившись между собою, поклонились все Юрию, признавая его отцом и господином себе; и целовали крест 7 сентября, в канун Рождества Святой Богородицы. И праздновали Рождество Святой Богородицы у священного епископа Митрофана, [и] были веселы, и разъехались, одарены, с мужами своими.

Итак, дело едва не дошло до войны.

Что стало причиной ссоры, остаётся только гадать. В. Н. Татищев, например, полагал, что Ярослав Всеволодович, «по смущению клеветников, злобствовал тайно на брата Юрия» за то, что тот способствовал вокняжению в Новгороде своего шурина Михаила Всеволодовича, а его, Ярослава, изгнанию (141. С. 224).

Вражда между Ярославом и Михаилом Черниговским в тот год действительно обострилась. В Новгороде пострадали сторонники Ярослава, кому-то пришлось бежать из города. Ещё из Новгорода Михаил послал к Ярославу, требуя от того отступить от Волока, прежнего новгородского владения, и от всего, что Ярослав занял силой.

Ярослав ответил отказом:

— Того не отступаю, а крест не целую. Вы — по себе, а я — по себе!

(22. С. 68)

Принимал ли какое-то участие в этом конфликте Юрий Всеволодович? Неизвестно. Но то, что он пытался примирить Михаила и Юрия, весьма вероятно. И именно это мог поставить ему в вину Ярослав, ждавший от брата безусловной поддержки.

Возможно, впрочем, что непонимание и вражда между братьями,

раньше всегда державшимися друг друга, возникли ещё во время Мордовского похода: ведь люди Ярослава и князей Константиновичей приняли тогда смерть — в отличие от людей Юрия. Это надлежало принять во внимание при разделе добычи; но было ли это принято во внимание? А ведь споры даже после успешных походов, и именно по случаю дележа «сайгатов» (трофеев), были нередки в истории домонгольской Руси. А возможно, причины ссоры коренились глубже и объяснялись чрезмерными амбициями Ярослава, потерявшего новгородский стол. Кто знает, может быть, он втайне мечтал о великом княжении и для этого пытался заручиться поддержкой племянников?

Юрий же в очередной раз сумел проявить и свои дипломатические способности, и своё миролюбие. И, как всегда, сумел опереться на авторитет Церкви в лице епископа Митрофана, который оказался на его стороне. Так или иначе, но конфликт был улажен. Правда, для этого потребовалось новое, особое целование креста — событие, в общем-то, экстраординарное. Наверное, Константиновичи целовали крест великому князю искренне, с чистым сердцем. А вот насчёт Ярослава сказать что-либо определённое труднее.

Но продолжим рассказ Лаврентьевской летописи. Оказывается, в это время Ярослав вступил в конфликт не только с братом Юрием, но и с ростовским епископом Кириллом. В тот же день 7 сентября, в который проходил княжеский съезд, в том же Суздале состоялось судебное разбирательство («некая тяжа»), которое судил Ярослав, и в результате этого разбирательства все богатства, которыми обладал владыка, были у него отняты. Богатства же эти были огромны, ибо, по словам летописца, епископ Кирилл «богат был зело кунами (деньгами. — А. К.), и сёлами, и всем товаром, и книгами, и, попросту сказать, так был богат всем, как ни один епископ в Суздальской области».

Потеря имущества совпала для Кирилла с тяжёлой болезнью. Судя по симптомам, описанным ростовским книжником, владыка заболел проказой — этим страшным бичом Средневековья. Случившееся заставило Кирилла покинуть кафедру и удалиться на покой. Летопись рассказывает об этом так:

В том же году Кирилл, епископ Ростовский... оставив епископию, пришёл в Суздаль, к Святому Дмитрию^[119], в свою келью, хотя лечить свою немощь, которая была у него внутри: так что лицо у него изменилось, словно почернело от болезни, губы утолстились и нос. К тому же ещё пришло на него искушение,

словно на Иова: в единый день, 7 сентября, всё богатство было отнято у него некою тяжбою...

Он же за всё то воздал Богу хвалу, постригся в схиму в 16-й день того же месяца, и наречено было имя ему Кириаки. А что осталось у него, то раздал любимцам и нищим.

(27. Стб. 451–452)

Только ли болезнь стала причиной «тяжи» и извержения епископа из сана? Или же Кирилл — в отличие от владимирского епископа Митрофана — занял не ту позицию в конфликте между Юрием и его братом и племянниками? И не на него ли была возложена вина за этот конфликт, не он ли — может быть, как раз из-за своей болезни — был выбран, так сказать, «крайним»?

И ещё о двух событиях этого года сообщает летописец. Об одном — мученической гибели в столице мусульманской Волжской Болгарии некоего христианина Авраамия, «нового мученика Христова», — речь пойдёт ниже, ибо перенесение его останков во Владимир в следующем, 1230 году станет важным событием владимирской истории. Пожар же Великого города болгар (столицы царства), случившийся вскоре после его смерти, был расценен на Руси как Божие возмездие за совершённое убийство.

О втором событии, хотя оно напрямую опять-таки было связано с Болгарией, а не с Русью, надо сказать особо.

Прошло всего шесть лет с первого появления татар у русских границ. Кому-то могло показаться тогда, что ужас, пережитый после Калкского побоища, никогда не повторится, что татары ушли навсегда. И вот этот страшный враг вновь дал о себе знать — пока что далеко от Руси. Но летописец, теперь уже хорошо понимавший, какую угрозу таят в себе «незнаемые языки», воспроизводил любое известие о них с особой тщательностью:

...В том же году саксыны^[120] и половцы прибежали с Низа к болгарам от татар. И сторожи болгарские, перебитые татарами, прибежали от реки, называемой Яик^[121].

(27. Стб. 453)

Очевидно, это был тот самый поход «в сторону Кипчака, Саксина и

Булгара» 30-тысячного войска монгольских полководцев Субедея и Кугедея, о котором сообщал в своём фундаментальном «Сборнике летописей» персидский учёный и государственный деятель конца XIII — первых двух десятилетий XIV века Фазлаллах Ибн Абу-л-Хейра Рашид ад-Дин (51. С. 21). И о нём же под 627 годом хиджры (1229/30 годом нашей эры) поведал арабский историк XIII века Ибн Васил:

В 627 году вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками.

(52. С. 73).

Война постепенно приближалась к русским границам, хотя Западный поход монгольских армий ещё не был объявлен.

А что же великий князь Юрий Всеволодович? Он, несомненно, понимал опасность, исходящую от «неведомых языков», приближающихся с востока. Как понимали её и правящие круги Болгарского царства. Именно 1229 годом летописи XV–XVI веков датируют заключение мира между двумя государствами:

...В том же году болгары поклонились великому князю Юрию и запросили мира, [ибо] за шесть лет розни было [между ними]; и заключили мир с ними, и заложниками обменялись; и людей их отпустили, а своих людей у них забрали. И крест к ним целовали, а болгары по своей клятве — знать ^[122] и вся чернь.

(47. С. 311; 38. С. 54)

Военных столкновений с Болгарским царством после 1229 года у великого князя Юрия Всеволодовича действительно не будет. Да и передачу во Владимир останков мученика Авраамия в следующем, 1230 году можно рассматривать как акт доброй воли со стороны болгарских властей. Но до полноценного союза и совместных действий против общего врага в решительную минуту дело так и не дойдёт.

Год 1230. Владимир. — Юрьев-Польский. — Новгород

Событие, произошедшее в этом году, должно было стать очень значимым в истории города Владимира, а сам город должен был обрести ещё одного своего покровителя и небесного заступника. Однако культ нового святого во Владимире сложиться не успел — этому помешало монгольское нашествие, обрушившееся на Русь всего через семь лет.

Годом ранее, 1 апреля 1229 года, в Великом городе Болгарском был убит «новый мученик Христов», купец Авраамий. Был он «инога языка, не русского», сообщает летописец, был богат и занимался торговлей, перемещаясь по разным городам Болгарского царства. Его же болгары много принуждали оставить христианскую веру и принять магометанский закон — то «ласканием», то угрозами; он же не покорился им, но предпочёл принять смерть за Христа и был «усечён», то есть обезглавлен. Можно думать, что убийцы прежде всего зарились на его богатства, ибо христиане в Болгарии имелись и, как и в большинстве мусульманских стран, не подвергались насильственной исламизации, но лишь платили особую подать, джизию, за право исповедовать свою религию. Русские христиане, жившие в Болгарии, похоронили Авраамия на своём кладбище. Вскоре в Болгарском граде случился пожар, уничтоживший большую часть города. Это было воспринято как Божие возмездие «за кровь мученика Христова» и вместе с тем как свидетельство его святости (27. Стб. 452–453). Такой рассказ читается в летописи под 1229 годом. А под следующим, 1230-м рассказывается о торжественном перенесении останков «нового мученика Христова» из Болгарской земли во Владимир.

Из Лаврентьевской летописи

В лето 6738 (1230), месяца марта в 9-й день, на память 40 святых мучеников, принесён был новый Христов мученик Авраамий из Болгарской земли в славный град Владимир... И взяты были мощи святого страстотерпца Авраамия, и принесён был [святой] во Владимир, и великий князь благочестивый Георгий встретил его перед городом за версту с великой честью и со свечами, и епископ Митрофан со всем клиросом и с

игуменами, и княгини с детьми, и все люди. И положен был в церкви Святой Богородицы в монастыре великой княгини Всеволожей (Княгинине монастыре. — А. К.).

(27. Стб. 453)

Скорое разорение Княгинина монастыря привело к угасанию культа святого Авраамия. Какие-либо сведения о нём восходят лишь к XVII веку, когда мученик почитался во Владимире как чудотворец (его вериги возлагались на душевнобольных; считался он и покровителем немощных младенцев). В XX веке, после разорения обители и варварского осквернения святыни, мощи мученика были утрачены; сохранилась лишь их частица, которая и была возвращена в монастырь после его возобновления в 1993 году (81. С. 172–173).

Перенесённая святыня должна была ещё больше возвысить стольный Владимир. Как все без исключения князья древней Руси, Юрий ощущал личную ответственность за судьбы православия в порученной ему области. Владимир, в котором он правил, был «новым» городом по сравнению со «старыми» городами Руси — Киевом, Черниговом, Новгородом на Волхове и даже Суздалем и Ростовом. Но ведь по словам киевского митрополита Илариона, произнесённым ещё в середине XI столетия, «новое учение — ...новые народы» (4. С. 39); стало быть, и «новые грады»! И «новый град» Владимир спешил обзавестись святынями, привозимыми из таких великих центров христианства, как Константинополь (Царьград) или Солунь. По представлениям людей того времени, это ставило его в один ряд с ними. И наравне с реликвиями святого Димитрия Солунского (перенесёнными во Владимир при отце Юрия князе Всеволоде Большое Гнездо), частицей Страстей Господних и мощами святого Лонгина и святой Марии Магдалины (появившимися здесь при брате Юрия Константине), Владимирской иконой Божией Матери, написанной, по преданию, самим апостолом Лукой (её перенёс во Владимир Андрей Боголюбский), оказывались мощи «нового мученика Христова» Авраамия Болгарского. А их обретение становилось уже личной заслугой его, Юрия!

Летописец особо отмечает почтительное отношение князя Юрия Всеволодовича к «иноческому и священническому чину» и вообще к людям Церкви (27. Стб. 117) — это обязательное качество правителя того времени. В круг общения Юрия входили отнюдь не только церковные иерархии «свои», близкие к нему священнослужители, но и люди из других русских земель. Князь явно благоволил и «княжным», образованным

людям. Мы уже говорили о его общении и, вероятно, переписке с выдающимся писателем того времени печерским иноком Поликарпом, одним из авторов Киево-Печерского патерика. Привечал князь, опять-таки как любой правитель Средневековья, странников и паломников, побывавших в святых местах, в том числе и на Святой земле. Имя «князя Георгия» — и, по всей вероятности, именно героя нашей книги — упомянуто в автобиографической приписке к статье «О ливане», сохранившейся в двух рукописях XIII и XVI веков. Текст этот предположительно датируют 1229–1238 годами, или даже точнее, 1229/30 годом (93. С. 105–106). Его автор, некий русский паломник, побывавший в Иерусалиме и купивший там «много ливана» (драгоценного ладана), посетил на обратном пути греческую Солунь (Фессалоники), где вёл беседы с неким «попином греческим». От него он и узнал о толкованиях одного из Отцов Церкви Афанасия Александрийского (IV век) на слова псалмопевца Давида, из которых следовало, что «ливан» — «жертва идольская» и «жилище бесовское».

...Яз же бе купил много ливана в Иерусалиме, — *продолжал безымянный автор.* — И то слышав, разсыпах (в другом списке: роздаях, то есть раздал. — А. К.), и зде пришед, сказах Георгию князю.

(93. С. 94–106)

Как видим, князя Юрия Всеволодовича (если, конечно, именно он упоминается в этой приписке) интересовали и такие, довольно отвлечённые темы. Одобрил ли он безымянного паломника или нет, пожалел ли о брошенной драгоценности или только подивился его глубоким познаниям в предмете, — неизвестно. Впрочем, настоящий ладан («темьян белый») был исключительной редкостью, и на Руси его не использовали и почти не знали.

*

Из Лаврентьевской летописи

В том же году благоверные князя Василько, и Всеволод, и

Владимир (Константиновичи. — А. К.) послали к отцу своему Георгию и к епископу Митрофану за Кириллом, игуменом и архимандритом монастыря Рождества Святой Богородицы, дабы отпустил того на епископство в Ростов. И отпустил великий князь Юрий Кирилла на епископство в Ростов...

(27. Стб. 453)

Ростовский епископ Кирилл II сменил на кафедре своего тёзку Кирилла I. Он будет рукоположен в сан 6 апреля следующего, 1231 года в Киеве митрополитом Кириллом на церковном соборе в присутствии южнорусских иерархов и вернётся в Ростов в мае, торжественно встреченный всем городом. Епископ переживёт монгольское нашествие и оставит кафедру по своей воле в маститой старости в 1261 году (ум. 21 мая 1262). В страшном в истории России 1238 году именно ему суждено будет отыскать на реке Сити тело великого князя Юрия Всеволодовича, перенести его в Ростов и положить в ростовском Успенском соборе...

...В том же году великий князь Юрий женил своего старшего сына Всеволода на дочери Владимира Рюриковича, и венчан был в великой соборной церкви Святой Богородицы священным епископом Митрофаном 14 апреля, в воскресенье, на антипасху^[123].

На свадьбу эту званы были родичи Юрия Всеволодовича из Южной Руси и в их числе зять Юрия, галицкий князь Василько Романович, прибывший вместе с влиятельным галицким боярином Мирославом «и иными» (28. Стб. 758). Так обозначилась сильная коалиция южнорусских и северорусских князей, в центре которой был великий князь Юрий Всеволодович. Его союзниками — через ряд продуманных династических браков — стали великий князь Киевский Владимир Рюрикович и галицкие князья Даниил и Василий (Василько) Романовичи. А вот отношения с черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, напротив, оказались под угрозой — из-за всё больше обострявшейся его вражды с братом Юрия Ярославом.

Вернёмся, однако, к тексту Лаврентьевской летописи:

На той же Фоминой неделе в среду преставился Кирилл, епископ Ростовский^[124], в монастыре Святого Дмитрия; тут и

положен был 17 апреля.

В том же году 3 мая, на память святого Феодосия, игумена Печерского, в пятницу, во время святой литургии, когда святое Евангелие читают, в соборной церкви Святой Богородицы во Владимире затряслась земля, и церковь, и трапеза^[125], и иконы задвигались по стенам, и паникадила со свечами, и светильники заколебались, и люди многие пришли в изумление... Было же так во многих церквях и домах Господних, было же так и в иных городах; и в Киеве-граде ещё больше того было трясение. А в монастыре Печерском церковь Святой Богородицы каменная на четыре части разошлась; были тут митрополит Кирилл, и князь Владимир (Рюрикович. — А. К.), и бояре, и киевлян множество, и люди сошлись, ибо праздник был, день святого отца Феодосия... Также и в Переяславле Русском каменная церковь Святого Михаила разошлась надвое, и свод трёх комар с кровлею упал, и иконы, и паникадила, и светильники разбились. И было так по всей земле в один день и в один час, во время святой литургии, месяца мая в 3-й день, в пятницу, на 4-й неделе по Пасхе...

Май этого года вообще исполнен был грозными знаменами, пугавшими людей:

Того же месяца, в 10-й день, в пятницу 5-й недели по Пасхе, некоторые видели, что восходящее солнце имело три угла, словно коврига; потом ещё меньше — словно звезда, и так исчезло, потом через некоторое время вновь взошло своим чередом.

Того же месяца в 14-й день, во вторник 6-й недели по Пасхе, во второй раз солнце начало исчезать на глазах у всех людей, и осталось его мало, словно месяц трёхдневный, и начало снова наполняться. И многие думали, что по небу идёт месяц, потому что было тогда полнолуние; а другие думали, будто солнце вспять идёт, поскольку с севера на солнце набегали в южном направлении небольшие частые облака. В тот же день и час так же и ещё более грозно было в Киеве: все видели, что солнце стало месяцем, и появились столпы красные, зелёные, синие по обе стороны солнца; также с неба сошёл огонь, словно большое облако, над ручьём Лыбедью. Люди все уже отчаялись за свою жизнь, думая, что уже наступил конец, целуя друг друга и прося друг у друга прощение, и горько плакали, и возопили к Богу со

слезами; и Бог милостью Своею перевёл страшный тот огонь через весь город без вреда, и пал тот в реку Днепр, где и погиб; так сказал нам бывший там очевидец.

(27. Стб. 454–455)

Солнечное затмение наблюдалось 14 мая 1230 года и было описано не только русскими, но и западными хронистами (131. Кн. 1. С. 116–120). А вот явление разноцветного огненного облака в Киеве над Лыбедью объяснения не нашло. 10-го же мая 1230 года солнечного затмения не было, хотя то, что описывает ростовский летописец, очень на него похоже. По мнению астрономов, в летописи может иметься в виду какой-то иной метеорологический феномен — например, деформация солнечного диска при его восходе, «что в народе носит название „играния солнца“» (131. Кн. 1. С. 116, прим. 1).

В том же году, месяца...^[126] начали расписывать церковь Святой Богородицы в Суздале старанием священного епископа Митрофана — ту, что разрушил великий князь Юрий в епископство Симона, ибо обветшала сильно за много лет, и создал красивее прежней.

В том же году князь Святослав разрушил в Юрьеве церковь Святого Юрия каменную, которую построил дед его Юрий Владимирович и освятил великим священием — ибо также обветшала и развалилась.

(27. Стб. 455)

Юрьевский Георгиевский собор является одним из признанных шедевров древнерусского белокаменного зодчества. Он будет завершён строительством четыре года спустя, в 1234 году, и украшен изумительной каменной резьбой. («Благоверный князь Святослав Всеволодович свершил церковь в Юрьеве святого великомученика Георгия и украсил её паче иных церквей, ибо снаружи вокруг всей церкви по камню вырезаны святые весьма чудесно, кои сохранились и до сего дня» (40. С. 126) — это слова летописца конца XV века.)

Перестроенный в XV веке знаменитым русским мастером Василием Дмитриевичем Ермолиным собор этот и поныне украшает город Юрьев-Польский.

Удивительное дополнение в рассказ ростовского летописца внёс автор Тверской летописи XVI века. Он назвал имя мастера, возводившего храм (или руководившего возведением храма?) и украшавшего его каменной резьбой. И этим мастером оказывается... сам князь Святослав Всеволодович:

...а стояла та церковь 80 лет без лета^[127]. И создал её Святослав чудну, резаным камнем, а сам был мастер.

(36. Стб. 355)

Современные исследователи древнерусской архитектуры признают это свидетельство достоверным (82), считая брата Юрия Всеволодовича единственным известным нам по имени русским архитектором XIII века (83). Если согласиться с этим суждением, то мы должны признать князя Святослава Всеволодовича личностью не просто необыкновенно разносторонней, но уникальной во всех отношениях, без преувеличения титанической (применяя к нему тот термин, который мы обыкновенно относим к людям Возрождения): удачливый полководец сочетался в нём не просто с выдающимся, но с непревзойдённым для своего времени зодчим.

В Юрьевском соборе по настоящий день хранится резная композиция, состоящая из трёх камней и известная как «Святославов крест», или «Святославово распятие». Сохранившаяся резная надпись на одном из камней гласит, что поставлен крест был самим князем Святославом — но, как явствует из надписи, отнюдь не в связи с построением собора:

В лето 6732 (1224?) месяца июня в 30 день на память святого Ио[ана] Воиника поставлен крест сей Святославом Всеволодичем. Аминь.

(86)

В надписи ошибка: память святого Иоанна Воина празднуется 30 июля, а не 30 июня (113. С. 395). Неясно и происхождение даты 6732 год. Исследователи древнерусской архитектуры высказывают мнение, что надпись была сделана позднее возведения Георгиевского собора, возможно, даже после смерти Святослава (82). Согласно же местному преданию, князь сам высек её в память о своём чудесном спасении во время бури, которая, как мы помним, обрушилась на его ладьи при возвращении из Болгарского

похода в 1220 году.

*

Тем временем события в Новгороде приобретали всё более драматический оборот. Здесь начался голод, который усугублялся тем, что рассорившийся с новгородцами Ярослав Всеволодович занял Волок Ламский и вновь перерезал торговые пути, по которым в город поступали товары из «Низовских земель», в том числе хлеб.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Так воздал Господь Бог по делам нашим. На Воздвижение честного креста^[128] побил мороз урожай по волости нашей, и оттого пришло горе великое: начали покупать хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а во дворах по 25, а пшеницы по 40 гривен, а пшена по 50, а овса по 13 гривен. И разбрелись град наш и волость наша, и полны были чужие города и страны братьями нашими и сёстрами, а те, кто остались, начали помирать. И кто не прослезится о том, видя мертвецов, по улицам лежащих, и младенцев, псами поедаемых...

(22. С. 69)

Число умерших превысило три тысячи, и это только те, кого хоронили в общей «скудельнице» (братской могиле) на средства нового новгородского архиепископа Спиридона (он занял кафедру в прошедшем, 1229 году). К тому времени Ярослав Всеволодович вступил в открытый конфликт с Михаилом Черниговским. Дело едва не дошло до войны, предотвратить которую удалось только общими усилиями княжеского сообщества и Церкви. Неправым во Владимире считали именно Михаила, который будто бы нарушил условия своего соглашения с Ярославом, но в чём состояли условия этого соглашения, опять-таки неизвестно. Юрий в споре брата и шурина вновь выступил миротворцем, и Ярослав на этот раз прислушался к слову брата.

Из Лаврентьевской летописи

...В то же лето приходил преосвященный митрополит всея Руси Кирилл к великому князю Юрию и к брату его Ярославу, и к Святославу, и к Константиновичам Васильку, Всеволоду и Владимиру, от киевского князя Владимира Рюриковича, а от черниговского князя Михаила пришёл епископ Порфирий; пришли с ними и игумен пречестного монастыря Святого Спаса в Киеве на Берестовом Пётр Акерович, и другой муж Владимира [Рюриковича] — стольник его Юрий. Эти трое приходили с митрополитом, прося примирить Михаила с Ярославом. Ибо Михаил был не прав, нарушая крестное целование Ярославу, и Ярослав хотел идти на Михаила. Бог же не допустил этого... Ибо послушал Ярослав брата своего старейшего Юрия, и отца своего митрополита, и епископа Порфирия и заключил мир с Михаилом, и была радость великая... Много же даров дали оба князя, Юрий и Ярослав, отцу своему митрополиту и епископу Порфирию и игумену Спасскому, и взяли благословение от них, и отпустили их каждого к своему князю.

(27. Стб. 454–456. Перевод А. Г. Кузьмина по: 54. С. 274–276)

Михаил согласился оставить Новгород. В декабре новгородцы прогнали его сына княжича Ростислава, а к Ярославу, смирившись, послали — звать его на стол «на всей воле новгородской». Однако, как показали дальнейшие события, примирение двух князей было лишь временным.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Ярослав же спешно пришёл к Новгороду, месяца декабря в 30-й день, и созвали вече, и целовал [князь] Святую Богородицу на грамотах на всех Ярославлих^[129]. И, пробыв две недели, пошёл опять в Переяславль, взяв с собою младших мужей новгородских; а сыновей своих двух, Фёдора и Александра, посадил в Новгороде...

Но первый год княжения юных Ярославичей в Новгороде (Фёдору шёл двенадцатый год, Александру — одиннадцатый) был ознаменован ещё более страшными бедствиями — небывалым голодом, едва не выкосившим весь город, пожарами и мятежами.

...Что сказать или что возглаголать о бывшей на нас от Бога напасти?! Так что иные из простой чади людей живых резали и ели, а иные мёртвых мясо, с трупов срезая, ели, а другие конину, псину, кошек... иные же мох ели, ужей (?), сосну, кору липовую и лист ильмов^[130], кто что промыслит; а иные ещё злые люди начали добрых людей дома поджигать, где рожь чуяли, и так расхищали имение их, вместо покаяния. И горше того зло было; видели пред очами своими гнев Божий: мертвецы по улицам, и по торгу, и по Великому мосту псами изъедены, не погребённые. И вторую скудельницу поставили на поле, в конце Чудинцевой улицы, и была та полна, в ней же и числа нет; и третью поставили на Колени, за Святого Рождества церковью, и та наполнилась, в ней же и числа нет... И покупали хлеб по гривне и больше, а ржи четвертую часть кади покупали по гривне серебра; и отдавали отцы и матери детей своих за хлеб купцам. Горе же это было не только в нашей земле одной, но по всей области Русской, кроме одного Киева. И так Бог воздал нам по делам нашим.

...Того же лета открыл Бог милосердие Своё на нас грешных, сотворил милость Свою вскоре: подоспели немцы из-заморья с житом и мукою и сотворили много добра — а уже при конце был город сей...

(22. С. 70–71)

Масштабы несчастий поражают. Исследователи говорят о настоящей демографической катастрофе, поразившей Новгород, как раз в канун монгольского завоевания (124). По некоторым данным, город лишился не менее трети населения. Гибель целых семей привела к тому, что некоторые ремесленные традиции безвозвратно исчезли, остановилось каменное строительство.

О небывалом голоде, обрушившемся в тот год не только на Новгородскую, но и на соседние земли, сообщают и другие летописцы.

Из Московского летописного свода конца XV века

...Того же лета был мор силён в Смоленске: устроили четыре скудельницы, и похоронили в двух по 16 тысяч [человек], а в третьей 7 тысяч, а в четвёртой 9 тысяч. И было так в течение двух лет^[131].

(40. С. 125)

Из Троицкой летописи

...В том же году голод был в течение двух лет по всей земле, и умерло множество людей.

(47. С. 311)

Из Псковской Первой летописи

...В том же году побил мороз жито повсюду, и был голод зол по всей земле, какого не бывало никогда: люди мёрли по улицам, и некому было хоронить их, и объедали их псы, словно скот мёртвый. И живые, мужья или жёны, приходили ко гробам, плача слезами горькими и говоря: «Лучше нам прежде сего часа горького помереть, а люто нам, видя сию тугу и печаль!» И конину тогда люди ели во святой пост. И про иное зло написал бы, но и так горько!

(48. С. 11; ср. 49. С. 78–79)

Северо-Восточная Русь сумела избежать голода, как, впрочем, избежали его и южнорусские земли. Сказались и различия в климате, и погодные условия, и, главное, устойчивость экономики, а последнее — несомненный результат той политики, которую проводили владимирские и суздальские князья ещё со времён Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского.

Год 1231. Ростов. — Село Уполозы, под Москвой

Из Лаврентьевской летописи

...Того же лета 24 июля, в праздник святых мучеников Бориса и Глеба, родился сын у князя Василька, и наречено было имя ему Борис.

...Того же лета 14 августа освящена была церковь Святой Богородицы в Ростове великим освящением. Созвал честный тот собор (для освящения церкви. — А. К.) священный епископ Кирилл; игумены же, и священники, и диаконы, и черноризцы, и все горожане сошлись в святую церковь на честный тот праздник; были тут и благородные князя Василько, и Всеволод, и Владимир, и Борис Василькович (которому исполнилось всего три недели от роду! — А. К.), и княгиня Василькова, и многое множество людей, и все воздавали хвалу Богу.

Ростовский книжник, входивший в окружение епископа Кирилла II, восторженно отзывался об украшении храма новым владыкой:

...Этот же священный епископ Кирилл украсил святую церковь Святой Богородицы иконами многоценными, их же и описать нельзя, и... пеленами; устроил же и два киота многоценных, и покров многоценный на святой трапезе, сосуды же и рипиды^[132], и многое множество всякого иного узорочья; сделал же и врата церковные прекрасные, которые называют Златыми, на южной стороне; и, что больше того, внёс в святую церковь чтимые кресты, много мощей святых в прекрасных раках — и защита, и покров, и утверждение граду Ростову, и христолюбцу князю Васильку, и княгине его, и сыну Борису, и всем, с верою приходящим в святую церковь.

(27. Стб. 457–459)

В числе чтимых мощей, положенных в храм, были мощи просветителя Ростовской земли епископа Леонтия, жившего в XI веке; их на время

строительства перенесли в церковь Святого Иоанна на епископском дворе, а 25 февраля 1231 года торжественно возвратили обратно в обновлённый Успенский собор (40. С. 125). Ростовский князь Василько Константинович продолжил дело отца по украшению и возвышению своего города, превращению Ростова в духовный центр всей Северо-Восточной Руси. В церковных сочинениях того времени Ростов уподоблялся даже не Владимиру, а стольному Киеву, «матери городам русским», — ибо оба этих города, и Ростов, и Киев, имели своих «апостолов», или равных апостолам просветителей: Киев — Крестителя Руси Владимира; Ростов — просветителя своей земли Леонтия, некогда обратившего в христианскую веру местных язычников. И можно думать, что именно в связи с торжественным перенесением мощей святого Леонтия в феврале 1231 года была составлена новая редакция его Жития (133. С. 241–250):

...Хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля — Константина царя, Киевская земля — Владимира князя; Ростовская же земля тебя ублажает, великий святитель Леонтий, створивший дело равно апостолам...

(133. С. 253)

Так перефразирует ростовский агиограф слова более раннего киевского памятника — Жития равноапостольного князя Владимира, просветителя всей Русской земли^[133]. Почитание святителя Леонтия возвышало и прославляло Ростовскую землю — так же, как почитание святого Владимира прославляло Киевскую, делая их равными и Греческой, и Римской, и другим, каждая из которых прославляла и почитала своего угодника, — такова главная идея этого памятника. Владимир, «новый» город в сравнении с Ростовом, своего апостола и крестителя не имел. Но мы уже говорили о том, что и великий князь Юрий Всеволодович, и люди его княжества прославляли и почитали своих святых, в число которых в княжение Юрия вошёл «новый Христов мученик» Авраамий Болгарский.

*

Юрий Всеволодович в Ростов не поехал. В те самые дни, когда проходили торжества освящения обновлённого храма, во Владимире и Переяславле готовились к войне. Вражда между Ярославом

Всеволодовичем и Михаилом Черниговским зашла слишком далеко, и войны избежать всё-таки не удалось.

Владимирский князь поддержал в этой войне брата. Однако до участия в собственно военных действиях он постарался дело не доводить. То есть выбор им был сделан. Но — не до конца.

Из Лаврентьевской летописи

Пошёл князь великий Юрий к Серенску, и встал станом на Уполозех, и возвратился во Владимир^[134]...

Серенск — один из «вятичских» городов на северо-востоке Черниговской земли, на реке Серене, притоке Жиздры (в нынешнем Мещовском районе Калужской области). Когда-то эта земля именовалась «Лесной», и именно по ней Суздальская земля получила название «Залесской». Через Серенск и другие «вятичские» города проходил прямой путь от Суздаля к главным городам Черниговского княжества, а потому в стратегическом отношении «вятичские» города были очень важны, и именно вокруг них разворачивались главные события многих междоусобных войн того времени.

Юрий не прошёл и половины пути. Стан, на котором войско прервало движение, находился на левом берегу реки Москвы, недалеко от самого города (здешнее село Уполозы упоминается в писцовых книгах); ныне это известная всем усадьба-музей Архангельское, где археологами обнаружены следы древнерусского поселения (84. С. 203–204).

Очевидно, что воевать с шурином Юрий не хотел. Возможно, он счёл, что брат его управится своими силами. А может быть, в очередной раз что-то не поделил с братом, а заодно и с племянниками Константиновичами, также выступившими в поход. Но ещё более вероятно, что он сознательно замедлял движение, дабы не принимать участие в кровопролитном сражении.

Так в очередной раз князь проявил своё миролюбие, к которому, наверное, уже привыкли другие князья, его современники. Что ж, миролюбие само по себе не есть слабость. Но в истории бывает так, что с течением времени в глазах окружающих оно начинает выглядеть как слабость, а не подтверждённое силой и в самом деле рано или поздно перерождается в слабость, в боязнь применить силу. Юрий, должно быть, и сам себя убедил в том, что, оттягивая военные действия или вообще

избегая их, можно добиться большего, нежели применением силы. Это не раз он подтверждал на практике. Но в решающий момент, и мы ещё будем говорить об этом, нерешительность и пассивность подведут его.

А вот Ярослав Всеволодович при поддержке племянников войну начал и вёл её с ожесточением.

Ярослав же и Константиновичи пошли к Серенску и град сожгли; люди же разбежались. И ещё много повоював, возвратились восвояси.

(27. Стб. 459)

О военных действиях Ярослава Всеволодовича в Черниговской земле сообщает и новгородский летописец, ибо в войске Ярослава находился и новгородский полк. Успеха, однако, Ярослав, судя по летописям, так и не добился.

...Той же осенью ходил Ярослав ратью на Черниговскую волость с новгородцами и со всей своей силой, на Михаила. И Серенск сжёг, и, под Мосальском^[135] постояв, возвратился обратно, потравив хлеба много. Тут же под городом застрелили Олдана подвойского^[136]. И отошли, не взяв мира.

(22. С. 71)

*

В том же году женился князь Владимир Константинович.

(27. Стб. 459)

Год 1232. Владимир

Из Лаврентьевской летописи

...В том же году пришли татары и зимовали, не доходя до Великого города Болгарского...

То были, видимо, лишь небольшие отряды, посланные сюда с разведывательными целями. Основные силы монголов в то время воевали в Китае. Но русский летописец — а значит, и великий князь Юрий Всеволодович, и другие князья — с подчёркнутым вниманием относились к любым известиям о них.

Статья 1231 года — последняя в Лаврентьевской летописи принадлежащая летописцу, близкому к ростовскому епископу Кириллу. После неё характер летописи меняется, известия становятся скупее. Собственно, упоминаются лишь кратко отдельные события, как правило, без каких-либо комментариев.

...Той же зимой послал великий князь Георгий сына своего Всеволода на мордву, а с ним Фёдор Ярославич и рязанские князья и муромские. И пожгли сёла их, и мордвы избили много.

(27. Стб. 459)

Это последний поход русских князей на мордву до монгольского завоевания. В последующие годы отношения между ними, кажется, были мирными. Во всяком случае, известно о том, что мордовские князья (вероятно, Пуреш?) отправляли послов во Владимир к князю Юрию Всеволодовичу. Мы уже приводили слова венгерского монаха Юлиана о том, что язычники «мордваны» готовы были даже к принятию христианства (2. С. 82). Возможно, венгр преувеличивал, выдавал желаемое за действительное. Но столь же возможно и то, что слухи, на которые опирался Юлиан, имели под собой реальные основания и князь Юрий Всеволодович и священники-миссионеры из его окружения и в самом деле прилагали усилия по распространению православия среди этого народа.

...Для Фёдора, старшего сына князя Ярослава Всеволодовича, поход в Мордовскую землю стал как первым, так и последним. В следующем, 1233

году он умер в Новгороде и был похоронен в новгородском Юрьеве монастыре. Кончина его случилась при обстоятельствах драматичных, прямо накануне свадьбы.

...И кто не пожалеет о нём: свадьба приготовлена, мёды наварены, невеста приведена, князя позваны; и были вместо веселия плач и сетования за грехи наши...

(22. С. 72)

Иногда считают, что невестой юного Фёдора Ярославича была дочь князя Михаила Всеволодовича Черниговского Феодулия — будущая почитаемая русская святая, игуменья суздальского Ризположенского монастыря Евфросиния. Если так, то брак этот должен был скрепить мир между Михаилом и Ярославом, заключённый после кровопролитной войны. Действительно, в Житии преподобной Евфросинии Суздальской рассказывается нечто подобное: когда пятнадцатилетняя Феодулия ехала в Суздаль, дабы, по воле своих родителей, сочетаться браком, она узнала, что жених её умер; дева уже не вернулась в родительский дом, но приняла пострижение в суздальском монастыре (12. С. 185–186). Однако Житие преподобной по-другому называет имя её жениха, скончавшегося накануне свадьбы, — им был некий суздальский князь Мина. Вполне возможно, что в истории древней Руси подобное случалось не единожды.

Год 1233. Суздаль

...Расписана была церковь Святой Богородицы в Суздале и вымощена мрамором различным прекрасным.

(27. Стб. 459–460)

Это та самая церковь Рождества Богородицы, которую возводили князь Юрий Всеволодович и епископ Симон. Судя по сохранившимся фрагментам, роспись храма отличалась исключительной яркостью красок. Полы были вымощены майоликовыми плитками жёлтого, зелёного и коричневого тонов (74. С. 39).

Нечто необыкновенное представляли собой роскошные медные, «писанные золотом» врата храма, закрывавшие южный и западный порталы и украшенные многочисленными орнаментами и изображениями святых. Впоследствии в Суздале сложилась легенда, согласно которой врата эти были вывезены равноапостольным князем Владимиром из греческого города Корсуни (Херсонеса) (14. С. 43); их так и именовали Корсунскими.

В действительности же двери Суздальского собора, по всей вероятности, создавались тогда же, когда и всё внутреннее убранство храма, то есть в 1230–1233 годах (118. С. 106–111). Помимо их общей стилистической близости к современным им памятникам владимиросуздальского искусства, об этом свидетельствует подбор изображённых на них святых. На южных вратах первое место занимают святые, соименные владимиросуздальским князьям того времени: святой Георгий — небесный покровитель великого князя Юрия Всеволодовича, Димитрий Солунский — небесный покровитель отца Юрия и его старшего сына княжича Всеволода, святые Феодор Тирон и Феодор Стратилат — небесные покровители Ярослава Всеволодовича и его старшего сына. «Постановка на первое место святого, соименного великому князю, явно говорит о создании врат при его жизни и, может быть, по его заказу», — отмечает исследовательница (118. С. 109). На западных вратах храма выделяется изображение святого Митрофана, патриарха Константинопольского, — небесного покровителя тогдашнего епископа Владимирского. А это свидетельствует и о его участии в создании этого выдающегося произведения искусства.

Удивительно, что почти одновременно были завершены строительством и украшены две богатейшие по убранству церкви Северо-Восточной Руси — в Суздале и Юрьеве-Польском (последняя в следующем, 1234 году). Такое совпадение по времени нельзя не признать свидетельством высочайшего уровня, которого достигли культура и экономическое развитие всего Владимиро-Суздальского княжества накануне страшного монгольского завоевания!

Год 1234. Река Амовжа

Главные события года происходили в Прибалтике. В большом походе князя Ярослава Всеволодовича на древний Юрьев (Дерпт, Дорпат) приняли участие и полки из Суздальской Руси (или Низовской, как называли её в Новгороде). Как видим, великий князь Юрий Всеволодович в очередной раз поддержал брата.

Годом ранее, в отсутствие в Новгороде князя Ярослава (он был в своём Переяславле), войска Дерптского епископа захватили Тесов, крепость, защищавшую подступы к Новгороду с северо-запада (22. С. 72). Теперь Ярослав готовился нанести ответный удар. Под его знамёнами, помимо «низовских» полков, собрались полки из всех городов Новгородской земли («всей области», по выражению летописца).

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В лето 6742 (1234). Пошёл князь Ярослав с новгородцами и со всей областью и со своими полками на немцев под Юрьев. И остановился князь, не дойдя до города, с полками, и пустил людей своих в зажитье^[137] воевать; немцы же выступили из града, а иные из Медвежьей Головы на сторожи, и бились с ними те до подхода полка. И помог Бог князю Ярославу с новгородцами, и били их до реки, и пало тут несколько лучших немцев; а когда были немцы на реке Амовже, обломился лёд, и утопло их тут много, а иные, раненые, вбежали в Юрьев, а другие — в Медвежью Голову; и много опустошили земли их и урожай потравили. И поклонились немцы князю; Ярослав же заключил с ними мир на всей правде своей. И возвратились новгородцы все здоровы, а низовцев^[138] несколько погибло.

(22. С. 72–73)

Во время похода был сожжён основанный в 1228 году возле Юрьева (Дерпта) цистерцианский монастырь Фалькенау (19. С. 305). Мир, заключённый Ярославом с Дерптским епископом, по всей видимости, не противоречил условиям мира 1224 года, заключённого Новгородом с

другими субъектами международного права — Рижским епископом и Орденом меченосцев, о котором мы говорили выше. Но он имел, пожалуй, даже бо́льшие последствия в русской истории. По мнению выдающегося русского историка XIX века Сергея Михайловича Соловьёва, слова летописца о том, что мир этот был заключён новгородцами «на всей правде своей», дают основания полагать, что именно тогда князь Ярослав Всеволодович выговорил ту знаменитую «дань с Юрьева для себя и для всех преемников своих... которая после послужила Иоанну IV поводом лишить Ливонию независимости», то есть стала непосредственным поводом для начала Ливонской войны (138. С. 124).

Можно думать, что в походе участвовал и четырнадцати-или тринадцатилетний сын Ярослава Александр. Примечательно, что некоторые эпизоды сражения на реке Амовже (по-эстонски Эмайыги), в частности эпизод с проломившимся под тяжёлыми немецкими рыцарями льдом, впоследствии стали связывать со знаменитой победой князя Александра Невского над немцами на льду Чудского озера в 1242 году.

...В том же 1234 году на другом конце великого Евразийского материка завершилась долгая Китайская война, начатая ещё Чингисханом. Завершилась она — как и прежние войны монголов — их полной победой и разгромом врага. Под ударами Субедея пала южная столица государства Цзинь город Кайфын; император бежал в свой последний оплот Цайчжоу, но монголы осадили его и там. В феврале 1234 года «владелец Цзинь передал престол отпрыску своей династии Чэнлиню, а затем повесился и тело его было сожжено. Город был взят, схватили Чэнлиня и убили его... Государство Цзинь пало» (11. С. 168).

Это событие стало вехой не только в истории Китая, где вскоре воцарилась новая, монгольская, династия Юань. В конечном счёте оно решило участь многих стран и народов, в том числе и Руси. Ибо монголы высвободили силы для похода на запад, в страны Восточной и Центральной Европы.

Год 1235. Владимир. — Киев. — Монгольские степи

Из Лаврентьевской летописи

В лето 6743 (1235). Мирно бысть.

(27. Стб. 460)

Эта запись, выделенная в летописи киноварью, выглядит горькой насмешкой, особенно в глазах людей, обременённых знанием того, что произошло с Русью в самые ближайшие годы. Очевидно, летописец поставил её «задним числом», что называется, для контраста с последующим повествованием. Но и без того год 1235-й отнюдь не был мирным. Напротив, он был омрачён жестокой войной, развернувшейся на юге Руси. В войну эту оказались втянуты многие князья, включая брата Юрия, новгородского князя Ярослава Всеволодовича, и шурина Михаила Черниговского, а также извечные враги Руси половцы. Началось же всё с агрессивных действий Михаила Черниговского. Будущий великий русский святой отнюдь не обрёл ещё того христианского смирения, которое отличало его в конце жизни. Потеряв Новгород, он начал помышлять о киевском престоле, который занимал тогда князь Владимир Рюрикович. Последний обратился за помощью к сильнейшему из князей Южной Руси — Даниилу Галицкому. Смоленские Ростиславичи в очередной раз схлестнулись с черниговскими Ольговичами.

Новгородский летописец, как всегда, объясняет это дьявольскими кознями:

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Не желая изначально добра роду человеческому, окаянный всепагубный дьявол воздвиг крамолу меж русскими князьями, дабы не жили мирно люди, ибо радуется злой кровопролитию христианскому. Пошёл князь Владимир Рюрикович с киевлянами и Даниил Романович с галичанами на Михаила Всеволодовича

Черного^[139] к Чернигову, а Изяслав^[140] бежал к половцам. И много воевали около Чернигова, и посад пожгли. А Михаил выступил из Чернигова... И обманул Михаил Даниила, и многих галичан перебил, и едва ушёл Даниил; а Владимир, вернувшись, сел в Киеве.

И не одного того зла было довольно, но пришёл Изяслав с погаными половцами в силе тяжкой и Михаил с черниговцами под Киев. И взяли Киев, а Владимира и княгиню его схватили половцы, повели в землю свою, и много зла сотворили киевлянам. А Михаил сел в Галиче, а Изяслав — в Киеве. И отпустили Владимира половцы за выкуп и жену его, и с немцев^[141] взяли выкуп князя.

В следующем, 1236 году Ярослав с новгородским войском тоже выступит к Киеву, оставив новгородским князем своего сына Александра, будущего Невского.

...И, придя, сел в Киеве на столе; и продержал новгородцев и новоторжцев одну неделю, и, одарив, отпустил прочь; и вернулись все здоровы...

(22. С. 73–74)

Впрочем, по сведениям авторов Галицко-Волынской летописи, княжение Ярослава в Киеве продлится недолго:

...Пришёл Ярослав Суздальский и взял Киев под Владимиром, [но], не сумев его удержать, пошёл обратно к Суздалю, и взял под ним [Киев] Михаил [Черниговский]...

(28. Стб. 777)

Эта междоусобица в конечном итоге будет иметь трагические последствия: занятые войной друг с другом южнорусские князья окажутся бессильны перед татарской угрозой. Стольный же Киев так и будет в течение нескольких лет переходить из рук в руки — до самого своего падения в 1240 году.

...А осенью того же 1235 года в далёких монгольских степях произошло событие, которому на столетия суждено было определить

судьбы всей Русской земли. На курултае (съезде монгольской знати) было принято решение о походе монгольских орд на запад. Возглавить поход должен был старший из внуков Чингисхана Бату (Батый), сын Джучи — того самого, которому повелел завоевать западные страны его отец Чингисхан.

*Из «Истории завоевателя мира» Ала ал-Дина Ата-Мелика
Джувейни*

Когда каан (великий хан Угедей, сын Чингисхана. — А. К.) во второй раз устроил большой курилтай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были ещё окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он [Угедей] назначил царевичей: [сыновей Тулуя (внуков Чингисхана. — А. К.)] Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута, и нескольких других царевичей, а из знатных эмиров был Субатай-бахадур... Весной^[142] [они] выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга... От множества войска земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные...

(52. С. 25–26. Перевод В. Г. Тизенгаузена)

Большая часть монгольского войска двигалась весьма неспешно. Оказавшийся в Монгольских степях как раз перед началом Западного похода китайский посол Сюй Тин встретил большое монгольское войско, которое шло мимо него безостановочно в течение нескольких дней. Китайского посла особенно удивило то, что большинство в этом войске составляли юноши, даже подростки. Когда он спросил, чем это объяснить, ему ответили, что войско послано «воевать мусульманские государства, куда три года пути. Тем, кому сейчас 13–14 лет, будет 17–18 лет, когда достигнут тех мест, и все они уже будут превосходными воинами» (11. С. 76). Название «мусульманские государства» было для китайцев синонимом

далёких западных земель. Кто знает, возможно, именно встреченные Сью Тином юнцы и были теми, кто спустя несколько лет обрушит свой удар не только на мусульманские земли Малой Азии или Ирана, но и на христианскую Русь?!

Год 1236. Владимир. — Шяуляй. — Волжская Болгария

В лето 6744 (1236). Знамение было в солнце месяца августа в 3-й день, в воскресенье, после обеда: видимо было всеми словно месяц четырёх дней^[143].

Той же осенью пришли от восточной страны в Болгарскую землю безбожные татары, и взяли славный Великий город Болгарский, и перебили оружием от старца и до юного и до сущего младенца, и взяли товара множество, а город их пожгли огнём и всю землю их полонили.

Той же зимой великий князь Георгий женил своих сыновей Владимира и Мстислава^[144].

(27. Стб. 460)

Это то, что сообщает о событиях последнего мирного года в истории Руси Лаврентьевская летопись. Иноязычные источники делают картину более масштабной и исполненной трагизма. Ибо именно в этом 1236 году решались судьбы многих народов — как к западу, так и к востоку и югу от русских границ.

Сначала о том, что происходило на западе, в Прибалтике.

Летом этого года главные силы Ордена меченосцев потерпели сокрушительное поражение от язычников-литовцев в битве при Сауле (Шяуляе); тогда пал и сам магистр Ордена Фолквин. Русские в этой войне держали сторону Ордена: отряд псковичей даже принял участие в битве.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Того же лета пришли немцы в силе великой из заморья в Ригу, и тут соединились все: и рижане, и вся Чудская земля, а псковичи от себя послали помощь, 200 мужей, [и] пошли на безбожную литву. И так, грехов ради наших, побеждены были безбожными язычниками, пришёл домой лишь каждый десятый.

(22. С. 74)

Битва при Шяуляе имела два важнейших последствия. Во-первых, она возвестила об образовании независимого Литовского государства, во главе которого встал энергичный и талантливый князь Миндовг. Языческая Литва надолго превратилась в главного соперника русских князей на западе и важнейший субъект международных отношений Восточной Европы. Во-вторых, Орден немецких рыцарей-меченосцев в Ливонии был разгромлен и фактически прекратил своё существование. Как следствие, произошло его слияние с другим орденом, наиболее боеспособным среди всех немецких рыцарских орденов того времени, — Тевтонским, обосновавшимся в Пруссии в 1229–1230 годах. 12 мая 1237 года в папской резиденции Витербо, близ Рима, папой Григорием IX было утверждено образование нового Ливонского ордена, формально считавшегося филиалом Тевтонского в Ливонии. Осенью того же года в Ливонию прибыл первый отряд рыцарей-тевтонцев, присланный великим магистром Ордена Германом фон Зальцем. Сила немецких рыцарей в Прибалтике и их агрессивные устремления в отношении прибалтийских и русских земель во много раз возросли.

Но великого князя Юрия Всеволодовича это не слишком занимало. Сражаться с немецкими рыцарями и противодействовать их продвижению на восток суждено будет его племяннику Александру — и уже после гибели последнего правителя Владимирской Руси. Внимание Юрия всецело было приковано к тому, что происходило к востоку и югу от его земли.

*

О трагической судьбе Волжской Болгарии на Руси знали, что называется, из первых уст, ибо именно сюда, на Русь, в 1236/37 году хлынул поток беженцев из болгарских и других поволжских земель. По словам побывавшего здесь и общавшегося с этими беглецами где-то на восточных границах Владимиро-Суздальского княжества монаха-доминиканца Юлиана, вся страна русских пришла в движение и ожидала чего-то страшного (2. С. 86).

Разгром Волжской Болгарии осенью 1236 года был лишь первым актом Западного похода монгольских армий. Участь болгарских городов и сёл оказалась ужасной — такой же, какой прежде была участь городов и сёл Хорезма, Северного Ирана или Китая. Год спустя то же ждало и Русь, но ни во Владимире, ни в Рязани, ни в Чернигове или Киеве этого пока что не осознавали в полной мере.

Восточные хронисты дополняют рассказ русского летописца о разгроме Болгарского царства.

Из «Истории завоевателя мира» Джувейни

Сначала они [царевичи] силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населённостью. Для примера подобным им жителей его [частью] убили, а [частью] пленили.

(53. С. 22–23. Перевод В. Г. Тизенгаузена. См. 61. С. 185)

Из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина

Царевичи, которые были назначены на завоевание Кипчакской степи и тех краёв... все сообща двинулись весною бичин-ил, года обезьяны, который приходится на месяц джумад 633 года хиджры [11 февраля — 11 марта 1236 г. н. э.]; лето они провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом, которые также были назначены в те края. Оттуда Бату с Шейбаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против буларов и башгирдов^[145] и в короткое время, без больших усилий, захватил их...

...Они дошли до города [Булгара] Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джикю, изъявили царевичам покорность, были [щедро] одарены и вернулись обратно, [но потом] опять возмутились. Вторично послали [туда] Субэдай-бахадур, пока он не захватил [их]. Затем царевичи, составив совет, пошли каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшие им по пути области. Менгу-каан с левого крыла шёл облавой по берегу моря [Каспийского]. Бачмана, одного из бесстыднейших тамошних эмиров, из народа кипчаков, из племени олбурлик^[146], и Качир-укулэ, из племени асов^[147], обоих забрал [в плен]...

Он [Менгу-каан] провёл там то лето, а после того, в такикуил, в год курицы, соответствующий 634 году хиджры [4 сентября 1236 — 23 августа 1237], сыновья Джучи — Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каана — Кадан, внук Чагатая — Бури и сын Чингизхана — Кулкан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами^[148] и в короткое время завладели ими...

(51. С. 37–38. Перевод Ю. П. Верховского)

Итак, за разгромом Болгарского царства последовали походы монгольских армий в земли соседних с Болгарией поволжских народов; другая часть монгольского войска в это же самое время обрушилась на половецкие кочевья, оттесняя половцев к Каспийскому побережью, истребляя их или заставляя бежать из страны. Так, зять покойного князя Мстислава Удатного хан Котян со своей огромной ордой откочевал в Венгрию (где позднее был убит). Сопротивление монголам сумели оказать очень немногие.

...Летом 1236 года, то есть как раз накануне завоевания Болгарского царства, у самых его границ появился венгерский монах-доминиканец Юлиан, направлявшийся с миссионерскими целями к венграм-язычникам (уграм), жившим в Приуралье. Помимо миссионерских, Юлиан преследовал и иные, секретные цели; во всяком случае, он и тогда, и год спустя действовал очень умело, добывая важные сведения о передвижениях и намерениях монголов. Юлиану удалось отыскать своих давно потерянных сородичей, но здесь же он нашёл и «посла татарского вождя» — едва ли не посла самого Бату, который вёл с уграми, как и с другими поволжскими народами, какие-то переговоры.

Через Русь и Польшу Юлиан вернулся в Венгрию, затем побывал в Риме, после чего снова отправился в путь. Во второй раз он достиг пограничья Русской и Болгарской земель осенью 1237 года и с ужасом узнал, что ему некуда дальше идти и некому проповедовать:

О, горестное зрелище, внушающее ужас всякому! Венгры-язычники, и болгары, и множество царств совершенно разгромлены татарами.

И далее сообщил о конкретных действиях монголов в этих, соседних с Русью странах (правда, не все названные им страны и народы поддаются отождествлению):

...Обратившись к западу, [татары] в течение одного года или немного большего срока завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков^[149], столь людных, что из одного могло выйти 50 тысяч вооруженных воинов. Кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов. Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил.

(2. С. 83, 85–86. Перевод С. А. Аннинского)

Сасция — это, вероятно, Саксин в низовьях Волги, завоёванный монголами ещё в 1229 году; Фулгария — Волжская Болгария, о могуществе которой Юлиан успел составить мнение ещё в прошлом году; Меровия — вероятно, маришцы (черемисы русских летописей); морданы — мордва. Что такое Ведин и Пойдовия, неизвестно. Упоминание же о двух мордовских князьях, один из которых сразу же покорился монголам, а другой оказал сопротивление им, заставляет вспомнить о Пургасе и Пуреше русских летописей — возможно, они так же по-разному действовали против захватчиков монголов, как прежде против русских. Впрочем, и в Болгарском царстве, как мы видели, часть эмиров сразу же перешла на сторону завоевателей, а часть продолжила борьбу.

Известно, что окончательно Мордовская земля будет покорена лишь в 1239 году, уже после разгрома Северо-Восточной Руси (27. Стб. 470). Придётся монголам вторично воевать и с болгарскими князьями, восставшими против их власти. Но судьба «Великой Болгарии» на Волге была решена. В конечном счёте она окажется ещё более трагичной, чем судьба Руси: в результате монгольского завоевания она прекратит своё существование как самостоятельное государство, а её земли войдут в собственный улус Бату и его потомков. Покорение страны асов в Предкавказье и на Северном Кавказе также произойдёт уже после разгрома Владимиро-Суздальского княжества. Однако нет сомнений в том, что отряды из мордвы, болгар, буртасов, черемис, равно как и отряды из половцев-кипчаков, торков, алан и других покорённых народов, будут находиться в составе татарских ратей, когда те обрушатся на русские земли, и более того — будут составлять их передовую, ударную силу, авангард. Так всегда было в войнах, которые вели монголы, так будет и при покорении Руси, но так будет и позднее, при покорении стран Восточной

Европы, когда в состав татарского войска, наряду с воинами из упомянутых народов, войдут и русские.

Год 1237. Владимир

Когда читаешь летопись за середину — вторую половину 1230-х годов, создаётся впечатление, будто Владимирская Русь жила в двух параллельных реальностях. В одной всё протекало так же, как раньше: жизнь шла своим чередом, и ни о каких военных приготовлениях или переговорах князей относительно совместных действий против общего врага не было слышно^[150]. События, описываемые древним книжником, никак не пересекались с ужасами второй реальности — надвигающегося Батыева нашествия, обрушившегося сначала на «Великую Болгарию» на Волге и другие соседние народы, а затем на Русь.

Зимой 1236/37 года Юрий Всеволодович женил обоих своих младших сыновей — Владимира и Мстислава. Затем, в наступившем 1237-м, занялся украшением главного храма княжества — владимирского Успенского собора:

...Благоверный епископ Митрофан поставил киот^[151] в Святой Богородице соборной над трапезой^[152] и украсил его золотом и серебром, при благоверном князе великом Георгии.

В том же году расписали притвор Святой Богородицы.

(27. Стб. 460)

Может показаться, что во Владимире, как и в других русских городах, никак не готовились к встрече с завоевателями и нашествие Батыев оказалось полной неожиданностью. Это, конечно, не так. О скрытой от посторонних глаз дипломатической работе, которая велась во Владимире, и об усилиях великого князя по предотвращению нашествия мы можем судить по двум дошедшим до нас документам, происходящим из архива Ватикана. Это рассказ о первом путешествии в «Великую Болгарию» и область расселения венгров-язычников известного нам доминиканского миссионера брата Юлиана, записанный монахом Рихардом, и письмо самого Юлиана папскому легату епископу Перуджи с отчётом о его втором путешествии и начавшейся к тому времени Монгольской войне.

Мы уже говорили о том, что Юлиан выполнял и разведывательные функции, занимаясь сбором информации, представляющей интерес для европейских правителей и князей Церкви. Венгерские монахи в силу

своего происхождения и языка имели некоторое преимущество перед своими собратьями по католическим орденам из других стран и пользовались этими преимуществами на благо своего королевства и Римской курии. О том, что монахи-«проповедники» (то есть доминиканцы) и «братья-минориты» (францисканцы) посылались на Волгу венгерским королём «для разведывания», причём некоторые из них были убиты, прямо сообщал в 1239 или 1240 году некий венгерский епископ в послании епископу Парижскому Вильгельму (18. С. 154, 175); о четырёх своих собратьях, пропавших где-то в пределах земли «мордуканов» (мордвы), упомянул и Юлиан (2. С. 89). Так что Юлиан был не единственным, кто отправился в столь опасное путешествие. Просто ему повезло, или же он оказался более подготовлен, нежели другие.

Во время своего второго путешествия, осенью 1237 года — то есть буквально накануне нападения татар на Русь, Юлиан общался и с князем Юрием Всеволодовичем. О содержании их бесед он кое-что поведал в письме епископу Перуджи. Как оказалось, Юрий вёл какие-то переговоры с татарами и встречался с их послами. Общаться напрямую с послами Батые ему было тем легче, что послы эти, несомненно, владели русским языком. Об этом — правда, в связи с другими переговорами, проходившими годом ранее, — сообщал тот же Юлиан: по его словам, встреченный им посол татарского вождя владел языками всех потенциальных противников татар — помимо собственно татарского (монгольского), это были венгерский, русский, куманский (половецкий), тевтонский (немецкий) и сарацинский (персидский?) (2. С. 81). Для этих целей монголы охотно привлекали и иноземцев — тех же половцев, а при возможности и русских или других европейцев (так, известно об одном выходе из Англии, оказавшемся в плену у монголов и перешедшем к ним на службу «по той причине, что [они] нуждались в толмачах», то есть переводчиках: 18. С. 149). Монголы вообще уделяли большое значение дипломатическому обоснованию своих действий (равно как и разведке и сбору необходимой информации, что по существу означало одно и то же) и почти всегда вступали в переговоры с вероятным противником, прежде чем на него напасть, как правило, прибегая к намеренной и весьма умелой дезинформации. Так было накануне злосчастной битвы на реке Калке в 1223 году, так было и теперь. Правда, Юлиан сообщает своему королю лишь о татарских послах, направленных Батыем в Венгрию. Но о планах предводителя татар ему рассказывал князь Юрий Всеволодович, на которого он прямо ссылаясь:

Многие передают за верное, и князь суздальский передал

словесно через меня королю венгерскому, что татары днём и ночью совещаются, как бы придти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (Батый. — А. К.) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными.

Трудно сказать, почему Юрий Всеволодович задержал у себя татарских послов. Впрочем, нет уверенности и в том, что монах Юлиан правильно истолковал его действия. Во всяком случае, полученное от Батия письмо Юрий передал Юлиану, с тем чтобы тот отвёз его по назначению — к королю Беле. Юлиан привёл и текст письма, насколько он его понял:

Вышесказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привёз королю венгерскому. Письмо же писано языческими буквами^[153] на татарском языке. Поэтому король нашёл многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашёл никого. Мы же, проезжая через Куманию^[154], нашли некоего язычника, который нам его перевёл. Этот перевод таков:

«Я, Хан^[155], посол царя небесного, которому он дал власть над землёй возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский^[156]: хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь? Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов (половцев. — А. К.) ты держишь под своим покровительством^[157]; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки

моей?»

(2. С. 88–89)

Подобные «грозные посольства» и «устрашающие послания» с самыми немислимыми требованиями направлялись и тогда, и позже и другим европейским монархам (18. С. 135; 16. С. 280). И, конечно же, русским князьям, в том числе и великому князю Юрию Всеволодовичу. Русский летописец вспоминал о его переговорах с татарскими послами в посмертной похвале великому князю:

...преждереченных безбожных татар отпустил, одарив их; ибо прежде присылали злые те кровопийцы послов своих, говоря: «Мирись с нами!» Он же того не захотел, по словам пророка: «брань славна лучше постыдного мира», ибо сии безбожные, лживый мир предлагая, великую пакость земле причиняют...

(27. Стб. 468)

Как видим, Юрий всё же одарял татарских послов — возможно, в расчёте на то, что ему удастся избежать войны. Но более подробно о содержании его переговоров мы, к сожалению, ничего не знаем.

Не нужно представлять монголов какими-то совершенными дикарями. Не только вооружение и тактика ведения войн были у них на передовом, недостижимом для европейцев уровне. Монгольские военачальники проводили достаточно осмысленную политику, всю пользуясь услугами китайских, уйгурских и хорезмийских чиновников и дипломатов. И при этом применяли различные методы ведения переговоров — запугивая противника и одновременно дезинформируя его относительно своих планов и намерений.

Общий смысл претензий к венгерскому королю, конечно же, был известен князю Юрию Всеволодовичу. Но мог ли он и в самом деле рассчитывать на то, что следующий удар монгольского войска обрушится не на его княжество, не на русские земли, а на Венгерское королевство, что «татары днём и ночью совещаються, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан»? Я полагаю, что да, мог, и больше того — страстно желал этого. На Руси хорошо знали о вражде между монголами и половцами. Когда-то русские князья поддержали половцев несмотря на прямые угрозы татар — и поплатились за это страшным поражением на

Калке. Юрий Всеволодович не участвовал в той битве, но уроки из неё извлёк и не хотел повторения прежних ошибок. Да его и не связывали с половцами столь тесные политические и династические узы, которые установились с ними у князей Южной Руси. Зато половцев — и именно одного из главных врагов монголов, хана Котяна, — принял король Бела. Наверное, монголы умело разыгрывали «половецкую карту» — в том числе и перед князем Юрием; не исключено, что они заверяли его в своей готовности выступить вслед за бежавшим от них Котяном — и суздальскому князю так хотелось им верить! Возможно, что и его не вполне понятные для нас действия — он задержал послов у себя, но письмо всё-таки передал венгерскому королю — объяснялись его желанием поскорее направить татар против венгров, не допустить какого-либо соглашения между ними. Позднее, уже после того как татары вторгнутся в Центральную Европу, современники-европейцы будут писать об их коварстве и вероломстве и вспомнят, что «некоторые из доверчивых королей, заключив с ними союз, разрешали им свободно проходить по своим землям, но всё равно погибли, так как они союзы не соблюдают» (18. С. 150). Возможно, слова эти — хотя бы отчасти — могли быть отнесены и к суздальскому князю?

Мы уже говорили о том, что князь Юрий Всеволодович и в иных случаях зачастую предпочитал дипломатические способы разрешения конфликтов военным и старался по возможности избегать кровопролития. Тем более это было желательно теперь, когда смертельная угроза нависла над его землёй.

А дезинформация противника была у монголов излюбленным способом ведения переговоров. Так, во время своей первой поездки на Волгу, накануне разгрома Волжской Болгарии, тот же Юлиан встречался с другим татарским послом, и тот убеждал его, что татарское войско намеревается «идти против Алемании», то есть в германские земли, и только дожидается другого, посланного «для разгрома персов» (2. С. 81). Надо полагать, что это говорилось для властей Болгарского царства и других, соседних народов. Но может быть, ещё и для русских князей?

*

Между тем, как бы ни хотел великий князь Юрий верить в то, что войны можно избежать, и как бы ни оттягивал и ни предотвращал её, судьба Руси была решена. Курс, избранный им, оказался тупиковым. Война

подступила к самым границам Руси.

Из письма брата Юлиана епископу Перуджи

Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что всё войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль (Волги. — А. К.) на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю^[158]. Другая же часть в южном направлении уже нападала^[159] на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дон, близ замка Ovcheruch^[160], также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замёрзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских.

(2. С. 86)

Это писалось в ноябре 1237 года (ниже Юлиан упоминает день святого Михаила, «недавно отпразднованный», что позволяет датировать послание временем после 8 ноября). Суровая русская зима не пугала завоевателей — в Монголии случаются морозы и пострашнее, чем в России. Лёд же, который должен был сковать реки, открывал их коннице прямой и удобный путь ко всем главным городам страны.

Завидная осведомлённость Юлиана проявилась и в том, что он — единственный из современных ему авторов — указал точную численность монгольского войска. По его словам, у русских границ было сосредоточено 135 тысяч «отборнейших воинов их закона» (то есть собственно монголов) и 240 тысяч «рабов не их закона» (то есть представителей иных, завоёванных монголами, народов) (2. С. 90, прим. 1). Историки, правда, скептически относятся к названным им цифрам. И действительно, одной из целей монголов было заранее запугать противника, подавить его волю к сопротивлению. («Татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причём не найдётся мощи на земле, какая была бы в силах противостоять одной их части», — сообщал тот же Юлиан.) Так что данные венгерского монаха более или менее верно могут отражать лишь соотношение в татарском войске собственно

монголов и их вынужденных союзников — представителей покорённых народов, — но не абсолютные цифры. Однако не вызывает сомнений тот факт, что войско это было поистине огромным. Его численность историки определяют по-разному. Наиболее правдоподобными кажутся цифры, названные ещё в 1967 году В. В. Каргаловым: вторгшееся на Русь войско могло насчитывать до 120–140 тысяч человек в целом, включая 40–50 тысяч собственно монголов (88. С. 73–75). Чуть меньшей определяет численность войска в своих расчётах Р. П. Храпачевский — около 100 тысяч воинов (146. С. 195–200, 205). Но в любом случае силы монголов значительно превосходили те силы, какими располагали в то время русские князья — даже в случае их объединения.

Зима 1237/38. Рязань... Коломна... Москва... Владимир. — Река Сить

События этой страшной зимы в деталях описаны русскими летописцами, ибо события эти навсегда разделили историю России — на до-и послемонгольскую.

Первый удар монгольского войска был нанесён по Рязани — соседу и младшему партнёру и союзнику Владимиро-Суздальского княжества.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

В то лето пришли иноплеменники, глаголемые татары, на землю Рязанскую, бесчисленное множество, словно саранча. И сперва, придя, встали у Нузлы, и взяли её, и остановились станом тут. И оттуда послали послов своих, жену чародеицу и двух мужей с нею, к князьям рязанским, прося у них десятины во всём: и в людях, и в князьях, и в конях^[161], и во всём десятую [часть]. Князья же рязанские, Юрий, Ингварев брат^[162], Олег, Роман Ингваревич, и муромские, и пронские, не пустили их к градам, выехали против них на Воронеж. И сказали им князья:

— Когда нас всех не будет, тогда всё то ваше будет!

И оттуда пустили их к Юрию во Владимир...

(22. С. 74–75, 286)

Гордый ответ рязанских князей означал неизбежную войну.

Где находилась упомянутая летописцем Нузла, или Онуза, мы, к сожалению, не знаем: историки и археологи располагают этот предполагаемый южный форпост Рязанского княжества либо где-то в бассейне Верхнего Дона, между реками Лесной и Польной Воронеж или чуть восточнее, в водоразделе Польного Воронежа и реки Челновой, либо на реке Цна (всё это в пределах нынешней Тамбовской области), либо ещё восточнее, на реке Суре или её притоке Узе (в нынешней Пензенской области). Именно этим путём Батый, по-видимому, и шёл на Русь. Во всяком случае, так считали в XVII веке. Описывая пути набегов татар на Русь в прошлые времена, некий дьяк, автор выписи в Разряде о построении

новых городов (1681 год), писал вполне определённо:

...И в те времена ординские цари... с татары приходили в Росийские места войною сакмами (дорогами. — А. К.)... По 2-й (сакме. — А. К.) перешод реку Волгу, а Дону реки не дошод, промеж рек Хопра и Суры, чрез реки Лесной и Польной Воронежи, на Ря[ж]ские, и на Рязанские, и на Шацкие места... и Батый в войну на Русь шол.

(Цит. по: 80. С. 181)

По прямому свидетельству Новгородской летописи, рязанские князья пропустили татарских послов (тех же «жену чародеицу» с сопровождающими её мужами?) к Юрию Всеволодовичу во Владимир. Юрию надо было на что-то решаться. Пока что он, по-видимому, лишь одарил послов, отдавая должное обычному дипломатическому этикету, и отослал их обратно «в Татары, к Воронежу» (40. С. 126). Впрочем, текст здесь сбивчив, и не исключена какая-то путаница.

Но главное было не в этом. Князьям надо было решать, как действовать дальше — вместе или порознь.

Понимая, что собственными силами защитить свою землю не удастся, рязанские князья обратились к Юрию за помощью — так же, как это было, например, в 1219 году, когда Юрий с братом Ярославом помог Ингварю Игоревичу отбить нападение половцев. Между Владимиром и Рязанью, несомненно, существовали договорённости на этот счёт, взаимные обязательства. Но теперь ситуация была иной. Смертельная угроза нависла над всеми русскими князьями и над всеми княжествами, и Юрий помогать своим рязанским союзникам не решился.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Послали же рязанские князья к Юрию Владимирскому, прося помощи или чтобы сам пошёл. Юрий же сам не пошёл, не послушал мольбы рязанских князей, но сам хотел, отдельно биться. Но уже гневу Божию нельзя было противиться. Как сказано было в древности Иисусу Навину Богом; когда вёл их в землю обетованную, тогда сказал:

«Я пошлю сначала на них недомыслие, и грозу, и страх, и

трепет».

Так же и у нас отнял Господь сначала силу, а недомыслие, и грозу, и страх, и трепет вложил в нас за грехи наши.

Новгородский летописец враждебно настроен к Юрию и прямо осуждает его. А вслед за ним осуждают Юрия и большинство современных историков. Но истинных мотивов поведения великого князя мы не знаем. Что двигало им? Простая ли нерешительность? Или же присутствие сильных монгольских отрядов у границ его собственного княжества, которое он должен был защищать в первую очередь? По прямому свидетельству летописи, одновременно с рязанским посольством князь принимал и послов от татар, которые, вполне возможно, предлагали ему мир — разумеется, лишь на словах, выигрывая время и выводя из игры сильнейшего из своих противников (вспомним слова летописца о «лживом мире», предложенным «сими безбожными»). Юрий же по-прежнему мог выжидать, не зная, как обернётся дело, и надеясь, что ему удастся отвести удар от собственного княжества.

«Недомыслие, и гроза, и страх, и трепет» овладели в эти месяцы отнюдь не одним Юрием Всеволодовичем, но и другими русскими князьями. Соединиться для того, чтобы вместе оказать сопротивление захватчикам, они не смогли, и каждый предпочёл бороться в одиночку. А это было равнозначно гибели.

Юрий всё-таки окажет помощь Рязани — но слишком поздно, когда падёт сама Рязань, большинство рязанских князей погибнут, и татарские орды двинутся от Рязани на его собственные владения.

*

21 декабря 1237 года, после пятидневной осады, Рязань была взята и сожжена^[163].

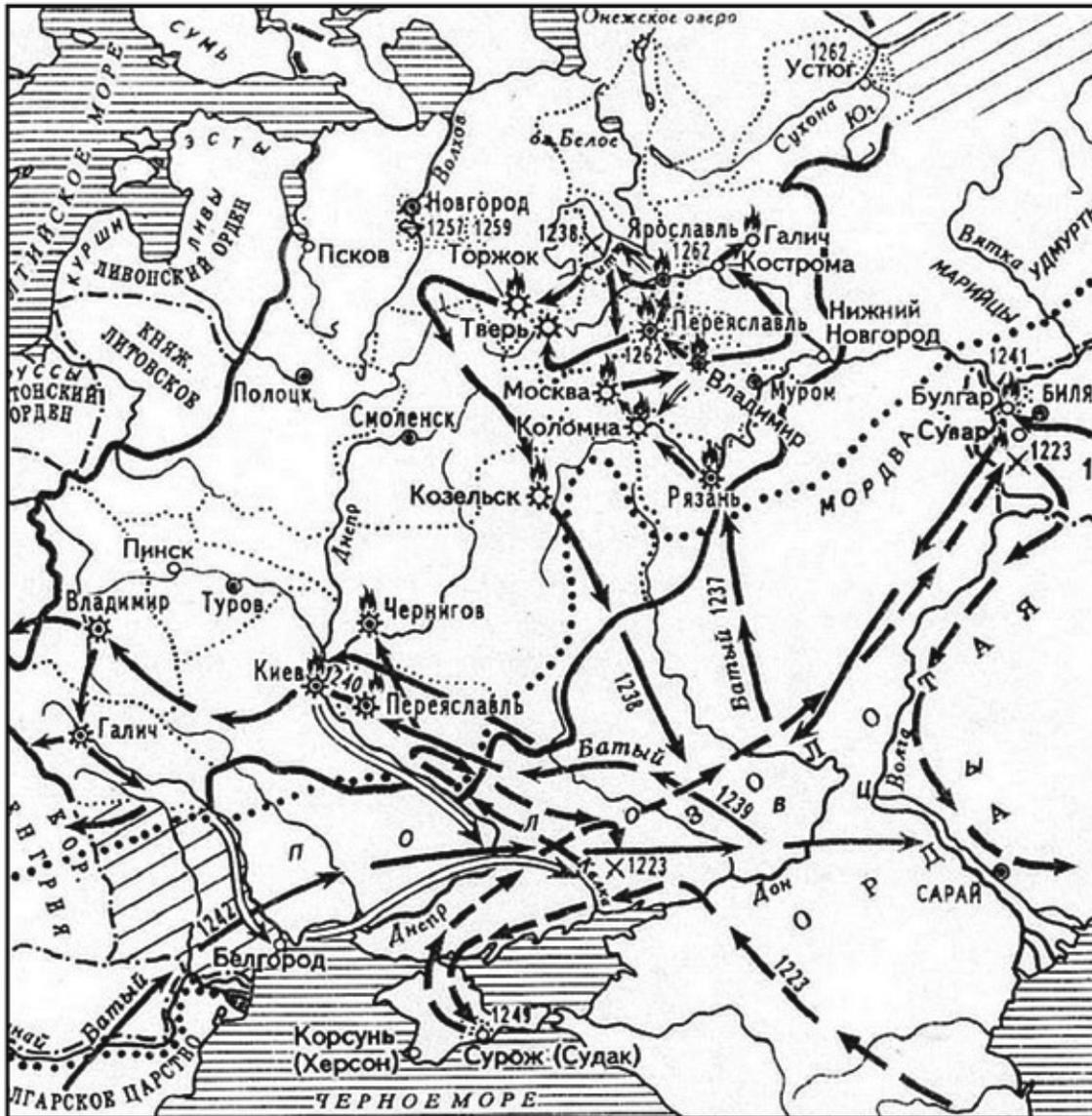
Из Софийской Первой летописи старшего извода

...Иноплеменники обступили град Рязань 16 декабря и острогом оградили; князь же рязанский затворился в городе с людьми.

Татары же взяли град Рязань того же месяца в 21-й день и

пожгли весь, и князя их Юрия убили, и княгиню его, а иных же схватили: мужей, и жён, и детей, и чернецов, и черниц, и священников — одних рассекали мечами, а других стрелами расстреливали и в огонь бросали; иных схваченных связывали. И поругание [сотворили] черницам, и попадьям, и добрым жёнам, и девицам пред матерями и сёстрами. А епископа уберёт Бог: уехал прочь из города в то время, когда рать осадила город. Много же святых церквей огню предали, а монастыри же и сёла сожгли, и добра много отовсюду взяли, и потом пошли на Коломну...

(30. Стб. 289)

Монголо-татарское нашествие на Русь

Чудовищная жестокость — отличительная черта монгольских войн. Монголы с самого начала стремились к тому, чтобы парализовать всякую волю к сопротивлению у своих врагов, внушить им животный страх — и потому не останавливались ни перед чем. Так, при взятии вражеских городов действовало жёсткое правило, откровенно сформулированное китайским министром первых монгольских ханов Елюй Чуцаем:

Как только враг, отклонив приказ о сдаче, выпускал хотя бы одну стрелу или метательный камень по осаждающим войскам, в соответствии с существовавшей государственной системой все

убивались без пощады во всех случаях.

(20. С. 76. Перевод Н. Ц. Мункуева)

...Взявшим город, — писал современник нашествия монголов на Русь китаец Сюй Тин, автор «Кратких известий о чёрных татарах», — отдают его на произвол. Они могут грабить и забирать детей, женщин, драгоценности и шелка...

(11. С. 56)

Так случилось с Рязанью. Так случится и с Владимиром, и со многими другими городами сначала Северо-Восточной, а потом и Южной Руси.

Старая Рязань уже не возродится к прежней жизни, не вернёт себе былого величия. Исследования археологов подтверждают страшную картину гибели города, нарисованную летописцем: толстый слой пепла покрывает почти всю территорию городища; под фрагментами сгоревших зданий во множестве найдены останки тел защитников города — многие со следами сабельных ударов, проломленными черепами... Впоследствии столицей княжества станет другой город — Переяславль-Рязанский, в 60 километрах выше Старой Рязани по течению Оки. На него и перейдёт прежнее название, и сейчас мы называем Рязанью именно этот город.

Отзвуки героической борьбы рязанцев с жестоким врагом явственно слышны в фольклоре, в частности в знаменитой легенде о Евпатии Коловрате — рязанском боярине-богатыре, выступившем со своим отрядом из Чернигова и отважно напавшем на «станы Батыевы» уже в суздальских пределах (рассказ о нём читается в «Повести о разорении Рязани Батыем», памятнике XVI столетия: 6. С. 146–148). В основе рассказа, несомненно, лежит народное предание. Однако следует согласиться с давно уже высказанным суждением историка: у нас, к сожалению, «нет никаких данных для того, чтобы пытаться установить, какие реальные события» это предание отразило (104. С. 175).

Один из рязанских князей, Роман Ингваревич, не участвовал в обороне города. Он отступил со своей дружиной к Коломне — или же был послан сюда заранее Юрием Рязанским для соединения с войском великого князя Юрия Всеволодовича. Здесь, на границе Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств, Роман и встретил войска, посланные наконец-то Юрием Всеволодовичем в помощь рязанцам; эти войска возглавляли старший сын Юрия Всеволод и опытный воевода Еремей Глебович^[164].

К Коломне после взятия Рязани двигались и главные силы монголов. У самых городских стен произошло сражение, исход которого, увы, был предрешён.

Из Лаврентьевской летописи^[165]

...Той же зимой пошёл Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволож, против татар. И сошлись у Коломны, и была сеча великая, и убили у Всеволода воеводу Еремея Глебовича, и иных мужей много убили у Всеволода, и прибежал Всеволод во Владимир с небольшой дружиной, а татары пошли к Москве.

(27. Стб. 460)

Из Софийской Первой летописи старшего извода

...Той же зимой пошёл Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволож, и князь Роман Ингваревич со своими воями из Владимира против татар. Князь же Юрий Владимирский послал тогда Еремея Глебовича в сторожах воеводою. И соединились со Всеволодом и с Романом. И обступили их татары у Коломны, и бились крепко, и была сеча велика, и прогнали их к надолбам (то есть к городским укреплениям. — А. К.). И тут убили князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еремея, и иных много мужей побили, а Всеволод в малой дружине прибежал во Владимир.

(30. Стб. 290)

Иначе рассказывает о битве автор Ипатьевской летописи. Южнорусский книжник ничего не знал о судьбе Романа Ингваревича, но зато привёл сведения о не названном по имени (и не известном из других источников) рязанском князе Кир-Михайловиче — сыне знаменитого Кир-Михаила Всеволодовича Пронского, убитого в Исадах в 1217 году; именно он принёс весть Юрию Всеволодовичу о вторжении татар:

Кир-Михайлович же утёк со своими людьми до Суздаля и поведал великому князю Юрию о пришествии безбожных агарян;

то слышав, великий князь Юрий послал сына своего Всеволода со всеми людьми и с ними Кир-Михайловича. Батый же устремился на землю Суздальскую, и встретил его Всеволод на Коломне; и бились они, и пали многие с обеих сторон. Потерпев поражение, Всеволод поведал отцу о случившейся брани [и об] устремлённых на землю и грады его...

(28. Стб. 779)

Битва у Коломны оказалась и в самом деле кровопролитной с обеих сторон. Это, вероятно, самое крупное полевое сражение за всю историю Батыева нашествия на Русь. Если верно, что именно Коломна упоминается в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина под названием «Ике» (то есть «город на Оке»), то здесь погиб один из главных военачальников монголов Кулкан, младший сын Чингисхана, дядя Батыя. Назван по имени и Роман (Урман) — единственный из рязанских князей, чьё имя попало в восточные хроники.

...После того они (монголы. — А. К.) овладели также городом Ике, — пишет персидский историк. — Кулкану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман, выступил с ратью против монголов, но его разбили и умертвили.

(51. С. 38–39)

Гибель одного из монгольских полководцев, считает современный исследователь, «указывает на возможный прорыв русской тяжёлой кавалерии», окружённой вблизи Коломны, ибо «темники и Чингисиды в полевом сражении всегда командовали из тыла» (146. С. 210–211). Возможно, именно благодаря этому сумел избежать гибели и уйти к Владимиру сын Юрия Всеволод. Но на исход сражения в целом это повлиять не могло.

*

Прямой путь к Москве — первому пограничному городу Владимиро-Суздальского княжества — вёл от Коломны по льду Москвы-реки. По

этому пути вслед за отступающими в беспорядке русскими полками устремилось монгольское войско. Война вступила в пределы собственных владений Юрия Всеволодовича^[166].

В сражении у Коломны участвовал и московский полк. Он бежал первым. «Москвичи же побегоша ничегоже не видевшие» (то есть не разбирая дороги), — с нескрываемым презрением писал новгородский книжник (22. С. 287).

В Москве в то время находился младший сын Юрия Всеволодовича Владимир. Он и должен был возглавить оборону города.

Той же зимой взяли татары Москву, и воеводу убили Филиппа Нянька за правоверную христианскую веру, а князя Владимира, сына Юрьева, в полон взяли, а людей избили от старца и до сущего младенца, а град и церкви святые огню предали, и монастыри все, и сёла пожгли, и, много добра захватив, отошли.

(27. Стб. 460–461)

Сведения о взятии Москвы сохранились и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина: как выясняется, осада города продолжалась пять дней — не так уж и мало, если учесть, что у города стояло всё монгольское войско. Упомянуто здесь и имя князя Владимира Юрьевича:

...Потом сообща в пять дней взяли также город Макар и убили князя этого города, по имени Улайтимур (Владимир. — А. К.).

(51. С. 39)

Правда, это последнее сообщение не совсем точно: Владимир был убит не сразу. Вместе с другими пленниками его повели к стольному городу княжества. Сын великого князя Юрия Всеволодовича должен был ещё пригодиться татарам.

Москву соединял с Владимиром удобный, наезженный путь — по Яузе и Клязьме. Прошло немногим более месяца после падения Рязани — и первые разъезды татар появились в окрестностях стольного города. Стремительность врага, его подавляющее превосходство над русскими, победы, следовавшие одна за другой, беспощадность по отношению к

побеждённым — всё это вызывало ужас, страх, трепет, подавляло волю к сопротивлению. Отчаяние овладело и великим князем Юрием Всеволодовичем, которому пришлось пожинать плоды своей прежней политики. Только теперь он начал наконец действовать — однако время было упущено безвозвратно.

Юрий решил уехать из Владимира на северные окраины княжества и собирать там войско для войны с татарами. Оборону города он поручил сыновьям Всеволоду и Мстиславу, а также воеводе Петру Ослядюковичу; вместе с ними во Владимире остались жена Юрия великая княгиня Агафья Всеволодовна и другие представительницы женской части великокняжеского семейства. Стены крепости должны были уберечь их — так во всяком случае казалось Юрию.

Московский книжник XVI века, автор Никоновской летописи, в самых трогательных выражениях описал сцену прощания князя с семьёй — так, как ему казалось, она должна была происходить:

...Князь же великий Юрий Всеволодович услышал о том (о падении Москвы, пленении сына и избиении людей. — А. К.), и плакал много со владыкою Митрофаном, и с княгинею своею, и с детьми, и с боярами своими, слёзы многие проливши, и вошёл в церковь, и знамение сотворил у святых икон, и целовал епископа Митрофана, и княгиню свою, и детей, и бояр; и был плач великий во граде, и не слышно было друг друга из-за слёз и рыдания...

(33. С. 106–107)

А ещё более поздний книжник воссоздал и сам плач великого князя, написанный в лучших традициях древнерусской литературы. Образцом для него послужил известный из летописей плач великой княгини Евдокии Дмитриевны по своему супругу, великому князю Дмитрию Донскому. Но здесь не жена рыдает по мужу, а сам муж, князь, — по своим погибшим сродникам и соратникам:

...О, великаго плача и болезни исполнися вси рустии князие. Великий же князь Юрий Всеволодович от великого кричания лежа, яко мертв, на земли, и едва отливше его носяще по ветру, едва отдохнувши его:

— Днесь кому приказываете меня, солнце мое драгое, месяц мой прекрасный! Почто рано зашли есте? Где, господие, честь и

слава ваша? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусти, и зрак лица вашего изменися; не слышасте ли, господие, словес моих? О земле, земле! О дубравы, дубравы! вси плачите со мною! Како нареку день той и воспишу, в он же толико погипе государей и великих храбрых удалцов? И ни един же возвратися, вси равно умроша и едину чашу смертную пища!

Бысть сие убо тогда во всей земли Русей многия туги, скорби, слезы, въздыхания страха и трепета...

(55. Прил. С. 162–163)

С собой князь взял лишь небольшую дружину. Он рассчитывал соединиться со своими родичами, князьями Северо-Восточной Руси. Его путь лежал через Ростов к Ярославлю и далее к Угличу, и по дороге к нему присоединились со своими дружинами племянники Константиновичи — Василько, княживший в Ростове, Всеволод Ярославский и Владимир Угличский.

Князья отступили ещё дальше на север, за Волгу, и в конце концов достигли небольшой реки Сить, притока Мологи (ныне эта река впадает в Рыбинское водохранилище). Здесь, защищённые лесами, они должны были дожидаться двух других князей, братьев Юрия Всеволодовича, — Ярослава, князя Переяславского, и Святослава Юрьевского. Забегая вперёд скажем, что Святослав присоединился к старшему брату, но вот Ярослава Юрий так и не дождался. Летопись не объясняет причин этого, как не сообщает и о том, где пребывал в то время Ярослав Всеволодович. Опытный полководец и один из сильнейших князей того времени, Ярослав вёл весьма беспокойный образ жизни. Как мы помним, в 1236 году он занял Киев, однако не сумел там удержаться и вскоре вынужден был покинуть его. Но вернулся ли он обратно в Суздальскую землю? Ярослав и впоследствии не оставлял попыток закрепить за собой Киев. В его власти оставался и Новгород, где княжил его сын Александр. При описании событий, происходивших в Северо-Восточной Руси, имя Ярослава Всеволодовича не упоминается. Возможно, он укрылся в Новгороде и здесь вместе с сыном ожидал пришествия грозных завоевателей. Однако это всего лишь предположение, ибо прямо об этом сообщают только поздние источники, не ранее XVI века: например, Никоновская летопись (33. С. 119) или Степенная книга царского родословия (58. С. 498). Новгородская же летопись, рассказывая о событиях 1237/38 года, имени князя также не упоминает.

...И начал великий князь Юрий воинство собирать против татар, а воеводство в дружине своей приказал Жирославу Михайловичу.

(27. Стб. 461)

Названный в летописи Жирослав был, вероятно, потомственным воеводой владимирских князей, сыном и внуком воевод, служивших ещё Андрею Боголюбскому и Всеволоду Большое Гнездо (108. С. 61–62). Но воинские таланты, увы, далеко не всегда передаются по наследству.

*

3 февраля 1238 года татары подступили к Владимиру. Надо думать, что Юрий едва разминулся с их передовыми разъездами, покидая город.

Летописи сохранили исполненный страшными подробностями рассказ об осаде и взятии города на Клязьме:

...Той же зимой, 3 февраля, на память святого Симеона, во вторник, за неделю до мясопуста^[167], подошли татары к Владимиру. Владимирцы затворились в граде — Всеволод и Мстислав, а воевода Пётр Ослядюкович...

Приехали татары к Золотым воротам, ведя с собою Владимира Юрьевича, брата Всеволодова и Мстиславова. И начали спрашивать татары великого князя Юрия: есть ли в городе? Владимирцы пустили по стреле в татар, и татары также пустили по стреле по Золотым воротам. И потом сказали татары владимирцам:

— Не стреляйте!

Они же перестали. И подъехали [татары] к Золотым воротам и начали говорить:

— Узнаёте ли княжича вашего Владимира?

Ибо был тот скорбен лицом^[168].

Всеволод же и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. О, горестное зрелище и слёз достойное: Всеволод и Мстислав с дружиною своею и все горожане плакали, видя Владимира!

А татары, отойдя от Золотых ворот и объехав весь город,

встали станом перед Золотыми воротами: насколько можно видеть, бесчисленное множество воинов вокруг всего града. Всеволод же и Мстислав сжалились о брате своём Владимире и сказали дружине своей и Петру воеводе:

— Братия! Лучше нам умереть пред Золотыми воротами за Святую Богородицу и за православную веру христианскую!

И не дал им волю их створить Пётр Ослядюкович. И сказали оба князя:

— Это всё навёл на нас Бог за грехи наши!

...Великое зло сотворилось в земле Суздальской — такого зла не было от крещения, какое ныне случилось...

(27. Стб. 461–462)

Монголы превосходно владели всеми приёмами психологической войны. И вид истерзанного князя Владимира — того самого, чью свадьбу всего год назад отпраздновали в городе, и бесчисленное множество врагов, уверенных в своей победе и по-хозяйски распоряжающихся в пригородах столицы, и толпы пленных, истязаемых злыми завоевателями, и горящие посады и сёла — всё это действовало на осаждённых самым угнетающим образом. «Где суть князья рязанские [и] вашего града и князь ваш великий Юрий? — такие слова татар, обращённые к осаждённым, приводит другой, южнорусский летописец. — Не рука ли наша схватила их и смерти предала?» (28. Стб. 779). И хотя Юрий был ещё жив и собирал силы для войны с захватчиками, жители его собственного города всё больше теряли веру в возможность сопротивляться грозному врагу. В неведомых завоевателях русские люди увидели неотвратимый бич Божий, Божие наказание, противостоять которому не в человеческих силах. Это настроение явственно звучит в рассказе о взятии и разорении Владимира, да и во всём повествовании о Батыевом нашествии на Русь.

Пока основные силы монголов готовились к взятию Владимира, их отряды рассыпались по соседним городам и весям Владимирской земли. Русская летопись рассказывает о судьбе Суздаля — второго по значению города во владениях Юрия Всеволодовича. Его осада не слишком затянулась — город был взят 5 февраля, ещё до начала штурма Владимира^[169].

...Татары, станы свои устроив у града Владимира, сами пошли и взяли Суздаль. И Святую Богородицу разграбили, и двор

княжеский огнём пожгли, и монастырь Святого Дмитрия пожгли, а прочие разграбили, а чернецов и черниц старых, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей перебили, а которые молодые из чернецов, и черниц, и попов, и попадей, и диаконов, и жён их, и дочерей, и сыновей их, тех всех повели в станы свои, а сами пошли ко Владимиру.

Это соответствовало обычной практике монголов. Многотысячные массы людей посылались прежде всего на штурм крепостей, в том числе и тех, которые принадлежали их собственным правителям. Так было и в прежних войнах, так было и при завоевании Руси. О подобной тактике рассказывал один из первых авторов, писавших о монголах, — посол южнокитайского Сунского государства Чжао Хун, побывавший у монголов в 1221 году:

Всякий раз при наступлении на большие города они сперва нападают на маленькие города, захватывают в плен население, угоняют его и используют на осадных работах... Каждый человек обязан набрать сколько-то травы или дров, земли или камней. [Татары] гонят их день и ночь; если люди отстают, то их убивают. Когда люди пригнаны, они заваливают крепостные рвы вокруг городских стен тем, что они принесли, и немедленно заравнивают рвы; некоторых используют для обслуживания колесниц... катапультных установок и других работ. При этом [татары] не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей они все без исключения бывают взяты.

(21. С. 67–68. Перевод Н. Ц. Мункуева)

Во время войн в Китае и Средней Азии монголы накопили гигантский опыт взятия самых мощных укреплений, овладели передовой по тем временам военной техникой — камнемётными машинами, передвижными башнями, таранами, катапультами, а от китайцев научились использовать при осаде порох, которого в Европе ещё не знали. Огненные стрелы монголов и зажигательные и разрывные снаряды на основе нефти и пороха сеяли панику среди врагов. В войске монголов находились инженеры из числа китайцев и тангутов; они и руководили осадными работами.

Вот что писал итальянец Джиованни дель Плано Карпини, посол римского папы Иннокентия IV, побывавший в империи монголов уже после

разорения Руси, в 1246–1247 годах:

Укрепления они завоёвывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают её; мало того, иногда они так ограждают её, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь...

(25. С. 56–57. Перевод А. И. Малеина)

«Греческим огнём» называли зажигательную смесь на основе нефти и смолы в Европе — первыми и долгое время единственными, кто умел её использовать, были византийцы. Монголы же получили её от китайцев, так что для них она была, скорее, «китайской». Плано Карпини пугал читателей своей «Истории...» жуткими подробностями того, как монголы будто бы изготавливают её:

...Они обычно берут... жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо...

Между прочим, среди тех способов умерщвления людей, к которым прибегали татары после завоевания того или иного города, русские книжники упоминали и такой: «...иных схваченных вязали, и груди взрезывали, и желчь вынимали...» Уж не для приготовления ли своей чудовищной смеси?

Владимир считался одним из наиболее укреплённых городов Русской земли. Протяжённость его стен и валов (около семи километров) превосходила крепости Киева и Новгорода. Город располагался на возвышенном участке в междуречье Клязьмы и её небольшого, но с обрывистыми берегами притока Лыбеди. Поверх насыпных валов шли мощные дубовые стены с несколькими проездными башнями, две из которых, носившие звучные имена Золотых и Серебряных ворот, были каменными, как и прилегающие к ним участки стены. Город состоял из

трёх хорошо защищённых крепостей. Самая древняя, построенная ещё в начале XII века Владимиром Мономахом, занимала срединное положение и носила название Среднего, или Печерного, города; с запада и востока от неё позднее были возведены крепости так называемого Нового города. Внутри Среднего города при князе Всеволоде Большое Гнездо обустроили каменный замок — детинец, с княжеским двором, резиденцией епископа; здесь же находились белокаменные Успенский и Дмитриевский соборы. Но Юрий Всеволодович зря надеялся на неприступность своей столицы. При осаде и штурме Владимира монголы использовали весь накопленный ими арсенал приёмов и способов взятия крупных городов (146. С. 132–133). С таким врагом русские ещё не встречались и совладать с ним не могли. Владимир был обречён.

Из Лаврентьевской летописи

В субботу мясопустную^[170] начали леса устанавливать и пороки^[171] ставили до вечера. А на ночь огородили тыном вокруг всего города Владимира.

В неделю мясопустную, месяца февраля в 7-й день, на память святого мученика Феодора Стратилата, после заутрени пошли на приступ^[172]. И был в городе плач великий, а не радость: грехов наших ради и неправды, за умножение беззаконий наших попустил Бог поганых, не их милуя, но нас наказывая, чтобы отступили от злых дел...

И взяли до обеда город от Золотых ворот: у Святого Спаса вошли по примету^[173] через городскую стену, а с севера, от Лыбеди, подошли к Ирининым воротам и к Медным, а от Клязьмы — к Волжским воротам, и так вскоре взяли Новый город. И бежали Всеволод и Мстислав и все люди в Печерный город. А епископ Митрофан, и княгиня Юрьева с дочерью и снохами и с внучатами^[174], и прочие княгини владимирские с детьми, и многое множество бояр, и всего народа люди затворились в церкви Святой Богородицы. И так огнём без милости подождены были...

Татары же силою отворили двери церковные и увидели, что одни в огне скончались, других же [сами] оружием смерти предали. Святую Богородицу (церковь) разграбили; чудную

икону^[175], украшенную золотом, и серебром, и драгоценными камнями, ободрали; и монастыри все [разграбили], и иконы ободрали, а иные разрубили, а иные забрали, и кресты чтимые, и сосуды священные, и книги ободрали, и одежды блаженных первых князей, которые развесили те в церквах святых на память себе, — то всё себе забрали...

Убиен был Пахомий, архимандрит монастыря Рождества Святой Богородицы, да [Даниил]^[176], игумен Успенский, Феодосий Спасский, и прочие игумены, и чернецы, и черницы, и попы, и диаконы; от юного и до старца, и сущего младенца: и всех тех изрубили, одних убивая, других же уводя босых и раздетых, умирающих от холода в станы свои. И видеть было страх и трепет...

(27. Стб. 462–464)

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...Беззаконные же измаильтяне приблизились к городу, и обступили град силою, и окружили весь тыном. И наутро увидели князь Всеволод^[177] и владыка Митрофан, что уже быть городу взятым, вошли в церковь Святой Богородицы и приняли все пострижение в иноческий образ и так же в схиму от владыки Митрофана — князь, и княгини, дочери, и снохи, и добрые мужи и жёны... И увидели князь, и владыка, и княгини, что зажжён город, а люди уже от огня смерть принимают, а иные от меча, вбежали в Святую Богородицу и затворились в палате. Поганые же, выбив двери, зажгли церковь, натаскав брёвен, и задохлись все; так и скончались, предав души свои Господу...

(22. С. 75–76)

Летописный рассказ содержит очевидную лауну. Остаётся непонятным, каким образом татарам удалось взять наиболее укреплённый Печерный, или Средний, город и княжескую цитадель — детинец, и что предшествовало этому. Среди погибших в городе оказались оба сына великого князя, Всеволод и Мстислав. Однако обстоятельства их гибели до конца не прояснены: летописи содержат туманные и противоречивые

свидетельства на сей счёт. Из новгородских летописей следует, что Всеволод — а вместе с ним, очевидно, и Мстислав — приняли монашеский постриг от руки епископа Митрофана и погибли вместе с прочими в подождённом татарами Успенском соборе. Но это, по-видимому, не так. Южнорусский летописец, автор Ипатьевской летописи, приводит иные сведения о трагической участи Всеволода Юрьевича, который (вероятно, вместе с братом Мстиславом) пытался хоть как-то остановить резню, сохранить не только свою жизнь, но и жизни горожан, искавших спасение от завоевателей за стенами Печерного города:

...Татары же били по городу из пороков, стреляли бесчисленными стрелами. Князь Всеволод, видя, что крепче становится натиск, убоился, ибо и сам был молод, вышел сам из города с небольшой дружиной, неся с собой дары многие, надеясь от него (от Батыея. — А. К.) живот (жизнь. — А. К.) принять. Он же, словно свирепый зверь, не пощадил юности его, велел перед собою зарезать, и град весь избил...

(28. Стб. 780)

О гибели Всеволода и Мстислава «вне града», то есть вне стен Печерного города (в одном из вариантов летописного рассказа: «в Новом городе»), впоследствии поведали и великому князю Юрию Всеволодовичу, укрывавшемуся со своими полками на севере (27. Стб. 464, 519). Увы, Юрьевичи не знали ещё (или же в страхе забыли), что татары не щадят тех, кто не сдался им сразу, кто попытался оказать хоть какое-то сопротивление, выпустил хотя бы одну стрелу с городских стен. Впрочем, нельзя исключать и того, что имела место пресловутая «лесть» татар, которые могли дать князьям какие-то гарантии сохранения жизни, но потом с лёгкостью обмануть их. О том, что главный город страны «рутен» был взят «не столько силой, сколько коварством», писал современник, хорватский хронист архидиакон Фома Сплитский (59. С. 104)...

Так погибла вся семья великого князя — его жена Агафья Всеволодовна, все три сына — Всеволод, Мстислав и Владимир со своими жёнами, невестками великого князя, его дочь Феодора, только-только появившиеся на свет внуки или внучки. Известие об этом дошло до великого князя поздно — лишь накануне его собственной гибели. И страшно даже представить себе, какие чувства охватили Юрия в ту минуту...

Взятие Владимира стало переломным событием в ходе войны. Организованное сопротивление было подавлено. Но главной целью татар оставался великий князь Юрий Всеволодович. Именно он в самом начале похода был обозначен как их главный противник: великий хан Угедей «отдал повеление чжуванам — Бату и прочим, пойти карательным походом на владетеля народа русских Юрия-бана» — так была сформулирована цель похода в биографии самого знаменитого из монгольских полководцев того времени Субедея, включённой в китайскую хронику «Юань-ши» (11. С. 230).

Татары не нашли Юрия ни во Владимире, ни в Суздале — главных городах княжества. Его местопребывание до времени оставалось неизвестным. А пока не был убит или захвачен в плен правитель, страна его не могла считаться покорённой — таков незыблемый закон войн того времени.

Татарские отряды разделились — частью ради обычных целей войны: грабежа и захвата пленных; частью в поисках «владетеля русских».

Из Лаврентьевской летописи

...Захватив Владимир, татары, окаянные те кровопийцы, пошли на великого князя Георгия. И одни пошли к Ростову, а иные к Ярославлю, а иные на Волгу, к Городцу, и те захватили всё по Волге, даже и до Галича Мерьского (нынешний город Галич в Костромской области. — А. К.), а иные пошли на Переяславль, и тот взяли, и оттуда всю ту страну и грады многие — всё то захватили, даже и до Торжка. И нет такого места или веси, и мало сёл таких, где бы не воевали на Суздальской земле. И взяли 14 городов, не считая слобод и погостов за один месяц февраль на исходе 45-го года...[\[178\]](#)

(27. Стб. 464)

Среди городов, пленённых татарами, летописи называют также Юрьев-Польский, Дмитров, Волок Ламский, Кострому, Тверь (в этом городе был убит «сын Ярославль» — возможно, неизвестный из летописей

сын князя Ярослава Всеволодовича, племянник Юрия, а возможно, сын какого-то другого, также оставшегося не известным нам Ярослава) (22. С. 76). Для точного счёта позднейший московский книжник прибавил к названным в ранних летописях двенадцати городам («А всего за один месяц февраль взяли татары 14 городов») ещё Кашин и Кснятин в Тверской земле.

Некоторые из русских городов, захваченных и разорённых татарами в феврале — марте 1238 года, упоминаются в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина; правда, идентификация их далеко не всегда бесспорна. Персидский историк отмечал мужество русских, хотя, конечно, его больше интересовали подвиги своих, монголов:

Осадив город Юргия Великого (Владимир. — А. К.), взяли его в восемь дней. Они ожесточённо дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их. Город Переяславль (в источнике: Кыркла или Каринкла, так что перевод сугубо предположительный. — А. К.), коренную область Везислава (Всеволода Большое Гнездо? или Всеволодовича? — А. К.), они взяли сообща в пять дней... После того они ушли оттуда, порешив на совете идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся на пути, брать и разрушать.

(51. С. 39. Перевод Ю. П. Верховского)

Весь февраль великий князь Юрий Всеволодович провёл на севере, в ярославских лесах, уклоняясь от столкновения с татарами, скрываясь, накапливая силы. Однако в решающий момент, когда ему пришлось-таки сразиться с татарами, сил у него как раз и не оказалось. В преследовании и поимке Юрия участвовали наиболее мобильные части монгольского войска. Источники называют в этой связи двух выдающихся военачальников — Бурундая (обычно действовавшего вместе с Батыем) и Субедея (принимавшего участие во всех важнейших операциях монголов). По своим полководческим дарованиям оба далеко превосходили и самого Юрия, и поставленного им во главе войска Жирослава Михайловича.

Лишь на исходе февраля Юрий узнал о падении Владимира и гибели всей своей семьи. Автор летописи вкладывает в уста великому князю слова псалмопевца Давида — единственные способные передать ту скорбь, которая охватила его:

Пришла весть к великому князю Юрию: «Владимир взят и церковь соборная, и епископ и княгини с детьми и со снохами и с внучатами в огне погибли, а старшие сыновья, Всеволод с братом, вне града убиты, люди перебиты, а на тебя идут».

Он же, услышав это, возопил громким голосом, со слезами, плача о правоверной вере христианской, прежде всего о церкви и о епископе и о людях, ибо милостив был, а потом уже о себе и о жене и детях. И, вздохнув из глубины сердца, сказал:

— Господи! То ли угодно милосердию твоему?!

Новый Иов^[179] был терпением и верой к Богу!

И начал молиться такими словами:

— Увы мне, Господи! Лучше бы мне умереть, нежели жить на этом свете! Ныне же что ради остался один я?

И когда молился он так со слезами, внезапно подошли татары. Он же, оставив печаль, сказал:

— «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред тобой ни один из живущих. Враг преследует душу мою» (Пс. 142: 1–3).

И опять, во второй раз помолился:

— «Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю; спаси меня от всех гонителей моих и избавь меня» (Пс. 7: 2).

И пришли безбожные татары на Сить против великого князя Георгия...

(27. Стб. 464–465)

Получается, что татары узнали о местонахождении великого князя тогда же или почти тогда же, когда до него добрались наконец гонцы из Владимира. И развязка трагедии оказалась стремительной.

Главное, что не удалось сделать Юрию и его воеводам, — это вовремя организовать разведку и систему охранения, «сторожу». Стараясь уклониться от любого столкновения с татарами, они оказались в неведении относительно их собственных перемещений. Все действия русских были запоздалыми, и нападение татар стало для них неожиданностью.

4 марта 1238 года произошла битва, скорее напоминавшая побоище. Правда, восстановить ход событий мы можем только предположительно, поскольку и битва на Сити, и гибель великого князя Юрия Всеволодовича описаны в летописях, а отчасти и в иноязычных источниках, с одной стороны, очень кратко, а с другой — противоречиво и неясно.

Из Лаврентьевской летописи

...Слышав же (о подходе татар. — А. К.), князь Юрий с братом своим Святославом, и с племянниками своими Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, и с мужами своими выступил против поганых. И сошлись обе рати, и была сеча зла, и побежали наши перед иноплеменниками, и тут убит был князь Юрий, а Василька в плен взяли безбожные и повели в станы свои. Случилось же это зло месяца марта в 4-й день, на память святых мучеников Павла и Иулиании. И тут убиен был князь великий Юрий на реке Сити, и многие из дружины его убиты.

(27. Стб. 465)

Из Ипатьевской летописи

...Юрий же князь, оставив сына своего и княгиню во Владимире, вышел из города и начал собирать воинов около себя. И не было у него сторожи, и обошёл его беззаконный Бурундай, весь город^[180] изгоном (стремительно. — А. К.) захватил, а самого князя Юрия убили.

(28. Стб. 779; 7. С. 106)

Из русских прибавлений к «Летописцу вскоре» Никифора, патриарха Константинопольского^[181]

...В 15-е лето княжения Юрьева, а от Адама лет 6746 татары пленили землю Суздальскую. В лето 6746^[182] татары убили князя Юрия и Василька и иных много...

(24. С. 132)

Из Новгородской Первой летописи

...Иные же (из татар. — А. К.) погнались за князем Юрием на Ярославль. Князь же Юрий послал Дорожа^[183] в разведку^[184] с тремя тысячами. И прибежал Дорож, говоря:

— А уже, княже, обошли нас вокруг!

И начал князь полк^[185] ставить возле себя, и вот внезапно напали татары. Князь же, не успев ничего, побежал. И когда был на реке Сити, настигли его; и жизнь свою закончил тут. Бог же весть, как скончался: много ведь глаголют о нём иные.

(22. С. 76, 288)

Из Новгородской Четвёртой летописи

В лето 1238. Князь Юрий послал Дорожа в разведку с 3000 воинами. И прибежал Дорож, и сказал:

— Княже, обошли нас вокруг!

И воссел Юрий на коня — с братом своим Святославом, и с племянниками Васильком, Всеволодом и Владимиром. И начали полки ставить возле себя; и вот внезапно напали кровопроливцы, [кровь] христианскую [проливающие] на Сить. И сошлись оба полка, и была великая битва. Гневом Божиим не было такового зла: побежали наши перед иноплеменниками, и убит был тут великий князь Юрий Всеволодович Владимирский...

(29. С. 218)

Из Никоновской летописи

...И сошлись оба полка, и была брань велика и сеча зла, и лилась кровь, аки вода...

(33. С. 110)

Из «Истории архиепископов Салоны и Сплита» архидиакона Фомы Сплитского

...Сначала они окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль^[186] и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого короля по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа.

(59. С. 104. Перевод О. А. Акимовой)

Из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина

...Эмир этой области Ванке Юрку (с таким непонятным титулом передано здесь имя князя. — А. К.) бежал и ушёл в лес; его также поймали и убили...

(51. С. 39)

Точное место битвы нам не известно, хотя историки и краеведы вот уже почти два столетия не оставляют попыток установить его (85; 95. С. 90–91; и др.). На реке Сити, в Тверской и Ярославской областях, на настоящий момент имеются по крайней мере три точки, отмеченные памятными знаками, свидетельствующими о том, что битва происходила именно здесь: это село Божонка Сонковского района Тверской области в верхнем течении реки, деревня Лопатино в Некоузском районе Ярославской области и Семеновское городище возле деревни Себельское в Брейтовском районе, тоже Ярославской области (это в среднем и нижнем течении Сити), однако признаемся честно, что оснований для подобных приурочений у нас нет. Река Сить невелика и неширока, особенно в верхнем течении, окружена болотами и лесами, и её окрестности нелегко представить полем для битвы с участием огромных масс людей (а ведь если одна только разведка князя Юрия Всеволодовича, по летописи, насчитывала три тысячи человек, то какова же была общая численность его войска? численность же татар была едва ли меньшей). Понятно, что Юрий уходил по льду реки и по льду же его нагоняли враги. Преследование Юрия и его потерявшего управление войска растянулось, наверное, на многие километры. И надо думать, что на Сити — реке, навсегда вошедшей в русскую историю, — разыгрался лишь последний акт трагедии — здесь приняли смерть великий князь Юрий Всеволодович и многие из его войска.

Загадочная и многозначительная фраза новгородского летописца: «Бог

же весть, как скончася; многие бо глаголют о нём инии» — заставляет историков задуматься. Что говорили «иные» о князе Юрии и как он погиб, мы в точности так и не знаем — автор не стал уточнять это или приводить чужие мнения. Известно лишь, что Юрию отсекали голову: её впоследствии нашли и положили в гроб, в котором уже покоилось тело великого князя. Возможно, это свидетельствует о том, что князь погиб не в бою, но попал в плен и был убит татарами, которые именно таким способом расправлялись с главными из своих врагов. Так, например, после взятия Хорезма они обезглавили взятых в плен сыновей хорезмшаха Мухаммеда, чьи головы, насаженные на копья, ещё долго возили по городу (65. С. 107). Так же позднее расправятся монголы и с польским князем Генрихом II Благочестивым после кровопролитной битвы при Легнице в 1241 году: по одним свидетельствам, когда он, смертельно раненный, упал с коня, татары вытащили его с поля боя, «отрубили мечом голову и, сорвав все знаки отличия и одежды, бросили голое тело» (9); по другим, схватив живого, «раздели его полностью и заставили преклонить колена», после чего «голову Генриха, словно овечью, послали... к Батыю и затем бросили её среди других голов убитых» (60. С. 112). Может быть, что-то подобное произошло и с князем Юрием на Сити? А его отрезанная (и, может быть, тоже отправленная Батыю?) голова, как и головы других врагов монголов, должна была свидетельствовать о полном подчинении завоёванной ими страны?

О том, что Юрий был захвачен в плен, сообщают и восточные хронисты — и Рашид ад-Дин («...его также поймали и убили», — пишет он о Юрии), и автор китайской биографии Субедея: «Субедей в одном сражении захватил Юрия-бана» (названного чуть выше «владельцем народа русских») (11. С. 230–231, 242). Кстати, только из этой биографии, вошедшей в китайскую хронику «Юань-ши», мы узнаём об участии Субедея в битве на Сити и расправе с Юрием.

Впрочем, есть ещё один рассказ об обстоятельствах гибели великого князя. Он принадлежит некоему владимирскому книжнику, трудившемуся в XVII веке над составлением новой редакции Жития князя Александра Невского. Множество включённых в эту редакцию подробностей выказывает в авторе человека, обладающего богатой фантазией. Обстоятельства обнаружения после битвы сначала тела, а затем головы великого князя Юрия Всеволодовича побудили владимирского автора домыслить ситуацию такой, какой она, по его мнению, могла быть:

...Убиен бо бысть на сем бою, отсеченна бысть святая глава

его от честнаго его телеси прочь... Некий бо татарин скачуща его на коне посече саблюю, и тольма прытко, яко не подержася (не удержалась. — А. К.) святая глава его, отпаде далеко, тако же и тело отомча конь далеко от того места и сверже на землю далеко от главы.

(17. С. 206)

Однако свидетельство это, конечно же, можно признать лишь догадкой, домыслом агиографа XVII столетия.

Обращает на себя внимание ещё и тот факт, что из пяти князей, упомянутых в рассказе о Юрии Всеволодовиче, на поле боя погибли лишь сам великий князь и, вероятно, его племянник Всеволод Константинович^[187]. Ещё один, Василько Ростовский, оказался в плену и был убит татарами позднее. Двое других, Святослав Всеволодович и Владимир Константинович, уцелели и, более того, сохранили за собой княжеские уделы. Очевидно, в самом побоище они участия не принимали или же оказались в плену и исполнили все требования татар.

Судьба Василька Константиновича, старшего из племянников Юрия, оказалась трагической. Татары увели его с собой куда-то к «Шеренскому лесу» (его точное местонахождение неизвестно) и там, по словам летописной повести, стали понуждать «обычаю поганскому быти в их воле и воевати [вместе] с ними».

Что касается первого требования (принять «обычай поганский» и «отлучиться от христианской веры»), то оно едва ли могло иметь место: монголы никогда не принуждали представителей покорённых народов обращаться в их веру. (Хотя многое из того, что татары требовали от явившихся к ним на поклон, могло выглядеть в глазах православных людей «отступлением от веры».) Но вот отказ воевать вместе с татарами — а это, как мы уже знаем, было обычной практикой на завоёванных ими землях — действительно мог привести к трагической развязке. По летописи, Василько с негодованием отверг оба предложения и начал, напротив, обличать нечестивцев: «О глухое царство осквернённое! Никоим образом не отлучите меня от христианской веры, пусть и в великой беде пребываю...», за что окаянные «без милости» убили его и бросили тут же в лесу. Летопись рассказывает, что некая жена поповича увидела брошенное тело и рассказала об этом мужу. Они взяли тело князя Василька, завернули его в саван и схоронили в укромном месте. Позднее, когда стало известно место погребения Василька Константиновича, ростовский епископ Кирилл

и вдова князя, княгиня Мария Михайловна, послали за ним и перенесли тело в Ростов, где его встречало множество народа. Князь Василько был погребён с почестями в ростовском Успенском соборе. Ныне он почитается как святой, один из покровителей Ростовского края.

А что же брат Юрия Ярослав Всеволодович? Повторюсь: мы ничего не знаем о том, почему он не пришёл на помощь старшему брату, и даже не знаем, где он находился в то время. Зато знаем, что Ярослав сохранил свои силы и располагал вполне боеспособным войском. Так, под 1239 годом, то есть уже после того как он занял освободившийся после смерти брата владимирский стол, летопись сообщает о войнах Ярослава на западе Руси — в том числе и против его недавнего врага в борьбе за Новгород и Киев Михаила Черниговского, которому пришлось из-за татар бежать из Руси:

...В том же году ходил Ярослав к Каменцу^[188]: град Каменец взял, а княгиню Михайлову со множеством полона привёл к себе^[189]...

(Впрочем, вскоре Ярослав отпустил жену Михаила к её брату, Даниилу Галицкому. — А. К.)

В том же году Ярослав пошёл из Смоленска на литву, и литву победил, и князя их захватил; и, урядив смолян, посадил на княжение князя Всеволода^[190], а сам со множеством полона и с великой честью вернулся восвояси.

(27. Стб. 469)

Гибель брата дала возможность Ярославу занять по праву «старейшинства» великокняжеский престол. И именно он стал первым русским князем, получившим — уже после ухода татар из пределов Владимирской Руси — ярлык на великое княжение из рук покорителя Руси Батгя. И он же спустя несколько лет, исполняя волю Батгя, отправится в Каракорум, столицу Монгольской империи, к «царю», как называли на Руси монгольских ханов (само слово свидетельствует о том, что власть их не ставилась на Руси под сомнение), — для подтверждения своего права владеть «отчими» землями. Так русским князьям (и Ярославу — первому) удастся сохранить прежние структуры княжеской власти, пусть и ценой включения их в государственные структуры великой Монгольской империи. Да и вся последующая политика Ярослава — политика лояльности по отношению к завоевателям и полной покорности им, безоговорочное признание их верховной власти — на столетие вперёд

определил политику русских (и в первую очередь московских) князей и положение Северо-Восточной Руси как покорного вассала Золотой Орды.

*

...Побоище на Сити в глазах татар означало победоносное завершение войны. Но отнюдь не завершение грабежа завоёванной ими земли. Именно после гибели Юрия царевичи, по словам Рашид ад-Дина, собрались на совет, «порешив... идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся на пути, брать и разрушать» (51. С. 39). И таких, ещё неразорённых областей оказалось немало.

Ещё до гибели Юрия Всеволодовича, 21 февраля, один из татарских отрядов осадил Торжок, южный форпост Новгородской земли. Осада продолжалась около двух недель или, может быть, чуть больше.

Из Новгородской Первой летописи старшего извода

...И окружили весь тыном, так же, как и другие города брали. И били окаянные из пороков в течение двух недель, и изнемогли люди в городе, а из Новгорода им уже не было помощи, но были все там в недоумении и страхе. И так взяли поганые город, и перебили всех, от мужского пола и до женского, священнический чин весь и монашеский; а всё изобнажено и поругано, горькою и бедною смертью предали души свои Господу...

По следам бежавших из Торжка русских татары устремились ещё дальше на север, по направлению к Новгороду, и казалось, что богатейший город Руси ничто не может спасти. Но произошло удивительное — татары повернули назад, хотя находились всего в 100 верстах от Новгорода. Историки до сих пор спорят о причинах неожиданного отступления жестоких завоевателей. Современники же увидели во всём произошедшем чудо, явственное проявление Божией милости:

Тогда же гнались окаянные безбожники от Торжка Селигерским путём, даже до Игнач-креста^[191], и секли людей всех, словно траву, [не дойдя] 100 вёрст до Новгорода. Новгород

же сохранил Бог и святая великая и соборная апостольская церковь Святой Софии, и святой Кирилл, и молитва святых благоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных черноризцев иерейского собора...

(22. С. 76)

Названный в летописи Кирилл — это, по всей вероятности, святой Кирилл Иерусалимский, один из Отцов Церкви, чья память празднуется 18 марта. Наверное, можно предположить, что именно в этот день татары повернули назад или что в этот день об их отступлении стало известно в Новгороде.

Что ж, начиналась весна, а с наступлением весны монголы всегда прекращали воевать и давали своим коням возможность отдохнуть и восстановить силы. «С самого начала весны они прекращают боевые действия. После весны они всегда выступают на войну уже с добрыми конями» — так писал упомянутый выше китайский дипломат Сюй Тин, побывавший у монголов накануне их нашествия на Русь (11. С. 59).

Обратный путь татар по Русской земле отмечен всё теми же страшными бедствиями, массовым избиением людей, грабежами и пожарами. Татарские орды шли широким фронтом, захватывая обширные области. Южнорусская летопись сохранила яркий рассказ о героизме защитников Козельска, небольшого города на берегу Жиздры, притока Оки (ныне в Калужской области), в котором княжил юный князь по имени Василий. Город держался семь недель — немыслимый срок, особенно если учесть, что осаждали его основные силы монгольской армии во главе с самим Батыем.

Из Ипатьевской летописи

...Татары же... разбили крепостную стену и взошли на вал, козляне же на ножах резались с ними. Совет сотворили: выйти на полки татарские. И вышли из града, изрубили пороки их, напав на полки их, и убили татар 4 тысячи, и сами перебиты были. Батый же, взяв город, перебил всех и не пощадил никого, от отрочат и до сущих младенцев. О князе же Василии неведомо, что с ним, а иные говорили, что в крови утонул, потому что молод был. С тех пор не смеют татары называть город: Козельск, — но:

«град злый», потому что семь недель бились, и убили у татар трёх сыновей темничих. Искали их татары и не смогли найти среди множества мёртвых тел.

(28. Стб. 780–781)

О том, что город Козельск в течение двух месяцев (то есть даже дольше названного в летописи срока!) отражал атаки Батыея и был взят только после того, как к нему подошли войска остальных царевичей, написал и персидский историк Рашид ад-Дин (51. С. 39). Как видно, мужество защитников города впечатлило даже врагов!

Монголы на время ушли, и Северо-Восточная Русь смогла хоть как-то прийти в себя, убрать трупы, очистить поруганные храмы, подсчитать потери.

Из Лаврентьевской летописи

В лето 6746 (1238). Ярослав, сын великого Всеволода, сел на престол во Владимире. И была радость великая христианам, коих избавил Бог рукою Своею крепкою от безбожных татар...

В том же году великий князь Ярослав отдал Суздаль брату своему Святославу. В том же году отдал Ярослав Ивану Стародуб. В том же году мирно было...

...Так же и этих [князей] избавил Бог от руки иноплеменников: благочестивого и правоверного великого князя Ярослава с благородными его сыновьями, было же их шесть: Александр, Андрей, Константин, Афанасий^[192], Даниил, Михаил; и Святослав с сыном Дмитрием, Иван Всеволодович, Владимир Константинович, два Васильковича: Борис и Глеб, Василий Всеволодович — и все они сохранены были Божию благодатию...

(27. Стб. 467, 469)

Но уход татарского войска в Половецкую степь, а оттуда на Волгу вовсе не положил конец завоеваниям. Отдельные татарские армии вели войны на нижней Волге и Северном Кавказе, в Крыму и других землях. Не забывал Батый и о Руси. В марте 1239 года был взят и сожжён Южный

Переяславль, осенью того же года — Чернигов («и людей перебили», — вновь констатирует летописец, оплакивая гибель и того, и другого города); зимой татары вновь обрушились на мордовские земли, затем на Муром, на русские города по Клязьме, Гороховец (на востоке нынешней Владимирской области)...

...Тогда же был пополох зол по всей земле, и сами не ведали [люди], куда кто бежит.

(27. Стб. 470)

А потом, осенью — зимой 1240 года, пришло время стольного Киева и городов Южной и Юго-Западной Руси. И вторая волна нашествия оказалась ничуть не менее страшной, чем первая, зимы 1237/38 года...

Русь была завоёвана, сожжена, осквернена, сломлена. Люди частью истреблены, частью уведены в рабство. «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле, — писал в 1246 году итальянский монах-францисканец Джованни дель Плано Карпини. — ...Людей тех держат они в самом тяжелом рабстве» (25. С. 51). «Эта страна вся опустошена татарами и поныне ежедневно опустошается ими... — вторил ему десятилетие спустя другой монах-францисканец, Гильом Рубрук. — Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных...» (25. С. 106. Перевод А. И. Малеина).

Большинство городов Руси не пережили нашествия. Надолго обезлюдел стольный Киев, некогда поражавший своим великолепием иноземцев (Плано Карпини насчитал там едва 200 домов, а до нашествия их было не меньше десяти тысяч); уже никогда не возродилась к былой жизни Старая Рязань. А сколько малых и средних городков татары буквально стёрли с лица земли, так что даже имена их остались неизвестны?! Археологи исчисляют их сотнями. Да и большинство из тех, что пережили нашествие, подверглись жесточайшему разорению — недавние раскопки в Ярославле свидетельствуют об этом с ужасающими подробностями...

...Всего этого великий князь Юрий Всеволодович уже не мог знать. Его обезглавленное тело оставалось на месте побоища на реке Сити, среди множества других мёртвых тел, до тех пор, пока его не нашёл ростовский епископ Кирилл. Он бежал от татар на Белоозеро и потому уцелел.

Возвращаясь обратно в Ростов, епископ побывал и на Сити.

Из Лаврентьевской летописи

...Блаженный же епископ Кирилл взял мёртвого князя, идя с Белоозера, и принёс его в Ростов. И, отпев над ним обычные песнопения, с игуменами, и с клирошанами, и со священниками положили его в гроб в церкви Святой Богородицы...

Затем летописец рассказал о мученической кончине князя Василька Ростовского и о принесении его тела в Ростов тем же епископом Кириллом и княгиней Марией. И далее:

...Сего блаженного князя Василька сподобил Бог смерти, подобной Андреевой^[193]. Кровью мученической омыл прегрешения свои с братом и отцом Георгием, великим князем. Ибо сие чудесно было, что и по смерти соединил Бог тела их: принесли Василька и положили в церкви Святой Богородицы в Ростове, где лежит и мать его.

Тогда же принесли голову великого князя Георгия и положили её в гроб, к его телу.

(27. Стб. 465, 467)

Найдена ли была голова великого князя там же на месте побоища на Сити или же она была возвращена в Ростов монголами, летопись не поясняет.

*

Зададимся вопросом: мог ли спастись князь Юрий Всеволодович? Очевидно, что в сложившихся обстоятельствах — нет: ведь именно он был одной из целей монголов, а своих целей они добиваться умели.

Мог ли он спасти хотя бы свою семью? По крайней мере её женскую часть — наверняка: ведь спасся же ростовский епископ Кирилл, бежавший (правда, из Ростова, а не из Владимира) на Белое озеро. Да и многие из князей Северо-Восточной Руси смогли сохранить свои жизни.

Была ли обречена Русь? Пожалуй, да. Ещё битва на Калке показала неспособность русских князей действовать согласованно. Даже во время нашествия Батые на Северо-Восточную Русь князья продолжали биться друг с другом, воевать за Киев, разорять другие русские города. Это не какой-то специфически русский феномен. Нечто подобное мы увидим и несколько лет спустя, во время монгольского нашествия на Европу, когда европейские монархи тоже не сумеют объединить свои силы в борьбе с жестоким врагом, ограничившись лишь взаимными призывами к единению (90. С. 98–142).

Если же начать фантазировать, используя пресловутое «сослагательное наклонение» и рассуждая о том, как *могло бы быть, если бы...* то можно, хотя и с трудом, поднапрячься и представить себе иную, альтернативную историю Руси, в которой после трагедии на Калке русские князья в полной мере осознают грядущую им опасность и начинают действовать исходя из необходимости отражения грядущей угрозы... Рецепт тут один, и он хорошо известен. Ещё в середине XI века князь Ярослав Мудрый, общий предок почти всех русских князей (за исключением полоцкой ветви), завещал своим сыновьям хранить братскую любовь друг к другу, «понеже вы есте братья, единого отца и матери»:

И если будете в любви между собою, Бог будет в вас и покорит вам противящихся вам, и будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и раздорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли её трудом своим великим.

(27. Стб. 161)

Заповедь эту повторяли в наставлениях своим сыновьям все русские князья. Но — тщетно. А ведь князья не так просто обращались друг к другу словами: «брате», «отче» или «сыну» — они и были друг для друга, и ощущали себя братьями, потомками одного великого предка. Но так уж случается, что вражда между близкими родичами оказывается более жестокой и более непримиримой, нежели вражда между чужими людьми, которым зачастую легче договориться: история с неумолимостью, раз за разом подтверждает это на всё новых и новых примерах. И после трагического 1223 года, и накануне ещё более страшного 1237-го не нашлось никого, кто мог бы объединить князей — жестокой ли рукой, силой ли или своим авторитетом...

Великий князь Юрий Всеволодович обладал неоспоримым авторитетом среди прочих русских князей — и как сын Всеволода Великого, и как правитель одного из сильнейших русских княжеств. Его связи и влияние простирались далеко — и на Новгород, и на южнорусские земли, и на соседние восточноевропейские страны, и на Волжскую Болгарию, с правителями которой он заключил мирный договор незадолго до нападения на неё монголов, и на земли черемисов и мордвы. И вновь: *если бы...* Но здесь, в своих фантазиях о возможном «едином фронте» отдельных княжеств и разных государств и народов, противостоящих общему врагу, мы возвращаемся к тому, с чего начали книгу, — к некоему идеальному образу державы князя Юрия Всеволодовича и его предков, которым, как казалось средневековому русскому книжнику, подвластны были все соседние страны и которые могли диктовать их правителям свою волю; возвращаемся к той «светло светлой и украсно украшенной земле Русской», о которой писал автор «Слова о погибели Русской земли». Ибо «единого фронта» не получилось, да и не могло получиться. И тому же Юрию не удалось собрать воедино даже силы собственного княжества, не удалось объединить даже родных братьев.

В подлинной, невымышленной истории Руси он оказался лишь жертвой Батыева разгрома — не первой и, увы, не последней. Но так уж получилось, что именно он стал олицетворением, если угодно, символом этого разгрома, символом неспособности тогдашней Руси отразить натиск завоевателей. И в этом, как ни грустно это сознавать, его историческая роль, которой и определяется его место в истории.

Год 1239. Владимир

Последний год в земной биографии Юрия Всеволодовича — уже не великого князя, но лишь брэнного тела.

Из Лаврентьевской летописи

В лето 6747 (1239). Послал великий князь Ярослав за братом своим Георгием в Ростов. И привезли его к Владимиру, и, не доехав, остановились. Вышли навстречу ему из города епископ Кирилл и архимандрит Дионисий; понесли его в город с епископом и игумены, и священники, и черноризцы, и нельзя было слышать пения из-за плача и громких воплей, ибо плакал весь город Владимир по нему. Ярослав же, и Святослав, и князья русские плакали по нему с дружиной своею, и множество бояр и слуг плакали, лишившись своего князя, убогие — кормителя. Отпев обычные песнопения, положили его в каменный гроб в церкви Святой Богородицы, в гробнице, где лежит Всеволод, отец его.

(27. Стб. 467–468)

...Несколько столетий спустя сложилась легенда, согласно которой при перенесении тела во Владимир собравшиеся лицезрели настоящее чудо:

...и положили его в соборной церкви Пресвятой Богородицы, в южном приделе, с надгробными песнями. Всем же собравшимся видимо было чудо преславное и удивления достойное: как святая глава его так совокупно прилепилась к честному телу его, что и следа отсечения не было видно на шее его, но все сочленения целы и нераздельны, каковы и донныне в гробе пребывают, всеми видимые, и вызывающие удивление, и достойные почитания^[194].

Ещё же видима была и десная рука его, кверху воздетая: ею же, словно живой, указуя подвиг своего свершения: как восприял от Бога вместо земного царствия небесных и вечных благ

наслаждения вместе с царственной своей супругою, и с тремя благороднейшими сыновьями, и с единственной дочерью.

(58. С. 500–501)

*

Завершая рассказ о перенесении тела из Ростова во Владимир, автор Лаврентьевской летописи включил в него торжественный панегирик, посмертную похвалу князю Юрию Всеволодовичу (написанную не без влияния летописной же похвалы князю Андрею Боголюбскому, также принявшему насильственную смерть — но от рук заговорщиков в 1174 году^[195]). Им мы и закончим хронику пятидесяти лет его земного бытия, ибо, как уверяет нас древний летописец, если и грешен был великий князь в своей земной ипостаси, то пролитая им кровь с лихвой смыла его прежние прегрешения — ибо «если не напасть, то не венец, если не мука, то не воздаяние»:

Был Юрий, сын благоверного отца Всеволода, украшен добрыми нравами, о них же немного скажем. Ибо сей чудный князь Юрий старался Божии заповеди хранить, и страх Божий имел в сердце, помня слово Господне, сказанное об этом:

«По тому узнают все люди, что вы Мои ученики, если будете любить друг друга» (ср. *Ин. 13: 35*); «и не только друзей, но и врагов ваших любите и добро творите ненавидящим вас» (ср. *Мф. 5: 43*).

Всех злоумышляющих против него, преждедеченных безбожных татар отпустил, одарив их; ибо прежде присылали злые те кровопийцы послов своих, говоря: «Мирись с нами!» Он же того не захотел, по словам пророка: «брань славна лучше постыдного мира», ибо сии безбожные, лживый мир предлагая, великую пакость земле причиняют, как и здесь много зла причинили. Ибо Бог казнит разными казнями, дабы явились, как золото, очищенное в горниле, ибо христиане через многие напасти могут войти в Царствие небесное, по словам самого Христа Бога:

«Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его» (*Мф. 11: 12*).

Георгий, — мужеству тезоименитый, — кровью омылись

страдания твои! Ибо если не напасть, то не венец, если не мука, то не воздаяние! Всякий, живущий в добродетели, не может быть без врагов.

Милостив же был паче меры, вспоминая слово Господне: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5: 7). Потому и не щадил имения своего, раздавая нуждающимся и церкви строя и украшая иконами бесценными и книгами. И города многие поставил, прежде всего — Новгород второй на Волге, в устье Оки, и церкви многие создал, и монастырь Святой Богородицы в Новгороде (Нижнем. — А. К.). Весьма почитал иноческий чин, и священнический, подавая им всё необходимое. Оттого и Бог прошения его исполнял, наполняя лета его доброденствием. И сидел во Владимире на отчем престоле 20 лет и четыре, а на пятое убит был безбожными и погаными татарами; случилось же это всё за грехи наши...

(27. Стб. 468–469)

Часть вторая. Святой Георгий Владимирский в церковном предании

Великий князь Юрий Всеволодович принял смерть уже после того, как была истреблена вся его семья. Потомков у него не осталось, его линия внутри разветвлённого рода князей Рюриковичей пресеклась. Вероятно, поэтому какого-то особого почитания князя-мученика не сложилось. В отличие, например, от почитания ростовского князя Василька Константиновича, принявшего смерть от татар почти одновременно с ним, или князя Михаила Черниговского, замученного Батыем в 1246 году; память того и другого почиталась в Ростове, где княжили дети Василька и внуки Михаила Борис и Глеб, а власть предержала вдова Василька, княгиня Мария Михайловна. В древней Руси князья часто молились у гробниц своих родителей и дедов (как молился, например, сам Юрий у гроба своего отца Всеволода после Липицкой битвы): прибегали к их небесному заступничеству и объясняли их помощью свыше свои свершения. К небесному заступничеству Юрия прибегать было некому...

Саркофаг князя находился во владимирском Успенском соборе вместе с саркофагами большинства других владимирских князей. И только с XVI века появляются сведения о церковном почитании князя Юрия (в церковной традиции Георгия) Всеволодовича — вместе с другими владимирскими князьями, похороненными рядом с ним. Имя князя Георгия Всеволодовича было включено в Помянник русских князей и княгинь, созданный в 1556–1557 годах по указанию царя Ивана Грозного, в раздел «А сех поминати на понахидах» (77).

Образ святого и благоверного князя — мученика и страстотерпца — явственно выступает на страницах Степенной книги царского родословия — памятника официальной московской идеологии XVI века. Рассказ о его трагической гибели включён в 7-ю «степень», «главным героем» которой является брат Юрия Ярослав — прямой предок московских великих князей и царей. Непосредственно же Юрию посвящены несколько глав этой «степени» — 4-я и 10–12-я (58. С. 492–501). Повествование Степенной книги выдержано в житийном, агиографическом ключе, и не случайно, что именно оно стало основой будущего Жития святого князя Георгия Всеволодовича. Отметим особо, что гибель князя на реке Сити была ошибочно датирована в Степенной книге 4 февраля, вместо правильного 4

марта (58. С. 500). Вследствие этой ошибки память князя стала впоследствии отмечаться Церковью 4 февраля^[196].

О почитании князя Георгия Всеволодовича во Владимире в правление царя Ивана Грозного свидетельствует одна из редакций Жития Александра Невского (самая обширная и многословная из всех редакций), составленная в 1591 году бывшим архимандритом владимирского Рождественского монастыря, а в то время архиепископом Вологодским и Великопермским (будущим митрополитом Ростовским) Ионой Думиным. В текст Жития этой редакции были включены соответствующие главы из Степенной книги, посвящённые Юрию (17. С. 56–63). Отдельный же рассказ с упоминанием его имени вошёл в ту часть Жития, где повествуется о чудесах святого Александра Невского.

Со слов монаха того же Рождественского монастыря Антония автор Жития записал рассказ о чудесном видении, случившемся двумя десятилетиями раньше: Георгий вместе с другими князьями, своими сродниками, — первыми русскими святыми Борисом и Глебом, а также Александром Невским (могицы которого лежали тогда во владимирском Рождественском соборе) и похороненными во владимирском же Успенском соборе отцом Всеволодом Большое Гнездо, дядей Андреем Боголюбским и братом Ярославом и плюс к ним ростовским святым Петром, царевичем Ордынским^[197], — восстав из гроба, отправился на помощь русскому воинству, вступившему у подмосковного села Молоди в жестокую битву с рвавшимися к Москве крымскими татарами (30 июля 1572 года). «Скорые помощники во бранях отечеству своему» — так назвал архиепископ Иона и Георгия, и других упомянутых в Житии владимирских князей (17. С. 123–124).

Но в том же XVI веке возник и совсем другой текст, посвящённый князю Георгию Всеволодовичу. Отчасти мы уже говорили о нём. Текст этот читается в особой, так называемой Чудовской, редакции Жития князя Михаила Черниговского и боярина его Фёдора, сохранившейся в единственном списке в рукописи из библиотеки московского Чудова монастыря (издана Н. И. Серебрянским: 55. *Тексты*. С. 80–86). Михаил Черниговский, замученный татарами в 1246 году, приходился шурином Юрию Всеволодовичу. Долгое время они были союзниками, потом стали политическими противниками. Но гибель от рук татар, казалось бы, навсегда примирила их. Тем не менее автор Чудовской редакции Жития отнёсся к князю Юрию (Георгию, или Егорию) Всеволодовичу с крайней враждебностью, едва ли не как к главному виновнику ордынского

нашествия на Русь.

Сообщив об изгнании Михаилом прибывших к нему татарских послов (общий сюжет разных редакций Жития князя Михаила и боярина Фёдора), автор вставил в своё повествование рассказ о событиях в Северо-Восточной Руси. Оказывается, что княживший тогда во Владимире князь Георгий был человеком во всех отношениях недостойным: «живуще ему свиньскы, во мнозе кале греховне и скверне», — и это ещё далеко не все эпитеты, которые используются по отношению к нему. Страшась неведомых завоевателей, князь отправляется к некоему старцу, пещернику, имя которого звучит очень необычно — Каламирисо^[198]. Старец, однако, отказался говорить с князем. А когда князь отправил к нему свою юную невинную дочь Феодору, то объявил ей со слезами, что наказание Божие неотвратимо из-за грехов и злоб её отца. То же позднее подтвердил князю и другой, безымянный пещерник, живший в 20 поприщах от Владимира. Так, «по проречению святых старец», вся страна была разорена безбожным царём Батыем; убиты были и князь Георгий, и вся его семья.

Я не готов видеть в приведённой характеристике князя «отголосок народной молвы» или «народную легенду», пусть и дошедшую до книжника XVI века, «в изменённой уже версии» (55. С. 50–54). Мне кажется, что рассказ о «свински живущем» князе, его дочери Феодоре и пещернике со столь вычурным и, по-видимому, греческим именем имеет, скорее, книжное происхождение. Выше мы уже говорили в самом общем виде о том, почему к XVI веку возникла потребность в более конкретном объяснении причин трагедии, постигшей Русь, и почему мог поменяться взгляд на поведение Юрия Всеволодовича (см. 129. С. 217–230). Однако объяснить происхождение этого памфлета я не готов. Ясно лишь, что в XVI веке личность князя в разных областях Московского государства воспринималась крайне неоднозначно.

22 января 1645 года состоялось перенесение мощей князя Георгия Всеволодовича из каменной гробницы, стоявшей в алтаре Благовещенского придела, в серебряную позолоченную раку в центре собора у южного столпа. Эта «сребропозлащённая» рака была изготовлена на средства патриарха Иосифа (1642–1652), уроженца Владимира, который особенно почитал владимирского князя. По-видимому, именно он был инициатором канонизации князя Георгия, состоявшейся тогда же (135. С. 377–380). Впрочем, служба святому Георгию была составлена ещё раньше (наиболее ранний список датируется временем около 1630 года: 56. С. 24) и издана на московском Печатном дворе в 1637–1638 годах. В 1646 году имя князя Георгия Владимирского было внесено в святцы.

К сожалению, «сребропозлащённая» рака 1645 года не сохранилась. Она была отправлена в переплавку в 1941 году; существующая же ныне гробница датируется второй половиной XX века (56. С. 28–30). С крышки раки XVII века были лишь сняты чеканные иконки с изображением владимирских святых — самого Георгия Всеволодовича, Андрея Боголюбского, Александра Невского; они хранятся во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике.

В связи с перенесением мощей 1645 года было составлено Житие святого князя. В настоящее время оно известно в трёх вариантах, которые правильнее называть тремя разными Житиями. Примечательно, что два из них были открыты в самое недавнее время.

Наиболее раннее, названное Владимирским, было написано накануне перенесения мощей святого. Оно дошло до нас во многих списках XVII–XIX веков. В его основу положен летописный текст (из Симеоновской или подобной ей летописи) с включениями из Степенной книги (издано: 56. С. 51–70). Ни в литературном, ни в историческом отношении Житие это не даёт ничего нового и не представляет особого интереса.

Второе Житие, наиболее интересное и в литературном, и в историческом отношении, названное Костромским, известно в единственном списке второй четверти XVIII века. Оно составлено на основе Степенной книги, но включает в себя летописные и местные известия — в том числе красочную легенду об основании князем города Юрьевца Повольского, занимающую едва ли не центральное место (Житие издано: 56. С. 120–155). По аргументированному предположению А. В. Сиринова, автор Жития — известный в первой половине — середине XVII века книжник Сергей Шелонин, бывший в 1647 году настоятелем костромского Ипатьевского монастыря. Он проявлял интерес к личности князя Георгия Всеволодовича; сохранилась подборка его выписок о князе из Степенной книги (135. С. 379–380; издано: 56. С. 99–120).

Третье, Выговское, Житие князя Георгия Всеволодовича было написано в Выговской обители, крупнейшем старообрядческом центре так называемого Поморского согласия на Русском Севере, в 1712–1715 годах при составлении полного комплекта так называемых Выговских Четьих миней (издано: 66. С. 309–315). В его основе также лежат выписки из Степенной книги, дополненные вставкой из Симеоновской летописи. Однако к обоим своим источникам автор Жития, что вполне понятно, обращался вне всякой зависимости от авторов других редакций Жития князя Георгия.

Святой князь Георгий, «истинный и добрый пастырь, душу свою на

сражении за стадо из церкви Божия положивый», особо почитался в старообрядческой среде. Показательно, что на иконе «Образ всех российских чудотворцев», происходящей из той же Выговской обители, князь Георгий Владимирский помещён в первом, самом почётном ряду благоверных князей, в который вошли равноапостольные Владимир и Ольга, князья Борис и Глеб, Александр Невский, Михаил Черниговский и боярин Феодор (66. С. 308).

Наконец, князь Георгий стал главным героем так называемой Китежской легенды («Книги глаголемой Летописец»; издание и перевод на современный русский язык Н. В. Поньрко: 6. С. 168–183). В своём окончательном виде Сказание о граде Китеже сложилось во второй половине XVIII века в среде старообрядцев-беспоповцев, хотя, по традиционному мнению исследователей, «обе составные части памятника, достаточно обособленные и самостоятельные, уводят в XVII век» (6. С. 481). Именно князь Георгий, согласно этой легенде, возводит Успенские соборы в Новгороде, Москве, Ростове — что исторически, разумеется, совершенно невероятно; отплыв от Ярославля вниз по Волге, основывает град Малый Китеж (воспоминание об отъезде князя Юрия Всеволодовича из Владимира в Городец в 1216 году? или же переосмысление легенды об основании князем града Юрьевца, и тоже на пути по Волге из Ярославля, согласно так называемому Костромскому Житию?). По мольбе жителей князь переносит сюда Фёдоровскую икону Божией Матери (главную святыню Костромской земли) и основывает во имя неё монастырь. А затем, отправившись сухим путём от Малого Китежа, строит на берегу озера Светлояр новый город — Большой Китеж, и основывает в нём церкви во имя Воздвижения Честного Креста, Успения и Благовещения Богородицы. Этому городу и суждено было стать символом уходящей Руси, ибо «не видим будет Большой Китеж даже и до пришествия Христова», а откроется он лишь тому, кто «обещается истинно идти в него, а не ложно, и от усердия своего постытиса начнет, и многие слезы пролиет, и пойдёт в него, и обещается тако, аще и гладом умрети, а из него не изыти...» (6. С. 178).

Но князь Георгий Всеволодович Китежской легенды — это собирательный образ. Ему приписываются деяния, совершённые на самом деле другими князьями. Отцом князя Георгия оказывается не Всеволод Юрьевич, а его тёзка, псковский князь Всеволод (Гавриил) Мстиславич, почитаемый русский святой, умерший ещё в 1138 году (в Китежской легенде его смерть отнесена к 1163 году), почему и Георгий начинает свой княжеский путь в Пскове. Мало того, отец Георгия назван здесь внуком князя Владимира — но не Мономаха, что было бы верно и для Всеволода-

Гавриила Псковского, и для Всеволода Большое Гнездо, а Крестителя Руси равноапостольного Владимира. И Всеволод Псковский, и Андрей Боголюбский, и Михаил Черниговский — князья, жившие в разное время, но равно почитаемые в старообрядческой среде, также становятся героями Китежской легенды и современниками Георгия.

Как предположил исследователь памятника и всей агиографической традиции, посвящённой князю Георгию Всеволодовичу, А. В. Сиренов, на составление Китежского летописца оказала влияние одна из редакций Жития святого князя — а именно Костромское Житие, в котором описывается основание князем Юрием Всеволодовичем нового города на Волге — Юрьевца Повольского (56. С. 162–165). И действительно, и здесь, и там князь основывает один за другим два города (в Житии — Нижний Новгород и Юрьевец на Волге; в Китежской легенде — Большой и Малый Китежи); в обоих произведениях он следует водным путём из Ярославля, строит церкви, чудесным образом обретает иконы. Но если так, то и сама Китежская легенда в своей основной части не могла появиться на свет ранее середины XVII века^[199].

В свою очередь, Сказание о граде Китеже оказало огромное влияние на русскую культуру XIX–XX веков. К этому сюжету обращались и писатель П. И. Мельников-Печерский (благодаря которому образованные читатели и познакомились с легендой о чудесном граде), и композитор Н. А. Римский-Корсаков, и поэты Андрей Белый и Николай Клюев, и художники И. Я. Билибин, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих. Многих завораживает эта легенда и сегодня, а иные даже пытаются расслышать колокольный звон и чудесное пение, доносящиеся со дна озера Светлояр, что расположено на севере Нижегородской области. И князь Юрий как основатель Китеж-града и герой оперы Римского-Корсакова многим знаком лучше, чем князь Юрий, правитель Владимирского княжества первых десятилетий XIII века...

Остаётся сказать о почитании князя Юрия (Георгия) Всеволодовича сегодня. Особенно горячо чтут его память во Владимире — городе, в котором он правил и где почивают его мощи, и Нижнем Новгороде — городе, основанном им. Его мощи были возвращены Церкви (после их вскрытия и изъятия в 1919 году) в 50-е годы XX века и ныне почивают открыто в застеклённом саркофаге во владимирском Успенском соборе, в центре храма, доступные поклонению верующих.

Память благоверного князя празднуется ныне 17 (4-го по старому стилю) февраля, а также 6 июля — в Соборе Владимирских святых, в первое воскресенье после 12 июля — в Соборе Тверских святых и в первое

воскресенье после 8 сентября — в Соборе Нижегородских святых.

*

Ниже приведены некоторые, наиболее интересные, на взгляд автора, тексты, посвящённые святому Георгию (Юрию) Всеволодовичу.

Из Степенной книги царского родословия

Степень седьмыи и два митрополиты: Кирил, Иосиф, и грань седмая, в нем же глав 16

<...>

Глава 4. О великом князе Георгии Всеволодичи. Победа на бльгары, и о бывшей скръби в Руси, и яко не токмо милость от Бога мерится, но и гнев по мере за грехи наводит Бог

По великом князе Константине, сыне Всеволожи Георгиевичи Дльгорукаго, паки Владимирьскую дръжаву приат брат его, сии великии князь Георгии, юже преже вручи ему отець его Всеволод. Тогда же бльгары вльжьския и камьския неправдоваху ему и град Устюг лестию взяша. И сего ради великии князь Георгии посла на них брата своего Светослава. И Богу поспешествующю ему, с множеством воиньства своего взя многыя их грады и веси, и вся области их поплениша, и многое воиньство их победиша, и плену бесчислено взяша, и приидоша здрави въсвояи.

<...>

Глава 9. О гневѣ Божии и о нахождении безбожнаго Батыя на Русьскую землю

Егда же не исправихомся и непотребни быхом, зависти же и гордости и неправды не лишихомся, и дръжавнии наши аще и благочестиви бяху, но обаче друг пред другом честь и начальство получитьи желаше, и един одинаго от отеческаго достояния изганяше, и кождо самочинне тцашеся самодръжьство въсхитити, и сам стареишиньствовати хотяше Русьским царствием, и брат на брата иноплеменные языки поганых варвар наводяше, понеже самовльне не могохом отвратитися от злюб сих, и того ради усугубляше Бог праведный гнев Свой и попусти на ны тяжчаишая напасти.

Великое пленение. И яко бичем от вервии не наказахомся, и того ради пророческое слово на нас исполнися, яко же рече: «Палицею железною упасеши их» (ср. Пс. 2: 9). И тако жестоким пленением в запустение предаде тогда многыя грады и места Русьскаго царствия, и таковым тяжчаишим наказанием прочее преблагый Бог, хотя конечнаго запустения свободити нас, тогда же мучителнейшаго варвара, кровояднаго царя Батыя, от вьсточныя страны наведе на Русьскую землю, прьвие на Рязань, потом же на Коломну, и на Москву, и на Владимирь, и на иныя многыя грады, с многою злобою вся испровращая, яко же лютыи некий зверь вся поядая, останки же ноготми растерзая. Его же лютостию храбреиших русьских

сынов многих мечь пояде, овии же плещи вдаша сопротивным. Скипетродръжатели же овы оружием падоша, овы же в чюжих королевствах укланяхуся гостяще, всякиа помощи отпадше. Ратникъ же грады разоряя, и гражаны овы в плен поплени, овы же оружию ядь полагая, и корысть многу стяжа, княжьска имениа изобрет. Велико зло от него сътворися множеству русьскаго языка. Матери обезчядствовашася, и сосци их млечнии источники уставиша, вместо же тех слезныя струя от очи низвожахуся, видяще младенца своя на земли повръжена и мягкая их удеса коньскими ногами стираемы. И кто может словом сказати болезни их утробныя и ины неисчетныя напасти? Чрътожница повлачимы и всюду обводимы, девы растлеваемы, синклитьския жены, иже никогда же руками своима работному делу касахуся, но рабом своим повелеваху преже, последи же сами повелеваемы варварьскими женами, работну игу выю прекланяюще, пристояху жерновам и горньцу руце придръжащи, огня възжигаящи, с черпалом рыщюще, источники обходящи и водуносящи, трапезе предстоящи и храмину пометаючи. Иногда быша грѣды, тогда же работою склячени, смиришася. Иже иногда златыми монисты и свиляными одеждами красящася, тогда же рубищи раздранны обльчены, боси же и алчны присно. Священныя девы нудими и обругаемы, мужие жен разлучаемы, чяда родителю лишаемы, юноша в плен ведоми, юныя же и старцы мечи пронзаемы, храбрыя же и князи оружием падающе, священници же в жрътвеницех закалаемы. Земля Русьская очервленися кровию, реками лиюущися от телес, воды смешаемы с кровию. Умилен позор весь странно видети: мужие, яко снопие в день жатвы, повръжены, телеса раздроблены смесишася священных мужь и девиць, и не бе кто погребая их. Враном же и псом пища паче предлагаема. Воплеве в градех, рыдания на улицах, плачеве в домех! Повсюду стонание, страх на распутьях! Все ужасошася и изнемогоша, ниже бегством свое спасение кто можаше умыслити, истаявше печалми, яко сетию полячены. Всюду беды, яже ни слово может представить. Тогда же мнози мученическими венци от Бога увязошася.

<...>

Глава 10. Плачь и страдание великаго князя Георгия Всеволодича и прочих с ним

Великии же князь Георгии Всеволодичъ стояше с полки своими на реце на Сити, и ту прииде к нему вестник, яко же древле праведному Йову, поведая ему, яко град Владимиръ взяша татарове: «Епископ же Митрофан, и великая твоя княгини с дщерию твоею, и съ снохами, и с внучаты, и прочая княгини, и множество бояр и людеи в соборной церкви огнем

скончашся. Мнози же от них в то время иноческии образ въсприаша от епископа. Сына же твоего Владимира в граде Москве взяша погани и по многом истомлении у града Владимира показавше, и смърти предаша его. Воевода же Филипп на Москве за веру Христову мучением скончася. Два же старейшая твоя сына Всеволод и Мстислав в новом граде Владимири от тех же безбожных татар убиена быста, инии же людие мнози избие ни быша. Оставшии же людие к тебе грядут». Самодръжец же и прочии с ним, слышавше сиа, и въскричаша с плачем велиим о церковном разорении, о епископе же и о многом кровопролитии христьянском, бжше бо милостив. И въсхлипая из глубины сердца, моляся и вопиа, сице глаголаше:

Молитва. «О Владыко Господи Боже Вседръжителю! Сице ли угодно Твоему человеколюбию, яко врази наши многи грады разориша, и попраша многи церковныя дома святыня Твоя, и множеству людем Твоим тогда злобну пагубу съдеаша? И аз, подобно Иову, лишен бых не токмо супруга и чяд, но и множества Тобою дарованныя ми дръжавы. И не вем, что сътворити, понеже бес числа съгрешихом, и Ты прогневался и зело смирил ны еси. Яко праведен еси, Господи, и праведным судом Твоим множество пролитиа неповинныя крови раб Твоих многи новыя ныне мученики к Себе привел еси. И почто един аз остах смирен и посрамлен? Но, о премилостивый Господи, Господи! Не остави милости Твоя от нас и мене, грешнаго и недостойнаго раба Твоего, сподоби пострадати с христоименитыми сими людми Твоими истинныя ради веры имени Твоего Святаго, Отца и Сына и Святаго Духа. И причти мене наследию вечных Твоих благ с новыми сими Твоими мученики, и о всех сих да будет воля Твоя святая, яко благословен еси в веки. Аминь».

И тако ему в велицей печали молящюся, и по малу нача укреплятися, и всю печаль свою възверже на Бога. И абие с всеми плъки своими уготовися к сопостатным на брань. Погании же скоро приближишяся, и съступишяся плъци, и бысть брань велика, и сеча зла, и кровь многа яко вода пролиася. Богу же попустившю, побежени быша русьстии князи и боляре и все воинство от поганых татар, идеже великий князь Георгии венчася кровию, ею же възде къ Христу, от Него же и мученическии венецъ приат, его же желаше, месяца февраля в 4 день.

Глава 11. О обретеннии телеси великого князя Георгия, последи же и главу его обретошя

Егда же инамо уклонишяся погании татарове, и тогда блаженныи Кирил, епископ Ростовский, идыи з Белаезера, тамо бо избыв варварьского свереписьства, и прииде на место, идеже добропобедныи великий князь Георгии святую свою кровь пролиа от безбожных татар, подвизаяся по

отеческом достоянии, и ту обрете честное тело его. Его же с многими слезами благоговеино взем и принесе в Ростов, и пев над ним обычная пения съ всем освященным собором и с прочим причтом, плачу же велику бывшую от людеи всех, и положиша его в церкви Пресвятыя Богородица в Ростове. Главы же его не обрете тогда епископ въ множестве трупиа мрътвых, последи же обретоша и святую его главу, и принесоша в Ростов, и положиша ю в гроб к честному телеси его.

Глава 12. О пренесении честных его мощей великаго князя Георгия из Ростова въ Владимирь

Егда же брат его богохранимый великий князь Ярослав Всеволодичь прииде из Новаграда в град Владимирь и очисти святыя церкви от трупиа мрътвых, оставшая же люди събрав, утеша. Потом же посла в Ростов и повеле принести въ Владимирь честное и страстотръпческое тело святаго брата своего великаго князя Георгия, его же вземше, с многою честью понесоша. И егда бысть близ града Владимиря, и срете его сам великий князь Ярослав с епископом Кирилом, и съ всем священным събором, и с детми своими, и с боляры, и с всенародным множеством граждан и окрестных с умилением и съ слезами и с рыданием, и положиша его в соборней церкви Пресвятыя Богородици в приделе южном с песньми надгробными. Всем же зрящим видети есть чудо преславно и удивлению достойно, яко святая глава его тако съвокупно прилпе к честному телеси его, яко ни следа видети отсечения на выи его, но вся съставы целы и неразлучны, иже и доньне тако в гробе бяху пребывающе, от всех людеи видимы и удивляемы и достойно почитаемы. Еще же и рука его десная выспръ бяхе въздеяна видети, ею же, яко жив, показуя подвиг своего съвршениа, яко въсприят от Бога вместо земнаго царствиа небесных и вечных благ наслаждение вкупе с царственным си сопругом, и с трема благороднейшими сынъми, и с единою дщерию.

(Печатается по: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / Подг. под рук. Н. Н. Покровского. М., 2007. С. 492, 496–501.)

Из Жития благоверного великого князя Александра Невского, нового чудотворца (в редакции архиепископа Ионы Думина)^[200]

Чудо преславное, как явился святой некоему духовному старцу, поехав во всеоружии на помощь благочестивому царю Ивану Васильевичу в приход крымского царя Девлет-Гирея на Молодях, в лето 7080-е (1572-е).

Велегласно же проповедано будет вам и сие. В обители Пречистой Богородицы, в ней же вседражайшее тело святого Александра Невского чудотворца, был некий монах по имени Антоний, долго живший в той обители, соблюдавший все монашеские заповеди, украшенный добрым житием, постник, искусный во всяких духовных подвигах. Он и поведал нам, словно от другого лица, а не от себя, о том, чему сам свидетель был, как о том впоследствии узнали. Поведал же он нам о вещах удивительных и достойных памяти, которые видел у гроба святого Александра во второе лето нашествия на Русь безбожного крымского царя Девлет-Гирея, что на Молодях^[201]. Стоял он, рассказывал, в то время в своей келии на молитве, моля со слезами всемилосердную христианскую заступницу Пречистую Богородицу даровать победу над безбожным врагом благоверному рабу Её государю царю [и] великому князю Ивану Васильевичу, всея Руси самодержцу, и не предавать христианский род в руки нечестивых, святого же благоверного великого князя Александра, преподобного Алексия, на помощь призывал. И когда стоял он так на молитве, вскоре восхищен был мановением Божиим и узрел себя умственным зрением стоящим пред вратами обители и скорбящим о случившемся от безбожного крымского царя. И внезапно узрел он двух юношей с пресветлыми лицами, восседающих на двух белых конях и быстро, словно молнии, подъехавших к монастырским вратам. Сойдя у ворот, оставили они коней своих и поспешили, как можно скорее, в церковь Пречистой Богородицы, честного Ея Рождества, где лежит благоверный и великий князь Александр. Монах же тот, будучи человеком разумным, понял по образам их, написанным на иконе, что юноши эти — святые страстотерпцы Борис и Глеб. И когда те светоносные юноши скоро вошли в святую церковь, сей инок последовал за ними. И стоял он, и удивлялся тому, что видел. Когда те светоносные юноши приблизились к церковным вратам, двери сами собою отворились, а

свечи, стоявшие у гроба Александра, сами собою зажглись, и никто не отворял двери, ни возжигал свечи. Когда же сии светозарные юноши вошли в святилище Божие и зашли за столп, за которым лежит святой Александр, то обратились к нему с такими словами: «Восстань, брате, княже великий благоверный Александре, да поспешим на помощь и поможем сроднику нашему царю [и] великому князю Ивану, ибо в сей день сражается с иноплеменниками». И как только сказали они это, встал великий князь Александр чудотворец из гроба, словно живой. О чудо, дива предивного исполненное! Ведь не только встал, но и вышел из церкви с двумя теми юношами; у церкви же, никем не удерживаемые, оказались три коня, белых, словно снег, с уздою и в упряжи, словно уготованные на брань.

Благоверный же великий князь Александр с обоими теми светозарными юношами, воссев на коней своих, погнал спешно, говоря: «Идём к Пречистой Богородице, в соборную богоименитую церковь, к сродникам нашим великим князьям Андрею, и Всеволоду, и Георгию, и Ярославу — да и они пойдут вместе с нами на помощь». Монах же тот пошёл вслед за ними, словно какая-то сила гнала его. И когда пришли они, церковные двери тотчас отворились сами собою, и они спешно вошли в святую богоименитую церковь. И увидел сей инок Всеволода, поспешно вставшего из гроба, и с ним троих других, и всех их, вместе с Александром и теми юношами, стало семеро. И вышли они все семеро из великого святилища церковного, и нашли у церковного притвора семь быстрых коней, изготовленных для битвы, как было прежде. Они же, скорые помощники во бранях отечеству своему, воссели на коней, и, как увидел монах, вскоре все семеро воспарили по воздуху через крепостную стену и устремились, словно молнии, в ту сторону, где находился богоименитый град Ростов, говоря друг другу: «Пойдём в Ростов к соратнику нашему царевичу Петру, чтобы и тот вместе с нами помог против безбожных измаильтян сроднику нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». И тут вскоре сделались невидимы, скрывшись из очей того инока. В то же время, как впоследствии стало известно, помощью Божиею одержал победу боговенчаный царь, великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец: христианские полки победили безбожных агарян и с лица земли истребили их, укрепляемые милостью Божиею и святыми молитвами христианской заступницы преславной Богородицы и скорых помощников, угодников Её. Мы же записали это в память последующих родов, да не будут в забвении добродейания святого, от многих немногие...

(Печатается по: Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и

искусства. № 180). Тексты. С. 123–124. Перевод на современный русский язык по: Великий князь Александр Невский / Сост., авт. текст А. Ю. Карпова. М., 2002 (серия «Русский мир в лицах»). С. 201–202.)

Из Жития новоявленных мучеников и исповедников великого князя Михаила Черниговского и боярина его воеводы Феодора (Чудовский список)

<...> Тогда же здержаше скипетр и начало великия власти стола града Владимира великому князю Георгию Всеволодовичю. Егда же се прииде в ушью его, он смятесе умом и страхом великым объят бысть и омертвев сердцем; обычаи бо есть съгрешающим умертвевати и немужьствено сердце имети. Бе бо живуще ему свиньскы, в мнозе кале греховне и скверне, в гордыни, и властолюбии, и в пианьстве, и в зависти, и в любодееании, и в скупости, и в немилосердии, въистинну скотско житие живыи; и обеща покаяться, но токмо словом единым, а не якоже ниневгитяне пепелом главы своя посыпаша и милостива себе Бога сътвориша покаанием (см. *Иона. 3: 6–10*). Князь же великий Егорий в недоумение впаде, не ведый, что створи, и прииде к некоему старцю святу, от многих лет работающу Богу, хотящи от него уведати напрасное нашествие безбожных агарян на Рускую землю; бе бо можаше святыи старецъ поведати вся будущаа въпреди от Святаго Духа, — Каламирисо есть имя старцу тому. Се бо престав князь великий Егорий его вертепу, с многими слезами въпрошаше старца, старцу же ничтоже отвещающу к великому князю, но токмо лице свое отвращающу от него. Долго же время предстоящу, ничтоже отвеща ему святыи старецъ; князь же великий отиде скорбен, в велице уныние. В утрии же посылает прекрасную дщерь свою Феодору к святому старцю: мне, рекый, не исповеда святыи старецъ будущаго гнева грех ради моих, но нескверней сеи все исповедает. Девица же вертепу старца предстояше и с многими слезами въпрашаша старца; старцу же въсплакався из глубины и сердца слезы, яко источники, и пролив от очию свое, и власы главы своя простерши до земля — бе бо власы и досязаше до пояса; с многими слезами рече: «О, жено! Не слышала ли еси Господа нашего и Владыки к Иерусалиму глаголяще: „И овы, и тебе, Иерусалиме, избив посланныя к тебе пророкы камением побиваша, многожды бо восхотех чада твоя събрати, яко кокошь собирает птенца своя под криле своя, но вы и меня отверъгостесе, скоро оставляю дома ваша пусты“ (см. *Мф. 23 37–38*). Тако и zde, жено: преодоле бо злоба отца твоего милосердие Владычно, уже бо не имат помилован быти, но зле имае

погибнути, и суцаа с ним, уже бо, девица, секира при корени древа лежит, всяко бо древо не сътворит плода добра, посекается и в огонь вметається (Мф. 3: 10). Темже, жено, отиди».

Девица же отцу своему предсташа, вся реченная старцем исповедаша; князь же великий в болшую печаль впадоша. Яко приспе ночь, он же възляже в ложеце своеи на одре своем. Яко же бысть четвертый час ночи, и виде свет великий и мнев, яко граду горящу. И скоро встав с постеля своея, и възрев в окно, и виде образ Владычень на воздухе стоаще, пресветлыя луча испущающа на град. Князь же великий, пад, поклонися образу Владычню, с многими слезами глаголя: «Слава Тебе, Владыко Христе, слава Тебе, Боже, слава Тобѣ, Царю! Мы и убо окааннии ужеотчаяхомся Твоя милости, но Ты убо, Владыко, не по грехом нашим, ни по безаконьем не отвращаеши лица Своего от места сего, но призираеш на нь и сохраняеши десницею Своею. Не пришел бо еси. Владыко, праведных призвати, но грешных на покаание».

И многиа молитвы съ слезами изрек, и вѣста от места, и не виде образ Владычня, и рад бысть велми. Въ утреи иде к иному старцю, дале от града живуци, яко двадесять поприщъ. Сеи бо предста вертепу, исповеда ему с радостию явления образа Владычня, Каламиросовы же сие словеса осужаше. Яко же исповеда старцю видение, старец же, възплакався, рече: «Горе тебе, княже, яко радуешися, не разсудив видения! Не слышиши ли псалмопевца Давида, глаголюще: „Лице Господне на творящая злаа, иже потребити от земля память их“ (Пс. 33: 17), паки и ино писание глаголетъ: „Призирая на земли, творя и трястися, и коснуся горам, и въздымятсѣ“ (см. Пс. 103: 32). Горы бо Святое Писание беси именуют, еже умножишася зде, и обладаша, и оскверниша место се; сего ради призирает Господь, и потребляет я, и очищает место се. Тем же, княже, не радуися, но паче плачися, хоцем бо, княже, приати по делом своим». Князь же великий отиде тощъ.

Безбожному же царю Батыю приближающися с многою силою агарянскойю, грады разоряя, и села пожигаа, и человеки погубляа. И взя грады наша славныя Владимир и Ярославль и прочая грады, и уби великого князя Георгия и вся сынове его, и вся сродники его изби, и поплени всю землю Суздальскую Божиим попущением, грех ради наших, по проречению святых старецъ. <...>

(Печатается по изданию: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Приложение (Тексты). С. 81–82.)

Плач великого князя Юрия Всеволодовича (Из летописной повести о приходе безбожного царя Батыя на Русь, по рукописи XVII века)

<...> И тако оттуды приидоша к Москве. А на Маскве в те поры бысть князя Юрия великого сын его князь Володимер, а воевода с ним Филип Нянка. Татарове же пришед и скоро взяша Москву и воеводу убиша, а князя Володимера руками яша, а люди вси избиша и младенцы до единого возраста все в Москве побиты. Слышав же сие велики князь Юрья Всеволодовичь и плакося горко ревыи, яко струя из быстрины, кричаша горко, в перси руками биюще, гласом же не яко труба, но яко орган слатко вещаше: «Камо заиде свет очию моею, где отоцли есте сокровище живота моего, цвет мои прекрасны?»»

Страшнаго ужаснаго великаго плача.

О, великаго плача и болезни исполнися вси рустии князие! Великии же князь Юрья Всеволодович от великого кричания лежа, яко мертв, на земли, и едва отливаше его, носяще по ветру едва отдохнувшя его:

«Днесь кому приказываете меня, солнце мое драгое, месяц мои прекрасныи! Почто рано зашли есте? Где, господие, честь и слава ваша? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусти, и зрак лица вашего изменися; не слышасте ли, господи(е), словес моих бедных? О земле, земле! о дубравы, дубравы! вси плачите со мною! Како нареку день той и воспишу, в он же толико погибе государей и великих храбрых удальцов? И ни един же возвратися, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша!»»

Бысть сие убо тогда во всеи земли Рустей многия туги, скорби, слезы, въздыхания страха и трепета. И тако великии князь со владыкою Митрофаном и со княгинею своею и з детми своими вниде во церковь, и знаменася у святых икон, и целова епископа, и княгиню, и дети, и бояры своя, и бе плач во граде, не слышати что друг со другом глаголаша в слезах и рыданиях. И остави в Володимери сыны своя и воеводы, а сам иде за Волгу с братаничи своими збирати силу многую. <...>

(Печатается по: Халанский М. Г. Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса. СПб., 1903. С. 7–8. См. также: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. Приложение (Тексты). С. 162–163.)

Из летописца Владимирского собора ^[202]

<...> В лето 6745-го убиение благоверного великого князя Георгия Всеволодича великие княгини Агафии и чад их благоверных князей: Владимира, Всеволода, Мстислава, и дщери их благоверные княжны Феодоры, и снох их княгинь: Марии, да Христины, да Феодоры, и владимирского владыки Митрофана от безбожного и злочестивого царя Батыя. И положены бысть в Володимере в церкви Успения Пресвятыя Богородицы.

В лето 6745-го февраля в 4 день убиение благоверного великого князя Георгия Всеволодича Владимирского чудотворца от безбожного и злочестиваго царя Батыя в Ростовской земле, на реце на Сите. И положено бысть тело его в Володимере в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы...

<...>

Роспись родословию великим князем

Первый великий князь Рюрик; от Рюрика Игорь; от Игоря Святославль; от Святославля Владимир Киевский; от Владимира Ярослав; от Ярослава Всеволод; от Всеволода Владимир Манамах; а от Владимира Манамаха князь Юрьи Долгорукий; а от Юрья Долгоруково благоверный князь Андрей Боголюбский да Димитрий Всеволод; а от Димитрия Всеволода благоверный великий князь Георгий, что лежит во плоти, да брат ево великий князь Феодор Ярослав, великого князя Александра Невского отец... ^[203]

<...>

[О гробницах]

В Володимере соборная церковь от горняго места до западных дверей — 17 сажень с полсаженью; а поперег церкви — 14 сажень без локти. Да в церкви 5 двери, а круг церкви 62 сажени 3-х аршинных. <...>

Среди церкви, у патриарша места, в серебряной раке лежит благоверный великий князь Георгий Всеволодич, во плоти, от Батыя убиенный.

На южной стране. В пределе мученика Георгия лежат: благоверного великого князя Георгия Всеволодича брат ево благоверный великий князь Феодор Ярослав, отец благоверного великого князя Александра Невского. Да великого князя Георгия Всеволодича три сына: Владимир, Мстислав, Всеволод.

<...>

[В Комиссионном списке:

<...> Да в той же соборной церкви, на правой стороне, страстотерпца Христова Георгия, лежит благоверный велики князь Георгий Всеволодичь во плоти, да брат его Феодор Ярослав Всеволодич, великаго князя Александра Неускаго отец. А той благоверный велики князь Георгий Всеволодич принесен бысть в болшую церковь к правому крылосу и положен бысть в сребреной гробнице позлащенной.

Да у том же вышереченом пределе страстотерпца Христова Георгия благоверный велики князь Г[л]еб Андреевичь в гробнице. Да в том же пределе лежат три сына великаго князя Георгия Всеволодича: Владимир, Мстислав, Всеволод...]

(Печатается по изданию: *Летописец Владимирского собора* // Шилов А. А. *Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Материалы для полного собрания русских летописей* // *Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1909 г. Вып. 22. СПб., 1910. IV. Приложение. С. 59–62.*)

Надписи на гробнице святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича

Божию милостию и повелением Благочестиваго и Христоролюбиваго Государя нашего Царя Великаго Князя Михаила Феодоровича всея России, по благословению и обещанию отца его и богомольца Великаго Господина, святейшаго Кир Иосифа, патриарха Московскаго и всея России, лета 7153/1645 сделана сия рака серебряная и позлащенная его святительскою казною в великий град Владимир, в соборную Апостольскую церковь Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, Благоверному Великому Князю Георгию Всеволодовичу, мученически венчавшемуся кровию за веру христианскую, Владимирскому чудотворцу, убиенному от злочестиваго и безбожнаго царя Батыея в лето 1237 Февраля в 4 день за Волгою рекою, на реке Сите. По убиении ж его блаженный Кирилл, епископ Ростовский, прииде с Бела озера на место, идеже добропобедный Христов мученик великий князь Георгий святую кровь свою пролия, ту обрете честное тело его и принесе в Ростов и положи в церкви Пресвятыя Богородицы, главы же его не обрете тогда во множестве трупия мертвых, последи же обретоша и святую его главу и принесоша в Ростов и положиша ю во гробе к честному телеси его, и в лето 6743/1239 прииде из Новаграда во град Владимир брат великий князь Ярослав Всеволодович и посла в Ростов, повеле принести во Владимир честное и святое тело брата своего великаго князя Георгия, егоже взявши со мноюю честию понесоша. Егда же бысть близь города Владимира, срете его сам великий князь Ярослав с епископом Кириллом и со священным собором и с детьми своими и с боляры и положиша его в соборной церкви Пресвятыя Богородицы в приделе южном, с песньми надгробными, всем же зрящим чудо преславно и удивления достойно, яко глава его совокупно прильпе к честному телеси его, яко ни следа видети отсечения на выи его, но все составы целы и неразлучны и донныне так в гробе почивают, от всех людей видимы и удивляемы. В то же лето 153 в 5 число Января по обещанию Великаго Господина, святейшаго Кир Иосифа, патриарха Московскаго и всея России, в третие лето патриаршества его, принесены быша мощи благовернаго великаго князя Георгия из придела в соборную церковь Пресвятыя Богородицы и переложены в серебряную раку позлащенну и поставлены быша на десной стране близь святительскаго места во славу и честь Благоверному Великому Князю Георгию мученику Владимирскому

чудотворцу во веки. Аминь.

У гробницы св. князя Георгия на стене в возглавии его утверждена следующая золотыми буквами надпись:

Желанье в варваре горело,
Людей моих сжать, как траву,
Мой жизни дух лишить и тело
За тем мечем отнял главу:
Но Бог мой дух за веру праву
Жить вечно внес в небесну славу
Главу ж, прильпнувшу к телу здесь
Хранит чудесно и до днесь.

Над балдахином^[204], который был устроен над гробницею св. князя Георгия, в резных клеймах были утверждены надписи:

С северной стороны в среднем клейме:

«Сынов же твоих, ниже ядовитых змиев зубы одолеша: милость бо твоя прихождаше и исцеляше их. Премудр. Солом, гл. 16, ст. 10».

На правой стороне от сего:

«В память бо словес твоих бяху усечени и скоро исцеляхуса. Премудр. Солом, гл. 16, ст. 11».

На левой стороне:

«Ниже бо зелие ниже обязание исцели их, но слово Твое Господи, исцеляющее вся. Премудр. Солом. гл. 16, ст. 12».

С южной стороны в середине:

«Хранит Господь души праведных, из руки грешничи избавит их. Псалом 36, ст. 10».

По правую сторону:

«яко не оставиши души моя во аде, ниже даси преподобному твоему видети истления. Псалом 15, ст. 10».

По левую: «Хранит Господь вся кости их — ни едина от них сокрушится. Псалом 33, ст. 21».

(Печатается по: Виноградов А., прот. *История кафедрального Успенского собора в губернском городе Владимире. 3-е изд. Владимир, 1905. Приложения. С. 13–14; см. также: Сиренов А. В. *Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. С. 36–37.*)*

Из «Костромского» Жития князя Георгия Всеволодовича

Месяца февруария в 4 день жития и страдания святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича Владимерского и всея России чудотворца

Хотящу ми во имя Христово и пречистыя Его Богоматере поведати житие угодника их сего святого и благочестиваго князя Георгия Всеволодовича. Прежде подобает сказание сотворити о блаженных родителях его и о достоинстве их, к тому же мало вспомянути о богоспасаемом граде Вьладимире, когда и како господоначалство киевское в он прииде.

<...>

<...> Егда же блаженный сей Георгий в возраст прииде, сочетан бысть законному браку, поят убо в жену сестру великаго князя Михаила Черниговскаго. И бяше всеми обычаи благими украшен, паче же всего любяше прочитание божественных Писаний со вниманием и с великим прилежанием. И от всего зачатся в нем страх Божий и породе, по пророку, дух спасения, им же стяжа добрыя детели: умиление, смертную память, тихость, кротость, благоутробие, сострадание, смиренномудрие, милость ко всем, непомятозлобие, лубовь, милостыню, к тому же беззлобие крайнее. Не воздая бо зла за зло никому же, но всех согрешающих к нему прощаше и никого же оскорбляше, но всех умудряше духовными беседами и всех упокоеваше душевне и телесне. Вся, еже глаголаша и деяше, по божественным законом творяше. Ко святым же Божиим церквам зело бяше рачителен и велие прилежание имяше и потребами всякими удовляше. Нищия же и клосныя и разслабленныя сам своими руками омываше и странныя и безпокровныя непрестанно приемая и всех доволно навещаше и напояше и милостыню всем неоскудно подаваше, поминая пророческое речение сие: «Блажен разумевай на нища и убога, в ден лут избавил его Господь. Господь сохранит его и живит его и ублажит его на земли и не предаст его в руце врагов его» (Пс. 40: 2–3). <...> И таковым благочестием и добрыми делы цветый бяше во граде Вьладимире живый, приснаго благословения отца своего благовернаго князя Всеволода насыщаяся.

<...>

Приимшу же хоругви богоспасаемаго вьладимирьскаго самодержавия великому князю Георгию о отце своем Всеволоде. И егда нача

господствовати, тогда вражда возрасте на него от брата его предреченнаго Костянтина Всеволодича. Той бо Костянтин аще и попремногу бяше благочестив и христоролюбив, обаче в страсть завидения впаде, зане владимирское господоначалие не ему первому сущу в братех, но второму по нем сему Георгию от родителя их предадеся. И в первое лето по преставлении отца своего благочестиваго Всеволода, собрав воинство немалое, поиде из Ростова на брата своего Георгия Владимирскаго. Также и Георгий противу его с своима ратных людей полкам[и] изыде. И снидошася обоих воинства с князи своими на реце Чехде, и бысть брань между ими немала, обаче великий князь Георгий смиренная мудростьвуя и не хотя^[205] видети хрестиянския крове властолюбия ради проливаемыя, пресече брань тую лубовию и кровопролития устави покорением. Видя же брата своего Костянтина единаче брани хоцет, а не мира, абие сам святыи сей князь Георгий вражду разрушает и примиряется брату своему князю Костянтину, яко менший большему, и предает державу владимирскую Костянтину со мноною лубовию, яко да господствует по изволению своему обще с ростовскою. Сам же благоверный великий князь Георгий нача господствовати во иных великих градах, на Городце и в Суждали, и оттоле благодатию Христа Бога и милостию пресвятыя Богородицы в велицей любви пребыша оба брата Костянтин и же и Георгий.

<...>

По преставлении же великаго князя Костянтина Всеволодича паки приял владимирскую державу брат его сей святыи великий князь Георгий, иже и прежде отец его вручи ему. И нача господствовати праведно и богоугодно, благочестием, и верою, и милосердием, и милостынею попремногу сияя. Любяше же велми священнический и иноческий чин и нищих непрестанно милуя, и боляром же своим и ко всему народу аки отец чадолубивый бяше и много благодеяния повсуду в державе своей творяше.

Во граде же Суждали соборную церковь пресвятыя владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии созда каменную изрядне и прекрасне в лето 6729 (1221). Потом обрете на реце Волге при юстии реки Оки место прекрасно и высотою гор удобренно и ту созда град и нарече его Нижний Новьград. И в нем воздвиже монастырь изрядныя во имя Успения пресвятыя Богородицы и иныя божественныя храмы созда.

Некогда же посещающу ему племянники своя, князя Костянтина дети, и в Ростов Василка, в Ярославле же Всеволода, и восхоте святыи во Владимир путешествовати из Ярославля водным путем. Пловущу же ему в судах великою рекою Волгою с боляры своими и с воинством, якоже обычай великим государем. И доплывшу ему реки Унжи, яже течет в Волгу

от Ярославля, вниз реки Волги разстоянием сто и осмьдесят поприщ, и ста на брезе при устии тоя реки Унжи, и повеле шатры своя на брезе поставити. И в то время наиде на него сон, и абие возлеже, и бысть ему в тонце сне видение сицевое. Якобы на друзей стране Волги реки вниз на висоцей горе посреде лесу стоит икона тезоименнаго ему святаго и славнаго великомученика Георгия Победоносца, а пред нею стоит свеща неугасимая. Воспрянув же великий князь от сна и скоро поиде по берегу вниз по Волги. И прииде к заводи, яже ныне зовется его бытия ради Юрьева, и оттоле смотрити начат прилежно^[206] на другую страну Волги на горы, яко не истина ли есть, еже ему во сне видено бысть. И от многого желания, возбуженнаго в нем от Божия благоволения, моляше Христа Бога и пречистую Богородицу и тезоименнаго своего заступника святаго стратотерпца Георгия, прилежно и из глубины сердца своего въздыхаше, дабы приобрести ему виденное истинно. Ходящу же ему на устия тоя заводи и на он пол Волги на горы, с прилежанием смотрящу. И се внезапно узре на горах тех огненную лучю, аки звезду сияющую сквозе лесу. И абие призва от ситклита своего болярина именем Василия, по реклу Скороумнаго. И указа ему перстом на горах тех в лесе огонь светящся, аки звезду или лучю некую сияющую, и сказа ему все по ряду, како виде то во сне икону тезоименнаго своего заступника стратотерпца Христова Георгия. Болярин же той исполнен быв веселия о видении и о словесех благочестиваго князя, на лучю же зря огненную, паче радовашеся душою, благодаря Бога. И повеле великий князь Георгий легкия суды водныя уготовити. В них же вскоре приеха с болярином своим Василием и со иными немногими на другую страну Волги. И въздоша на брег, и поидоша на гору ту лесную, не обретше ни малыя стези, пусто бо бяше место то. И не пощади великий князь лица своего, ветими древес ударяемаго, ниже светлых и драгих ризь своих, раздираемых от сгущения леснаго, но с радостию течаше видети желаемое. И егда въздоша на высокую ту гору, доиде князь до того места, идеже ему в явлении видесе, и ту обрете древо стояща велие многолиственное, зовомое вяз, при корени же того древа на ветвех стоящу икону святаго и славнаго великомученика Победоносца и чудотворца Георгия, писанную же на дщее шаровными начертаними, пред нею же и свещу горящу неугасимо. И падше, вси поклонишася страхом и радостию одержими, недоумеюще, како икона та обретесе и кто принесе ю и свещу пред нею возже. Икона и свеща та не угасает, понеже самое пустое бяше место и от градов и сел удалено и великия леса имуща. И дивишися зело о преславном том чудеси прославиша Бога и угодника его и стратотерпца святаго Георгия. Святой же и благочестивый князь Георгий

от великия радости слезы от очию своею струи испущаше. И пребысть на том месте три дни и три ноци, моляся пред чудотворною иконою великому Христову страстотерпцу Георгию. На горе же той повеле лес посети и место очистити. И устроиша повелением его на том месте вскоре храм деревянный во имя святого великомученика Георгия, и жителей неколико близ храма того поселишася. И повеле великий князь на той горе создати во свое имя град на славу и память чудесем святого страстотерпца Георгия, вкупе же и своего бытия.

И от того времени прозвася та гора именем великаго князя Юрьевская. Такожде и новосозданный той град наречен бысть его же именем Юрьев с приложенным названием Поволский, того ради, яко в велицей России кроме сего новаго Юрьева еще два града именем сим суть, с прозваниями же различия ради: первый Юрьев прозванием Ливонской, созданный великим князем Ярославом, во святом крещении нареченным Георгием, сыном святого и равноапостольнаго князя Владимира, хрестившаго Российскую землю; второй же Юрьев Полской, созданный великим князем Георгием Долгоруким, сыном великаго князя Владимира Манаха. Сей же трет[и]й Юрьев Поволский, зане при самой велицей реце Волге. Юрьем же вси тии трие велицыи князи нарицахуся просторечием, вместо имене Георгия.

И тако благодатию Божию и предстательством пречистыя Богородицы и призрением преславнаго мученика Георгия, повелением же великаго князя Георгия Всеволодича град той новый Юрьев Повольский не во многа лета церквами святыми и монастыри и жителми, такожде и окрестными селами и волостами доволно умножися и распространися. Церковь же по прежнюю на горе на чудотворном месте во имя святого великомученика Георгия граде Юрьеву и пределом его первую нарекоша, сиречь соборную, в ней же протопресвитера и прочий причет устроиша. И сия убо о создании градов Нижнаго Нова Града и Юрьева повествовахом, по сем же паки о житии святого и благочестиваго князя Георгия глаголати возвратимся.

Хошу же рещи и повесть плачевную о содеявших во время господствования его, яже и самех безсловесных может подвигнути на плач, о в та убо времена и лета, в ня же аки пресветлому и великому светилу сияюще благочестием и верою, на престоле царском сидящу на великом Российском княжении сему святому и великому князю Георгию в преславном граде Владимире, иже яко крин цветяше в добродетелех христианских день и ноць, преспевая в законах Господних и житием правым присноцветущу ему, наста время луто. За грехи наша Богу наказующу нас, таковое время прииде на ны, еже серп гнева Божия нарещи,

и достоин пожинаяй и искореняяй вся нещадно, или меч, иже не точию обезчадствовати могии, но с чады и родивших посещаяй немилостивно, или чаша в руце Господни вина милости Божии не растворена гневом ярости, исполнь разстворения^[207] милость свою, глаголю, со гневом наказания смеси Господь за премногия грехи наша, хотящу Богу упоити нас вином ярости и уклонити от сея, в сию сиречь преложити от милости в наказание и от наказания в милость. Тако время оно именовати, понеже по премногом милостивном наказании Божии не хощем престати от скверных дел наших, тем и Бог наказует ны овогда голодом, овогда мором, овогда же иноплеменных нашествие. Сими всеми пресеменение творя нам от злых наших. <...>

<...>

Вся же сия страшная знаменья быша при деръжаве благочестиваго сего самодержца великаго князя Георгия Всеволодича, яже вся сия и видя и слыша, умиляшеся душею и страхом колебашеся и сего ради присно в посте и молитвах и во всяких добродетелях и в сетовании плачевном пребываше и многи милостыни нищим и милосердие ко всем человеком наипаче творяше. <...>

И зане же бичем от первыя не наказахомся, сего ради пророческое слово на нас исполнися, яко же писано есть: «Упасеши я жезлом железным^[208]» (Пс. 2: 9). И тако жестоким пленением Господь Бог в запустение предаде тогда многие грады и места Российскаго царствия. Наведе бо во время оно на Российскую землю мучительнейшаго варъвара, кровояднаго пса, злочестиваго ратника, безбожнаго царя Батыя, от восточныя страны изшедшаго первее на Рязань, потом же на Коломну и на Москву. Та же и на преславный той самый град Владимир, в нем же благочестивы самодержец господствуя святыи великий князь Георгий Всеволодич, и на иныя многия грады и на живущия в них християны, иже со многою злобою той нечестивый варъвар вся испровращая, якоже лютыи и некий и злыи и немилостивый зверь вся поядая, останки же ноготми растерзая и ногами попирая. Но кто может убо исповедати то время, нашедшее за грехи наша на российский народ, и излиянную на них чашу пельни^[209] суда Божия? И кто может представи словом постигшая тогда християньский род сей? Убо нечестивый и безбожный царь Батый, яко молнии на стрела, со безчисленным множеством агарян безвестно прииде лесом, и вси сташа на Окозе, и взяша ю преком^[210], и послаша ко князем рязанским, просяще у них во всем десятое: и в князех, и в людех, и во всяком скоте. Князы же рязанские Юрии Иневгорович да брат его княз

Олег, с ними же и муромский и пронский князы отвещаша: «Разве аще нас не будет, тогда наше отечество ваше будет!» Послаша же рязанский князи во Владимир к великому князю Георгию Всеволодичу, да поидет с ними противу безбожных агарян. Он же сам не поиде и воинства не посла, занеже страх нападе и трепет на всех, паче же гнев Божий простресе, и сего ради поглощена бысть премудрость могущих ратная строити дела, ни един же от князей российских поиде друг другу на помощь, ниже совокупишася вси, еже противу безбожных ополчитися. Безбожнии же они варвары видяща время себе угодное, устремишася на Российскую землю и на коегождо отечество находяще, грады взимаху, князей же и людей мечу и огню предаваху. <...>

<...>

Возвратимся же паки о блаженном князе Георгие повествовати. Великий убо сей и приснопамятны князь Георгий Всеволодич, собрав воинство свое, стояше с полки своими близ реки Волги на реце Сите. И ту приидоша к нему вестницы, якоже древле к праведному Иову, поведающе емю, яко «преимениты твой град Владимир татарове взяша, епископ же Митрофан и великая твоя княгиня со дщерию и со снохами и со внучаты^[211] и прочия княгини и множество бояр и людей в соборней пресвятыя Богородицы церкви огнем скончашася. Мнози же от них в то время святыи иноческий образ восприяша от епископа. Сына же твоего Владимира во граде Москве погании взяша и по многом истомлении у града Владимира показавше, его смерти предаша. Воевода же Филипп на Москве за веру Христову мучением от них же скончася. Два же старейшая сына твоя Всеволод и Мстислав в Новом граде Владимире от тех же поганых татар убиени быша. Такожде и иных людей державы твоя множество безчисленное избиено бысть, оставши же людие к тебе грядут». Блаженны же самодержец и прочия с ним, слышавше сия, воскричаша с плачем велиим, рыдающе о церковном зазорении^[212], о епископе же и о великой княгине и о многом кровопролитии христианском. И от милостивныя и сострадательны души своей великий князь восхлипая из глубины сердца, моляся ко Господу и вопия сице, глаголя: «О Владыко Господи Боже Вседержителю! Сице ли угодно Твоему человеколюбию, яко врази наши многы грады христианския разориша и попраша многы церковныя дома святыни Твоя, и множеству людей Твоих таковую злую пагубу содеяша? И аз, раб Твой, лишен бых не токмо супружницы моя и чад, но и множества Тобою дарованныя ми державы, и не вем, что сотворити, понеже без числа согрешихом, и Ты, преблагий Владыко,

прогневался еси на нас и зело смирил ны еси! Яко праведен еси Господи и праведным судом Твоим многопролитием неповинных крове рабов Твоих многия ныне новых мученики к Себе привел еси, и почто аз един остах смирен и посрамлен? Но, о премилостивых Господи, Господи, милости Твоя не остави от нас, и мене грешного и недостойного раба Твоего сподоби пострадати со христоименитыми сими людьми Твоими истинных ради и непорочных веры христианских и имени ради Твоего святого Отца и Сына и Святого Духа, и за дом пречистой владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, и причти мя наследию вечных Твоих благ с новыми сими Твоими мученики, и о всех сих да будет воля Твоя святая, яко благословен еси во веки! Аминь».

И тако святому и блаженному самодержцу великому князю Георгию в велице печали молящуся со многими слезами, и помалу нача укреплятися и всю печаль свою вотверже на Бога и на пречистую Богородицу и одним гласом утешаяся: «Якоже годя Господи бысть, тако и бысть буди имя Господне благословенно во веки». И абие со всеми полки своими уготовися к супостатом на брань, еже за православную веру и за христиан крепко стояти. Поганый же царь Баты и все его нечестивое воинство скоро приближашися. И егда сступишася русстии вои с безбожными срацины, и бысть брань велика зело и сеча зла, и кровь многа, яко вода, пролияся. Богу же попустившу, побеждены быша российстии князи и боляре и все воинство от поганых татар, идеже святой и благочестивый российский самодержец великий князь Георгий пострада за Христа и за православную христианскую непорочную веру, убиен бысть от нечестиваго Батыя и венчася кровию, ею же взыде ко Христу Богу нашему, от него же и мученический венец прият, его же желаше, в лето от бытия мира 6746 месяца февруария в 4 день. И повержено бысть святое тело его ту на поли не брегомо.

Егда же погании татарове инамо уклонишася, тогда блаженный Кирилл епископ Ростовский, идый з Бела езера, и прииде на место, идеже доброповедный Христов мученик великий князь Георгий Всеволодич святую свою кровь пролия от безбожных татар, подвизаяся по отеческом достоянии. И ту обрете блаженный Кирилл честное тело его, еже со многими слезами благоговенно и взял, принесе во град Ростов и пев над ним надгробных пения со всем освященным собором и с прочим причтом. Плачу же и воплю велику бывшу от всего христоименитаго народа. И положиша и честно в церкви пречистой Богородицы в Ростове. Главы же его тогда не обрете епископ во множестве трупия мертвых. Последи же нецыи от благочестивых обретоша и святую главу его, и принесоша в

Ростов и положиша ю в гробе к честному телеси его, яже Божиим благоволением абие прилпе к телеси его, яко всем удивитися и Бога прославити, прославляющаго угодника своего.

По сем же времени убо малу мимошедшу по убиении святаго и благочестиваго князя Георгия и по взятии великаго и столнаго града Владимира со всеми его благими узорочии и по отшествии во своя богомерскаго и злочестиваго царя Батыя, прииде из Новаграда великий князь Ярослав Всеволодич, брат сего святаго Георгия, и прият престол великаго княжения в преименитом граде Владимире, его же от трупия мертвых очисти и церкви святаго очистив обнови, оставшиися же люди собрав, любезне утеша. Егда же ему из Новаграда пришедшу, виде стольния и славный свой град Владимир погаными весь разорен и огнем попалон, и хитрая его здания и церкви святаго разрушены, и вся красота его погублена, брата же своего, великаго князя Георгия Всеволодича, убиена, и архиереа и весь освященный собор и множество князей и боляр и прочих благородных людей российских горцей смерти преданных. И восплакася великий князь Ярослав в горести сердца своего и воздев руце свои на небо и рече: «Господи Вседержителю и Творче всея твари видимыя же и невидимыя! Сице ли угодно Твоему человеколюбию, да сие стадо Твое, Христе, еже искупил еси ценою крове Своея божественныя, предал еси кровопияцем и сыроядцем поганым человеком, звериный нрав имущим, паче же рещи врагом Твоим, не знаущим Тебе, истиннаго Бога нашего Иисуса Христа, и страха Твоего никогда не имущим? И ныне поработихомся раби Твои богомерскому царю, неправедну и лукавейшу, паче всей земли и град сей предан бысть, якоже древо и Иерусалим Навуходносору царю Вавилонскому, и есмы смирени ныне паче всех языков грех ради наших. Увы мне, Господи! Священники Твоя заклаша, имъ же не бе достоин весь мир, и олтари Твоя раскопаша и свята Твоя вся в попрание бысть скверным ногам их, и вси люди Твоя острием меча поразиша, и раба Твоего благочестиваго князя Георгия за имя Твое святое убиша, и остах аз един. И ищут и мене поглотити. Но избави мя, Господи, от рук их ради пречистыя Твоея Матере и непостыдныя к Тебе ходатаицы о нас грешных! И упокой души рабов Твоих, избииенных от безбожных агарян имене Твое ради святаго, со всеми сватыми в Царствии Твоем и спаси мя, раба Твоего, ими же веси и судьбами, яко благии и человеколюбец! Аминь».

По молитве же благоверный и великий князь Ярослав повеле избииенных телеса предати всех земному погребению честне. Потом же посла из Владимира в Ростов благоговеинныя мужы от духовнаго и от ситклитскаго чина и повеле принести с великою честью во град Владимир

честное и святое и страсотерпческое тело брата своего, святого и великаго князя Георгия. Пришедшу же послании в Ростов и взявше святое тело его, со мноюу честию понесоша е. И егда быша близ преименитаго града Владимира, срете его сам великий князь Ярослав и боголюбивый епископ Кирилл со всем освященным собором и с боляры и со всенародным множеством граждан и окрестных со юмилением и слезами. И бысть тогда по блаженном сем самодержце и страсотерпце от всего народа плач велик зело, рыдание же и стенание. И положиша святое его тело во граде Владимире в соборне церкви Успения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии верху помоста со псалмы и пе[с]нми надгробными. Всем же зрящим видети есть чудо преславно и удивлению достойно. Яко святая глава его тамо совокупно прилпе ко честному телеси его, яко ни следа видети отсечение на шии его, но и вся составы целы и неразрушены, иже и донине тако во граде пребывающе, храними верху земли от всех людей видими и удивляеми и достойно почитаеми, подают благодатию Божию различная исцеления всем притекющим с верою. Еще же и рука его десная выспрь бяше воздеяна, и видета ею же, яко живу показывает подвиг своего совершения, яко восприят от Бога вместо земнаго царствия Небесное Царство и вечных благ наслаждение вкупе с царственною си супружницею и с тремя благороднейшими сыны и с их княгинями и с единою си благородною дщерию. Самодержавствова же в преименитом граде Владимире по смерти брата своего Константина двадесят и пять лет. Празднует же церковь Божия память его месяца февруария в 4 день, в он же и пострада за Христа и за христианскую православную и непорочную веру и за христианския Российския земли народ.

<...>

<...> Мы же сия писанию предахом в память последующим родом, да не забвены будут добродейния и за Христову веру страдания святого благовернаго великаго князя Георгия Всеволодича, такожде и сродников его благочестие ведомо будет, ими же Бог в Троице славимый прославляшеся и ныне славится, дивен сый во святых своих, емуже слава подобает, честь и поклонение^[213], великолепие ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(Печатается по: Сиренов А. В. Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. С. 120–155.)

Из «Китежского летописца»

Книга глаголемая Летописец, писана в лето 6646 (1237) сентября в 5 день

Бе сей святыи благоверный и великий князь Георгий Всеволодович сын святому благоверному и великому князю Всеволоду, а во святом крещении наречен бысть Гавриил, псковский чудотворец. Сей святыи благоверный и великий князь Всеволод сын бе великому князю Мстиславу, внук же святому и равно апостолом великому князю Владимиру Киевскому, самодержцу Российския земли. Святыи же благоверный и великий князь Георгий Всеволодович — правнук же святому благоверному и великому князю Владимиру.

Святыи же благоверный князь Всеволод первые князи в Великом Новеграде. Егда же бысть время, возропташа новгородцы на нь и реша сами собою промежь себе, яко князь наш, не крещен сый, владеет нами крещеными. Совет же сотвориша, и приидоша к нему, и изгнаша вон. Он же прииде в Киев к дяде своему Ярополку и сказа ему все, за что изгнан бысть новгородцы. Он же, слышав от него, и вьда ему Вышград. И ту молим бысть от псковичь княжити у них, и прииде к ним во град Псков. И по времени восприя благодать святаго крещения, и наречен бысть во святом крещении Гавриил. И пребысть в велком пощении и воздержании, и пребысть лето едино в вечный покой отиде, в лета 6671-го (1163-го), месяца февраля в 11 день. И погребен бысть сыном его благоверным и великим князем Георгием. И быша чудеса многа от святых мощей его в славу и хвалу Христу Богу нашему и всем святым. Аминь.

Сей святыи благоверный князь Георгий Всеволодович по преставлении отца своего благоверного князя Всеволода, нареченного во святом крещении Гавриила, пребысть на месте его по умолении псковичь. Бысть же сие в лета 6671 (1163). Изволи святыи благоверный и великий князь Георгий Всеволодович ехать к благоверному князю Михаилу Черниговскому. Егда же прииде к благоверному князю Михаилу и благоверный и великий князь Георгий, и поклонися благоверному князю Михаилу, и рече ему: «Здрав буди, благоверный и великий княже Михаиле, на многая лета, сияя благочестием и верою Христовою, во всем уподобися прадедом нашим и прабабе нашей, благоверной великой княгине, христороливой Ольге, иже обрете себе избранного и честного бисера Христа, и веру его святых пророк же и апостол, и святых отец, и

благоверному христоролюбивому царю и равноапостольному прадеду нашему, царю Константину». И рече ему благоверный князь Михаил: «Здрав же буди и ты, благоверный и великий княже Георгий Всеволодович, прииде ко мне з благим советом и независтным оком. Что бо приобрете от зависти дед наших Святополк, иже восхоте владети и уби братьей своих благоверных и великих князей. Бориса повеле копием пробости, Глеба же ножом заклати в лета княжения их. Обольсти бо их лестью и советом сатаниным, яко мати при смерти есть наша. Они же, яко незлобивые агньцы, уподобишася благому пастырю своему Христу, не сопротив стаха врагу своему брату. Господь же прослави святых угодники своя, благоверных князей и великих чудотворец Бориса и Глеба».

И даша целование промеж себе сами, и праздноваша духовно и веселивьшеся, и рече благоверный и великий князь Георгий благоверному князю Михаилу: «Даждь ми грамоту в Руси нашей по градом церкви Божия строити и грады». И рече ему благоверный и великий князь Михаил: «Якоже хочещи, тако и сотвори церкви Божия в славу и хвалу пресвятому имени Божию. За сие доброе твое изволение мзду приимеши в день пришествия Христова».

И пиروваше много дний. И егда изволи благоверный князь Георгий ехати во свое место, тогда благоверный князь Михаил повеле грамоту написати и свою руку приложи к грамоте. И егда благоверный князь Георгий поеха во свое отечество и град, тода благоверный князь Михаил с великою честью отпускаше его и провожаше. И егда бысть оба князи на пути, и поклонистася друг другу на пути, и вда ему благоверный князь Михаил грамоту. Благоверный же князь Георгий взя грамоту у благовернаго князя Михаила, и поклонися ему, тогда и той противу ему.

И поеха по градом, и егда приеха в Нов-град, повеле строити церковь во имя Успения пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии в лето 6672 (1164). Из Новаграда поехав во Псков, град свой, идеже преставися отец его, благоверный князь Всеволод, а во святом крещении Гавриил, новгородский и псковский чудотворец. И поеха изо Пскова града к Москве, и повеле строити церковь во имя Успения пресвятыя владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии в лето 6672. И поеха с Москвы в Переславль Залеской, а с Переславля града в Ростов град. В то же время бысть в Ростове граде великий князь Андрей Боголюбский. И повеле благоверный князь Георгий во граде том Ростове церковь строити во имя Успения пресвятыя владычицы наша Богородицы и присно девы Марии в лето 6672 (1164), месяца мая, в 23 день. Во дни великого князя Георгия начаша рвы копати на основание церкви, обретоша же мощи лежаще

святителя Христова Леонтия епископа ростовского, чудотворца, иже обрати в Ростове граде люди в веру Христову и крести их от мала и до велика. И возрадовашеся радостью великою благоверный князь Георгий и прослави Бога, давшего ему таковое многоценное сокровище, и отпе молебн. И повеле ехати Андрею, князю Боголюбскому, во град Муром и строити во граде Муроме церковь во имя Успения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии.

Сам же благоверный и великий князь поеха из града Ростова, и приеха во град Ярославль, что на берегу Волги реки стоит. И седе в струг, и поеха на низ по Волге, и приста к берегу в Малый Китежь, что на берегу Волги стоит, и построи его. И начаша его молити вси людие града того благовернаго князя Георгия, чтобы образ чудотворный иконы пресвятыя Богородицы Феодоровския внес во град к ним. Он же по прошению исполни. Начат пети молебн пресвятей Богородице. Егда сконча, восхоте образ той нести во град, образ же не поиде с места того, нимало не поступи. Видев же благоверный князь Георгий изволение пресвятыя Богородицы, где сама изволила место себе, повеле построити на том месте монастырь во имя пресвятыя Богородицы Феодоровския.

Сам же благоверный князь Георгий поеха с места того сухим путем, а не по воде. И перееха реку Узолу, и вторую реку перееха именем Санду, и третью реку перееха именем Саногту, и четвертую перееха именем Керженец, и приеха к езеру именем Светлояру. И виде место то велми прекрасно и многолюдно. И по умолению их повеле благоверный князь Георгий Всеволодович строити на берегу езера того Светлояра град именем Большой Китеж, бе бо место то велми прекрасно, и на другом же брезе езера того роща дубовая.

Советом же и велением благовернаго и великаго князя Георгия Всеволодовича начаша рвы копати на утверждение места. И начаша класти церковь во имя Воздвижения честнаго креста Господня, вторую же церковь — во имя Успения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии и третью церковь — во имя Благовещения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии. В тех же церквах повеле пределы делати иных праздником Господьским и Богородичным. Тако же и образы всем святым написати повеле.

И град той Большой Китежь на сто сажень в длину и в ширину, и бысть первая мера мало место. Повеле же благоверный князь Георгий еще на другое сто сажень прибавити в длину, и бысть мера граду тому в длину — два ста сажень, а в ширину — на сто сажень. И начаша же град той каменный строити в лето 6673 (1165), месяца мая в 1 день, на память святаго

пророка Иеремию и иже с ним. И строитца град той три лета, и построиша его в лето 6676 (1168), месяца сентября в 30 день, на память святого священномученика Григория Великия Армении.

И иже поехала в Малый Китеж, что на берегу Волги стоит, благоверный князь Георгий Всеволодович. И по строении градов тех, Малаго и Большаго, повеле перемеряти поприща, коль много межь собою расстояния имеют. И повелением благовернаго князя Георгия намеряша сто поприщ. Благоверный же князь Георгий Всеволодович, слышав сия, воздаде славу Богу и пресвятей Богородице, повеле же и летописец книгу написати. Сам же благоверный и великий князь Георгий Всеволодович повеле всю службу отслужити. И молебен пропев пресвятей Богородице Феодоровской, и по совершении службы тоя поеха, всед в струг свой, и отплы в путь свой в прежде реченный свой Псков град. Людие проводиша его с великою честью, и целоваша его, отпустиша.

Благоверный же князь Георгий Всеволодович егда приеха во град свой, прежереченный Псков, и многи дни пребысть в молитве, в посте же и во бдении, и много милостыни раздая нищим, и вдовицам, и сиротам. По построении же градов тех поживе лет 75.

Быст в лето 6747 (1239). Попущением Божиим грех ради наших прииде на Русь воевати нечестивый и безбожный царь Батый. И разоряше грады и огнем пожигаше, церкви Божия также разоряше и огнем пожигаше же. Людей же мечю предаваше, а младых детей ножом закалалаше, младых дев блудом оскверняше. И бысть плач велий.

Благоверный же князь Георгий Всеволодович, сия слышав, плакаше горко. И помолился ко Господу и пресвятей Божией Матери, собра вои своя, поиде противу нечестиваго царя Батыеа с вои своими. И егда сразишася вои обои вкупе, бысть сеча велия и кровопролитие.

Тогда у благовернаго князя Георгия и бысть мало вой, побеже благоверный князь Георгий от нечестиваго царя Батыеа вниз по Волге в Малый Китеж. И много брася благоверный князь Георгий с нечестивым царем Батыеем, не пуцая его во град свой.

Егда же бысть ночь, тогда благоверный князь Георгий изыде тайно из града того въ Большой град Китеж. На утрие же воста той нечестивый царь на град той с вои своими, приступом приступи и взя его. И всех поби и прируби людей во граде том. И не обрете благовернаго князя во граде том, нача мучити человека, и немогий мук терпети поведи ему путь. Той же нечестивый гнаше вслед его. И егда прииде ко граду тому, нападе на град той со множеством своих, и взя той град Большой Китеж, что на берегу езера Светлояра, и уби благовернаго князя Герогия месяца февраля в 4

день. И поеха из града того нечестивый той царь Батый. И после его взяша мощи благовернаго князя Георгия Всеволодовича.

И после разорения того запустеша грады те, Малый Китежь, что на берегу Волги стоит, Большой же, что на берегу озера Светлояра.

И не видим будет Болший Китежь даже и до пришествия Христова, яко же и в прежняя времена бысть сия, яко же свидетельствуют жития святых отец, патерик Монасийский, и патерик Скитский, и патерик Азбучный, и патерик Иеросалимский, и патерик Святыя Горы, яко сия святые книги согласны, в них писаны жития святых отец, и сокровенныя обители не едина, но много монастырей, и въ тех монастырех много множество бысть святых отец, яко звезд небесных просияв житием своим. Яко песка морскаго невозможно исчести, тако и сих невозможно писанию предати и вся списати. О них же, провидя Духом Святым, блаженный и пророк Давыд царь, удивляясь, вопиет Духом Святым, в богодухновенной книге своей Псалтыри глаголет: «Праведник яко финик процветет и яко кедр иже в Ливане умножится, насаждени в дому Господни во дворех Бога нашего процветут» (*Пс. 91: 13–14*). И еще той же пророк царь Давыд: «Мне же зело честнии быша друзи твои, Боже, зело утвердишася владычества их, изочту их, и паче песка умножатся» (*Пс. 138: 17–18*). О сих, провидя Духом Святым, блаженный апостол Павел в послании книги своея глаголет, провидя, сие слово к нам глаголет: «Проидохом во овчинах и козиях кожах, лишени, скорбящеи, озлоблени, имже не бе достоин мир» (*Евр. 11: 37–38*). То же слово и святой Иоанн Златоуст рече, в поучении своем глаголет в неделю 3-ю поста. То же слово, провидя, к нам святой Анастасий горы Синайския глаголет. Сие же слово апостольское, провидя, нам глаголет и преподобный отец наш Иларион Великий, о святых пишет: «И такоже убо в последнее время будет сие: грады и монастыри сокровенныя будут, якоже антихрист царствовати начнет в мире. Тогда побегут в горы и в вертепы, и в пропасти земныя». Человеколюбивый же Бог не оставит тогда хотящаго спастися. От усердия, и умиления, и слез все человеку Бог строит. Самого Спасителя Божественная уста глаголаше в пресвятом Евангелии, рече, яко вся ищущему и хотящему спастися дасться (*ср. Мф. 7: 7–8; Лк. 11: 9–10*).

И по убиению святаго и благовернаго и великаго князя Георгия Всеволодовича и по погребению честных мощей его, в лето 6-е прииде той царь Батый воевати в русское царство. Пойде же противу Батыя царя благоверный князь Михаил Черниговский з боярином своим Феодором. И егда сразишася вои обои вкупе, и бысть кровопролитие велие. И уби той нечестивый царь Батый благовернаго и великаго князя Михаила Черниговскаго з боярином Феодором в лето 6750 (1242), месяца сентября

в 20 день. И после убиения благоверного князя Михаила Черниговского во 2-е лето уби благоверного князя Меркурия Смоленского той нечестивый царь Батый в лета 6755 (1247), месяца ноября в 24 день. И бысть запустение московского царства и прочих монастырей и того града Большаго Китежа в лето 6756 (1248).

<...>

(Печатается по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. С. 168–177. Подг. текста, пер., коммент. Н. В. Поньрко. Электронный ресурс: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4960>.)

Основные вехи биографии великого князя Юрия Всеволодовича

- 1188, 26 ноября — рождение.
- 1191, 28 июля — постриги.
- 1205, 19 марта — смерть матери.
- 1209, 26 марта — победа над рязанскими полками на реке Дрезне.
- 1211, 10 апреля — женитьба на Агафье Всеволодовне.
- 1212, 15 апреля — смерть отца. Юрий во исполнение предсмертной воли отца становится владимирским князем.
- Начало войны с братом Константином.
- 1213, 23 октября — рождение старшего сына Всеволода.
- 1216, 21 апреля — поражение на Липице.
- Юрий лишается Владимира и получает от брата Константина Городец Радиллов.
- 1217 — примирение с Константином.
- 11 сентября — Юрий занимает Суздаль.
- Рождение сына (либо второго, Мстислава, либо третьего, Владимира).
- 1218, 2 февраля — смерть брата Константина. Юрий вновь великий князь Владимирский.
- 1220, лето — поход на Волжскую Болгарию.
- Зима — мирный договор с Волжской Болгарией.
- 1221 — основание Нижнего Новгорода.
- 1223, 31 мая — поражение русских князей на реке Калке.
- 1224 — поход Юрия в Торжок.
- 1226 — поход в Черниговскую землю для заключения мира между Михаилом Черниговским и Олегом Курским.
- 1228, 21 сентября — рождение дочери Феодоры.
- 1229, январь — поход на мордву.
- Ссора с братом Ярославом и племянниками Константиновичами.
- 7 сентября — примирение в Суздале при посредничестве епископа Митрофана.
- Мир с Волжской Болгарией.
- 1230, 9 марта — перенесение во Владимир останков Авраамия, мученика Болгарского.
- 14 апреля — женитьба старшего сына Всеволода.

Голод и мор в Новгороде.

1236/37, зима — женитьба сыновей Мстислава и Владимира.

1237, декабрь — вторжение орд Батые в пределы Рязанского княжества.

1238, 7 февраля — взятие Владимира. Гибель всей семьи великого князя: жены, трёх сыновей, дочери, невесток и внучат.

4 марта — гибель Юрия на реке Сити.

1239 — перенесение тела Юрия Всеволодовича из Ростова во Владимир.

Список источников и литературы

Источники

1. *Абрамович Д. И.* Киево-Печерський патерик / Пам'ятки мови та письменства давньої України. Т. IV. Киев, 1930.
2. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.; Л., 1940. С. 71–112.
3. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
4. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб., 1997.
5. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 1997.
6. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 2005.
7. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005.
8. *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинского. М.; Л., 1938.
9. *Длугош Ян.* История Польши Пер. С. Легаза / <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos/fragm1241.phtml?id=462>
10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
11. Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.
12. Избранные жития русских святых. X–XV вв. М., 1992.
13. *Инков А. А.* Летописец Переяславля Суздальского: Предисловие, перевод, комментарий. М., 2016.
14. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Ключаря тамошнего Собора Анании Федорова Изд. Я. А. Соловьев / Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 22. М., 1855.
15. *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niruša tobčigan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1: Введение, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
16. *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами: Латинский текст и перевод / Пер., вступ. ст., коммент. А. С. Досаева. СПб., 2012.
17. *Мансикка В.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст.

СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. № 180).
Тексты.

18. *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. (тексты, перевод, комментарии). М., 1979.

19. *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

20. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй чу-цая. М., 1965.

21. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. Н. Ц. Мункуева (Памятники письменности Востока. Т. 26). М., 1975.

22. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

23. *Новикова О. Л.* Материалы для изучения русского летописания конца XV — первой половины XVI в.: Летописные подборки рукописи Погод. 1596 // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 132–258.

24. *Пиотровская Е. К.* Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) // Православный палестинский сборник. Вып. 97 (34). СПб., 1998.

25. *Плано Карпини Дж. дель.* История монгалов. *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / Сост., вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М., 1997.

26. Повести о начале Москвы / Исслед. и подг. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964.

27. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репр. изд. 1926–1928 гг.).

28. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репр. изд. 1908 г.).

29. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвёртая летопись. М., 2000.

30. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

31. Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.

32. Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.

33. Полное собрание русских летописей. Т. 10: Никоновская летопись (продолжение). М., 2000 (репр. изд. 1885 г.).

34. Полное собрание русских летописей. Т. 14: Указатель к Никоновской летописи. М., 2000 (репр. изд. 1918 г.).
35. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М., 2000 (репр. изд. 1922 г.).
36. Полное собрание русских летописей. Т. 15. [Вып. 2.]: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. М., 2000 (репр. изд. 1863 г.).
37. Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 30: Владимирский летописец. М., 1965.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.
46. Полное собрание русских летописей. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
47. *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002.
48. Псковские летописи. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1941.
49. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
50. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей *Под ред. И. П. Петрушевского.* Т. 1. Кн. 1 Пер. Л. А. Хетагурова; прим. А. А. Семёнова. М.; Л., 1952.
51. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей *Под ред. И. П. Петрушевского.* Т. 2 Пер. Ю. П. Верховского; прим. Ю. П. Верховского, Б. И. Панкратова. М.; Л., 1960.
52. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских / Собр. В. Г. Тизенгаузен. СПб., 1884.
53. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2:

Извлечения из персидских сочинений / Собр. В. Г. Тизенгаузен; обр. А. А. Ромаскевич, С. Л. Волин. М.; Л., 1941.

54. Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Пер. А. Г. Кузьмина. Арзамас, 1993.

55. *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

56. *Сиренов А. В.* Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003.

57. Слово о полку Игореве / Подг. текста Л. А. Дмитриева. Л., 1952 (Библиотека поэта. Большая серия).

58. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / Подг. под рук. Н. Н. Покровского. М., 2007.

59. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салона и Сплита / Пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997.

60. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. / Подг., пер. С. В. Аксенова, А. Г. Юрченко; экспозиция и исслед. А. Г. Юрченко. СПб., 2002.

61. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. Е. А. Харитоновой. М., 2004.

62. *Шайдакова М. Я.* «Летописец о Нижнем Новгороде» // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. Сб. статей. М., 1986. С. 155–176.

63. *Шайдакова М. С.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006.

64. *Шилов А. А.* Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Материалы для полного собрания русских летописей // Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1909 г. Вып. 22. СПб., 1910.

65. *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1973.

66. *Юхименко Е. М.* Выговское Житие князя Георгия Всеволодовича Владимирского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 66. СПб., 2019. С. 295–318.

Литература

67. *Астайкин А. А.* Что означает Липицы? (Об определении места Липицких битв 1176 и 1216 гг. и критическом разборе версии А. С. Уварова) // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 197–228.

68. *Баумгартен Н. А.* К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // Летописи Историко-родословного общества.

Вып. 4 (16). М., 1908. С. 21–23.

69. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

70. *Бутырский М. Н.* Подвесная печать великой княгини Марии-Агафии Мстиславны // История и культура Ростовской земли. 2016. Ростов, 2017. С. 15–20.

71. Великий князь Александр Невский / Сост., автор. текст А. Ю. Карпова. М., 2002 (серия «Русский мир в лицах»).

72. *Виноградов А., прот.* История кафедрального Успенского собора в губернском городе Владимире. 3-е изд. Владимир, 1905.

73. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. XII–XV вв. Т. 1: XII столетие. М., 1961.

74. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. XII–XV вв. Т. 2: XIII–XV столетия. М., 1962.

75. *Гуппиус А. А.* Ещё раз о новгородской берестяной грамоте № 724 // *Slovéne*. 2015. № 1. С. 111–127.

76. *Гуппиус А. А., Зализняк А. А.* О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования. 1997. М., 1998. С. 540–562.

77. *Горский А. А., Рябов А. Н., Преображенский А. С., Я. Э. З. Георгий (Юрий) Всеволодович* // Православная энциклопедия. Т. 11. С. 88–97 (<https://www.pravenc.ru/text/164457.html>).

78. *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41.

79. *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.

80. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 2-е изд. М., 2009.

81. *Журавский А. В., Романова А. А.* Авраамий (Авраамий) Болгарский // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2011. С. 172–173.

82. *Заграевский С. В.* Вопросы архитектурной истории и реконструкции Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. М., 2008 (<http://www.rusarch.ru/zagraevsky22.htm>).

83. *Заграевский С. В.* Зодчие домонгольской Северо-Восточной Руси // Материалы XXIV межрегиональной краеведческой конференции (19 апреля 2019 г.). Владимир, 2019. С. 229–237 (<http://www.rusarch.ru/zagraevsky56.htm>).

84. *Зайцев А. К.* О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XIII в. (Голубино, Волочок и Уполозы) // *Он же.* Черниговское княжество X–XIII вв. Избранные труды. М., 2009.

85. И бысть сеча злая и великая... Голос истории. Краеведческий альманах. Вып. 5. С. Новый Некоуз, 2013 (https://nekouzbib.yar.muzkult.ru/media/2018/09/25/1220170620/Golos_ist_N5).

86. Кавельмахер В. Б. Краеугольный камень из лапидария Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (к вопросу о так называемом Святославовом кресте) // Древнерусское искусство. Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 185–197 (<http://www.kawelmacher.ru/index1.htm>).

87. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2–3. М., 1991.

88. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

89. Карпенко В. Ф. Великий князь Георгий (Юрий) Всеволодович Владимирский. Нижний Новгород, 2004.

90. Карпов А. Ю. Батый. М., 2011 (серия «ЖЗЛ»).

91. Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997 (серия «ЖЗЛ»).

92. Карпов А. Ю. Всеволод Большое Гнездо. М., 2019 (серия «ЖЗЛ»).

93. Каштанов Д. В. Русь и Фессалоника в XII–XIII вв.: люди, идеи, пути // Византийский временник. Т. 65 (90). М., 2006. С. 94–106.

94. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей: От древности к Новому времени. СПб., 2009.

95. Комаров К. И. О нашествии Батые на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 87–96.

96. Комарович В. Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. Л., 1936.

97. Косаткин В. Святой благоверный великий князь Георгий Всеволодович, чудотворец Владимирский. Владимир, 1882.

98. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015.

99. Кузнецов А. А. Битва на Липице 1216 г.: источниковедение и история события // Новгородский исторический сборник. Вып. 16 (26). Великий Новгород, 2016. С. 115–138.

100. Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006.

101. Кузнецов А. А. Жена Всеволода Большое Гнездо: Яское (аланское) или чешское происхождение? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 17–27.

102. Кузнецов А. А. Князь великий Георгий — основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2017.

103. Кузнецов А. А. Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг. // *Ruthenica*. Т. 8. Киев, 2009. С. 67–85.
104. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.
105. Кучкин В. А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 71–80.
106. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176.
107. Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география XII — начала XX в. Сб. статей к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 31–45.
108. Кучкин В. А. Первые тысяцкие Северо-Восточной Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 59–62.
109. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
110. Лидов А. М. О символическом замысле скульптурной декорации владими́ро-суздальских храмов XII–XIII вв. // Древнерусское искусство: Русь, Византия, Балканы, XIII в. СПб., 1997. С. 172–184.
111. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
112. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кем была «Мария Всеволожая»: Отчества и происхождение трёх русских княгинь XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. М., 2006. С. 334–347.
113. Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001.
114. Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979. С. 96–115.
115. Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
116. Макарихин В. П. Новгород Земли Низовской. Повествование о великом князе Юрии Всеволодовиче. Нижний Новгород, 1994.
117. Марянин Н. В. Поход на Биляр // <http://spas-rt.ru/ru/about/item/6914-pohod-na-bilyar.html>.
118. Медведева Е. С. О датировке врат Суздальского собора // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. 11. М.; Л., 1945. С. 106–111.
119. Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: По памятникам

эпиграфики X — первой половины XIII в. М., 2000.

120. *Меморский А. М.* Основатель Нижнего Новгорода великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович. Исторический очерк / Предисл. А. А. Кузнецова. Нижний Новгород, 2010 (репр. изд. 1889 г.).

121. *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969.

122. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

123. *Нестеров И. В.* Китежский летописец: проблема авторства, источников и времени составления // V Городецкие чтения: Материалы научной конференции. Городец, 2004. С. 92–101 (<http://opentextnn.ru/history/arkheography/?id=2954>).

124. *Нефедов С. А.* О демографических циклах в истории средневековой Руси // Клио. 2002. № 3. С. 193–203 (<https://book.cc/book/3136957/114bd1>).

125. *Овчинников М. В.* Жизнь и деяния святого благоверного великого владимирского князя Георгия (Юрия) II Всеволодовича. Нижний Новгород, 1889.

126. Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.

127. *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 4: Период удельный, 1054–1240. М., 1850.

128. *Раппопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

129. *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. 2-е изд. М., 2014.

130. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

131. *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1915. Т. 20. Кн. 1–2. Пг., 1915.

132. *Седов Вл. В.* Саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе (по данным Н. Н. Воронина) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 248. М., 2017. С. 278–289 (<https://readera.org/read/143163949>).

133. *Семенченко Г. В.* Древнейшие редакции Жития Леонтия Ростовского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 42. Л., 1989. С. 241–254.

134. *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1–3.

М., 1997 (репр. изд.: Владимир, 1901).

135. *Сиренов А. В.* Житие Георгия Всеволодовича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 4: Т — Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 377–380.

136. *Сиренов А. В.* Описание древнерусских некрополей в рукописях XVI–XVII вв. // Российская археология. 2011. № 1. С. 120–124.

137. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 4. М., 1991.

138. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3–4: История России с древнейших времён. М., 1988.

139. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1890–1912.

140. *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплётчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.

141. *Татищев В. Н.* История Российская. Ч. 2 (вторая редакция) // *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 3. М., 1995.

142. *Татищев В. Н.* История Российская. Ч. 2 (первая редакция) // *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1995.

143. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Вступ. ст. и общ. ред. А. Л. Хорошкевич, А. И. Плигузова. М., 1989.

144. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

145. *Халанский М. Г.* Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса. СПб., 1903 (отд. оттиск из: Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 8. Кн. 2. СПб., 1903. С. 168–176).

146. *Храпачевский Р. П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011.

147. *Чижев Гр., прот.* Жития святых благоверных князей Андрея, Георгия и Глеба Владимирских. Владимир, 1862.

148. *Янин В. Л.* Ещё раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 235–244.

149. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003.

150. *Янин В. Л.* О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // Советская археология. 1958. № 3. С. 54–60.

151. *Янин В. Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 146–158.

Над книгой работали

16+

Редактор *С. В. Карпова*

Художественный редактор *А. С. Козаченко*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Издательство АО «Молодая гвардия»

<http://gvardiya.ru>

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2022

notes

Примечания

Цитируется в переводе по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 90 (подг. текста Л. А. Дмитриева). См. также: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 154–157 (издание обоих сохранившихся списков), 182–184 (реконструкция текста).

Сиренов А. В. Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003; *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006; *он же.* Князь великий Георгий — основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2017. Впрочем, по-настоящему биографической можно назвать лишь последнюю книгу.

То есть в Рождественский пост, начинающийся 15 ноября (заговенье — 14 ноября, на память апостола Филиппа).

В Ипатьевской (Киевской) летописи известие это помещено в статье под 6695 годом по эре от Сотворения мира (которая в обычных случаях, при использовании так называемого *мартовского* стиля, отличается от нашей, от Рождества Христова, на 5508 лет для марта — декабря и 5507 для января — февраля). Однако статья Ипатьевской летописи носит сложный характер. В ней объединены события как 1187/88-го, так и 1188/89 годов от Р. Х. В Лаврентьевской (Суздальской) летописи о рождении четвёртого сына великого князя Всеволода Юрьевича сообщается в статье под 6697 годом по эре от Сотворения мира (27. Стб. 408), но здесь использован так называемый *ультрамартовский* стиль (начинающий год на полгода *раньше* византийского сентябрьского, в отличие от мартовского, чаще используемого в летописи, который начинал год на полгода *позже* сентябрьского), и, в соответствии с ним, рождение Юрия должно быть отнесено к осени (ноябрю) 1188 года нашей эры (69. С. 83–84, 203; ср. С. 315, прим. 76).

Ясы, или асы, аланы, — предки нынешних осетин, жившие в те времена на Северном Кавказе и в Подонье.

Разумеется, не заслуживают доверия «избыточные» известия Тверского летописного сборника (XVI века) о том, что Мария была «приведена ис Чех не крещена», но крещена лишь во Владимире (36. Стб. 301), равно как и наименование её отца Шварна «чешским князем» (Стб. 237) или даже «чешским королём» (Стб. 290).

Данная статья Лаврентьевской летописи датирована 6700 годом от Сотворения мира. Однако летописец продолжает пользоваться ультрамартовским стилем, так что названный год соответствует 1191/92-му от Р. Х. (69. С. 84).

Из летописей известно лишь иноческое имя, которое вдова Константина приняла после смерти мужа, — Агафья. Крестильное же имя супруги Константина Всеволодовича — Мария — стало известно совсем недавно по изображению святой Марии на принадлежавшей ей печати (70. С. 15–20).

В Лаврентьевской летописи — под 6708 годом от Сотворения мира. Но здесь по-прежнему использован ультрамартовский стиль. Новгородская Первая летопись сообщает о посольстве во Владимир под 6707 годом, называя точную дату приезда юного Святослава в Новгород — 1 января 1200 года (22. С. 44).

Святому Спасу посвящён главный собор Переяславля-Залесского.

Святому Михаилу был посвящён главный храм Переяславля-Южного (ныне город Переяслав, бывший Переяслав-Хмельницкий, на Украине).

В рукописи (ошибочно?): «отец его духовный».

«...А всея болести ея 8 лет, наставше 9-му лету, поиде к Богови» (43. С. 161; 45. С. 126); в других летописях речь идёт о семи годах болезни (27. Стб. 425; 47. С. 289). Считать надо не наши январские годы от Рождества Христова, а древнерусские от Сотворения мира. Рождение сына Ивана датируется серединой 6706-го мартовского или самым концом сентябрьского; пострижение и кончина Марии — первыми днями мартовского 6714-го. Это действительно начало «девятого лета»; если же считать сентябрьскими годами, то можно сказать, что и начало «восьмого».

Что касается графической системы «Суздальского змеевика», в которой отразились диалектные особенности юго-западных областей древней Руси (76. С. 552), то это само по себе не противоречит гипотезе о его происхождении из Северо-Восточной Руси — слишком сильны были связи между двумя регионами, начиная со времён Юрия Долгорукого, в том числе и в интеллектуальной сфере. Серьёзное утверждение о том, что имя «Миославля» (?), читающееся в надписи на медальоне, является формой наименования жены (Марии?) по мужу (76. С. 558–561). Сомневаюсь, однако, что наименование по мужу могло восприниматься как мирское имя («в мире же Миославле (?)), равно как и безымянное выражение «старшая дочь» («с старейшею дочерью») не может быть «мирским именем». Поэтому думаю, что выражение «в мире же Миослава (Миославле?)» относится всё же к Христине, но не к Марии, а двойственное число («рабома своима») имеет в виду Марию и Хрестину-Миославу (или Миославлю).

Название «Суздаль» надо понимать здесь в расширительном смысле, не как город, но как область — Владимиро-Суздальское княжество. В Летописце Переяславля Суздальского сказано точнее: «Пришёл Ярослав из Русского Переяславля с женою своею во Владимир Суздальский к отцу своему великому князю Всеволоду» (45. С. 127).

То есть Масленицы.

Мефимон (от греч. μεφ' ἡμῶν — «С нами [Бог]») — так называлась в древней Руси вечерняя служба на Сырной и Первой неделе Великого поста. Как отмечают исследователи-астрономы, кольцеобразное солнечное затмение, случившееся в этот день, описано в летописи довольно точно (131. Кн. 1. С. 115–116).

«Кир» по-гречески значит: «господин». Почему это прозвище-титул пристало к князю, неизвестно, но летописи называют Михаила только так.

Отец Мстислава Мстиславича, князь Мстислав Ростиславич Храбрый (ум. 1180), неоднократно княжил в Новгороде и был одним из любимых новгородцами князей. Погребён в новгородском Софийском соборе.

Что это за местность или река, неизвестно.

Мстислав приходился Всеволоду троюродным внучатым племянником и признавал себя «младше» Всеволода в княжеской иерархии — «сыном» по княжеской терминологии того времени. Соответственно, Всеволод был для него «отцом».

Хотя высказывались и другие предположения. Так, под Голубино предлагалось понимать село близ Ясенева, ныне в черте Москвы (127. С. 285; что, впрочем, маловероятно, ибо Юрий двигался от Владимира и не мог оказаться в Москве до встречи с противником: *Там же*. С. 186); или же село на реке Выдре, правом притоке Северки на юге Московской области (122. С. 184).

Автор Летописца Переяславля Суздальского, напротив, называет Ярослава среди сыновей, присутствующих при погребении отца (45. С. 129).

Гробница князя Всеволода Юрьевича вскрывалась неоднократно в связи с попытками его канонизации в XVII–XIX веках, после чего, по словам историка советского времени, стала использоваться как «место свалки костей, потревоженных при ремонтах собора». В последний раз гробница князя была обследована в 1934 году (см.: 132. С. 278–287).

Заголовок приписан позже на полях рукописи.

Река Ишня впадает в озеро Неро. Она протекает недалеко от Ростова, как бы прикрывая город с юга и запада.

Что это за боярин, неизвестно. Более он в летописях не упоминается.

Князь Роман Глебович, старший из рязанских князей; как и его родичи, он оказался во владимирском плену ещё в сентябре 1207 года, сразу после начала Рязанской войны.

В Московском летописном своде: «черно»; «чермно», то есть «красно» (что, видимо, правильнее) — из Воскресенской (31. С. 119).

Как отмечают исследователи: астрономы, здесь, по всей вероятности, описывается оптическое явление, получившее название «гало», — возникновение околосолнечного касательного полукруга, как бы прикрывающего солнце (131. Кн. 1. С. 147–148).

Современный Волоколамск.

В летописце Переяславля Суздальского в данном случае, как и в предыдущей летописной статье, использован ультрамартовый стиль (69. С. 103, 349).

Село недалеко от Ростова, на противоположной стороне озера Неро. В летописном рассказе далее упомянуты реки Усия и Уза, но что имеется в виду, неясно.

Владимирский монастырь Рождества Богородицы. В рукописи ошибочно: «Святого Рожества Господа нашего Исуса Христа».

Это последняя летописная статья, на которой Летописец Переяславля Суздальского обрывается. («Се же бысть лето високостное» — последние его слова, не вполне подходящие к 1214 году, отнюдь не високосному.)

Каменный ростовский Успенский собор обрушился ещё в 1204 году. Строился новый собор очень долго, простоял неосвящённым почти 20 лет и был освящён лишь в 1231 году при сыне Константина ростовском князе Васильке Константиновиче.

В одном из списков Патерика вместо слово «съпрестолник» читается: «наместник» (1. С. 102, прим. 7).

То есть в обе части Владимиро-Суздальской епархии.

1 февраля в 1214 году пришлось на субботу мясопустной недели — последней перед Великим постом. «Змеями» в древней Руси именовали метеоры. Гром, слышанный «по заутрени», замечает исследователь, позволяет думать, что то была не февральская гроза, а «результат взрыва аэролита» (131. Кн. 2. С. 251–252).

Чудь — эсты (нынешние эстонцы). Чудь Ерева (Эрева) — одно из эстских племён, живших по побережью Финского залива. Упомянутый ниже город Воробьин — замок Варболэ в центральной части Эстонии.

То есть своей дружине.

Всеволод Борисович — сын киевского князя Мстислава-Бориса Романовича Старого; *Давыд* — вероятно, брат Мстислава Удатного (а также его брата Владимира, впоследствии князя Псковского; впрочем, см. ниже).

Здесь соединены единицы немецкой и русской денежных систем. В данном случае, вероятно, 1 марка равнялась 1 ногате и составляла $\frac{1}{20}$ новгородской гривны (19. С. 162). Соответственно, Мстислав взял с жителей крепости 7 килограммов серебра. Заметим, что, по сведениям того же Генриха, это почти вдвое больше, чем после успешного похода на Медвежью голову двумя годами раньше (19. С. 119).

Скудельница — братская, общая могила.

Вспомним, что князь Мстислав Мстиславич признавал себя «сыном» Всеволода Большое Гнездо. Однако к подлинному сыну Всеволода Ярославу он обращается не как к «брату», но как к «сыну», то есть заведомо младшему в княжеской иерархии.

13 февраля.

Традиционно князь Владимир Псковский считается братом Мстислава Мстиславича (хотя прямо об этом летописи не говорят и отчество князя не называют). В последнее время, однако, на этот счёт высказаны сомнения (79. С. 714–715). По мнению польского историка Д. Домбровского, Владимир Псковский и его брат Давыд Торопецкий были сыновьями прежнего новгородского князя Ярослава Владимировича (79. С. 631–642, 653–658).

Впрочем, высказано и иное мнение, согласно которому все дополнения, читающиеся в распространённой редакции Повести о битве на Липице, представляют собой плод сочинительства новгородских книжников XV века (100. С. 182–333; 99. С. 115–138). Однако столь критический подход к источнику кажется чрезмерным.

Бродники — обитатели южнорусских степей (от Подунавья до Подонья), предшественники казаков. Они не единожды принимали участие в войнах того времени, причём не только на стороне русских князей, но и на стороне врагов Руси. Упоминаемые ниже городчане — жители Городца Радилова на Волге, выступавшие, вероятно, обособленно от ратников из других суздальских городов. Автор Повести о битве на Липице тщательно перечисляет состав войска Юрия и его братьев. Упоминание «пещцев» «из сёл» должно было показать, что Юрий привлёк под свои знамёна всех, кого было можно, — вплоть до тех, кто никогда прежде в войнах не участвовал и серьёзной военной силы не представлял, но лишь увеличивал численность войска.

Попытка точного определения места битвы: 67. С. 197–228.

В других вариантах Повести наоборот: у Юрия 13 стягов (отдельных соединений), а труб и бубнов (отрядов) — 60; у Ярослава 17 стягов и по 40 труб и бубнов (30. Стб. 271).

Или как в Тверской летописи (где как раз по этому случаю и приведено описание внешности Юрия, см. выше): «...на пятом коне, а четырёх загнав, бе бо телом толст и стяжек» (36. Стб. 323).

Надо полагать, Святославом и Иваном. Хотя в тексте летописной Повести (пространной редакции) ранее упомянут брат Юрия Владимир, но он участвовать в битве на Липице никак не мог, ибо находился в то время в половецком плену, так что это явная ошибка (100. С. 241–242). В других летописях сказано иначе: Юрий вышел из города «с двумя сыновьями» (40. С. 114; 31. С. 123). Если принять это чтение, то получается, что к 1216 году у Юрия родился второй сын (Мстислав?). Между тем о рождении не названного по имени сына (того же Мстислава? или третьего, Владимира?) летопись сообщает под 1218 годом (27. Стб. 441).

29 апреля

3 мая.

4 мая, Преполовление Пятидесятницы (середина по времени между Пасхой и Троицей, иначе называемой Пятидесятницей).

Первое из этих предположений, вероятно, следует отвергнуть, ибо никакой опоры в источниках оно не имеет (105. С. 71–80). Второе, напротив, имеет некоторое обоснование: так, автор Тверской летописи в статье под 1238 годом называет князя Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Старого, шурином Ярослава, то есть братом его жены (36. Стб. 373). Однако сведения тверского летописца на этот счёт явно путаные: в другом месте, говоря о смерти Ярославовой жены (матери Александра Невской «великой княгини Феодосии»), он именует её «дщерью великого князя Мстислава Мстиславича» (36. Стб. 385). То есть кем она была, автор XVI века не знал.

Память святого Лонгина Сотника празднуется 16 октября. В 1217 году эта дата пришлась на понедельник; канун праздника — 15 октября — на воскресенье.

Исады — существующее и ныне село в 7 километрах от Старой Рязани. Далее перечисляются участники этой драмы: князя-убийцы Глеб и Константин Владимировичи и их жертвы: родной их брат Изяслав Владимирович и двоюродные: Кир-Михаил Всеволодович, Ростислав и Святослав Святославичи, Глеб и Роман Игоревичи. Ещё один Игоревич, Ингварь, не успел приехать на княжеский съезд, что и спасло ему жизнь.

В рукописи: «епископа» (двойственное число). Следует читать: «епископ», делает примечание издатель Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карский (27. Стб. 444, прим. в), допуская, впрочем, что Константина могли отпевать оба епископа — и Кирилл, и Симон.

Новгородский посадник.

61

Город на одноименной реке. Ныне село в Макарьевском районе Костромской области.

То есть в канун храмового праздника — Рождества Пресвятой Богородицы (отмечаемого 8 сентября).

Вероятно, старший из сыновей муромского князя Давыда Юрьевича.

Насад — древнерусская ладья; её основу (киль) составлял выдолбленный ствол дерева, а борта наращивали («насаживали») досками.

Предположительно историки отождествили его с так называемым Богдашкинским городищем, расположенным в Тетюшском районе Республики Татарстан, в 9 километрах западнее правого берега Волги, близ реки Кильны, притока реки Свяги (107. С. 42).

Развивая летописный рассказ, историк XVIII века В. Н. Татищев наполняет его разными подробностями, вводя в своё повествование вымышленные имена героев взятия Ошела — братьев Ермила и Вавилы Охотиных, «дворян» князя Василька Ростовского. Первый из них, когда русские готовы были уже отступить с захваченного ими городского вала, не выдерживая «многаго стреляния богарского», выступил с пламенной речью («Братия, стыд нам великий, если отступим... Я лучше хочу с честью умереть и славу князей в Руской земли сохранить, нежели со стыдом отступить, а вы что разсудите»), после чего, «взяв меч в руку, огонь в другую», бросился на врага; за ним последовали его брат и другие воины (141. С. 208). Такого рода вымышленные речи не редки в «Истории Российской».

То есть стал с подветренной стороны, укывшись от бури.

Аksamиты, паволоки — драгоценные ткани.

По-видимому, нынешнее село Омутское Суздальского района Владимирской области, на реке Нерли, несколько выше Суздаля.

Рота — клятва.

1221 года.

В одном из списков «Летописца о Нижнем Новгороде»: «Архангела Гаврила деревяную» (64. С. 40; 62. С. 162, прим.).

Традиционно считается, что речь идёт о нижегородском Благовещенском монастыре (ныне возрождённом). Однако каких-то прочных оснований для такого отождествления историки не находят (102. С. 100–101). В других поздних сочинениях основанный Юрием монастырь называется Печерским (26. С. 182) (при том что нижегородский Вознесенский Печерский монастырь основан только в XIV веке) или Успенским (56. С. 128).

То есть владимирского Успенского собора.

То есть на Преполование Пятидесятницы (25-й день после Пасхи); в 1445 году этот день пришёлся на 21 апреля.

Мир, или, скорее, перемирие между Орденом и Псковом было заключено ещё в 1217 году, однако затем оно было нарушено.

Хронист путает малолетнего Всеволода Юрьевича с предыдущим новгородским князем, Всеволодом Мстиславичем. Последний действительно участвовал в битве на Калке в 1223 году, но не был убит, в отличие от своего отца и многих других русских князей, а сумел вернуться на Русь.

Летты, или латгалы — восточно-балтское племя, предки нынешних латышей.

Река в Латвии, современное латвийское название — Гауя. Торейда (Турайда) — область по реке Гауя.

Бодо фон Хомбург, знатный рыцарь. Прибыл в Ливонию в 1221 году (19. С. 182, прим. 5). Пилигримы — рыцари-крестоносцы, прибывшие в Прибалтику морем.

Как отмечают издатели «Хроники», скорее всего, речь идёт о противоречиях между рижским епископом и датчанами, которые в 1219 году высадились на севере Эстонии (19. С. 182, прим. 6).

Койвемунде — устье реки Койвы (Гауи). Деревни, названные далее хронистом, точно не отождествляются.

Унгауня, Угауня — восточная Эстония.

Сакала — южная Эстония. Сакальцы (в русской летописи — сосола) — жители южной Эстонии. Угаунийцы — жители восточной Эстонии (Угаунии).

Как отмечают издатели «Хроники», то, что крестоносцы свободно прошли мимо Пскова и, не тронув его, вернулись мимо Пскова же обратно, позволяет сделать предположение «о некой договорённости», существовавшей между Псковом и рижским войском (19. С. 183, прим. 13).

Кукенойс (ныне Кокнесе) — центр бывшего русского (или, точнее, зависимого от русских) княжества, завоёванного рыцарями-меченосцами в 1208 году.

Ныне Усвяты, в Псковской области.

Нынешний Таллин (Датский город) — крепость, построенная датчанами на месте разрушенной эстской крепости. Чудская земля — Эстония (чудь — эсты, эстонцы).

Кто была «княгиней» (супругой) Ярослава Всеволодовича — вернувшаяся к нему Ростислава, дочь Мстислава Мстиславича, или новая, третья жена князя, сказать трудно; см. об этом выше. Напомню, что старший сын Ярослава, Фёдор, родился зимой 1219/20 года (40. С. 66). Дата рождения второго сына, Александра, точно неизвестна; называют либо 1220 год (В. Н. Татищев указывал даже точную дату: 30 мая (141. С. 210), но она едва ли может быть верной), либо 1221 год (106. С. 174–176), что, по-видимому, ближе к истине.

Юрьев (Дерпт, нынешний Тарту, в Эстонии) был основан ещё в 1030 году Ярославом Мудрым. Вскоре, однако, русские князья потеряли контроль над ним, а в 1212 году здесь обосновались рыцари Ордена меченосцев. В том же 1223 году русские вновь заняли Юрьев, но, как видим, ненадолго.

То есть с помощью осадных машин и передвижных башен.

Вячко — бывший правитель зависимого от Полоцка княжества Кукенойс.

Сами монголы татарами себя никогда не называли и с татарами издавна враждовали. Монголоязычные татарские племена были историческими предшественниками монголов, и последние со временем заняли их место. Во времена, предшествовавшие рождению Чингисхана, татары господствовали в Восточной Монголии, так что «из-за их чрезвычайного величия и почётно́го положения другие тюркские роды... стали известны под их именем, и все назывались татарами», — замечает в своём экскурсе в историю монголов официальный историограф правителей монгольского Ирана Рашид ад-Дин (50. С. 102). В XI веке обширные пространства между Северным Китаем и Восточным Туркестаном именовались по их имени «Татарской степью» (подобно тому как «Кипчакской степью» — Дешт-и-Кипчак — именовали пространства между Западным Туркестаном и Нижним Подунавьем). И когда полтора столетия спустя монголы заняли эти громадные территории и подчинили их своей власти, в тюркской и мусульманской среде они и сами стали именоваться татарами. От половцев это название стало известно на Руси и в Венгрии, а затем и во всей латинской Европе (94. С. 160–167).

В Новгородской Первой летописи, равно как и в Ипатьевской (28. Стб. 740–745) и многих других рассказ о Калкском побоище читается под 6732 годом; в Лаврентьевской (27. Стб. 445–447) — под 6731-м. Противоречие объясняется использованием в разных летописях различных стилей летосчисления — мартовского и ультрамартовского (69. С. 106–107, 317, прим. 111). В «Хронике Ливонии» битва датируется 1222 годом (19. С. 134), со смещением на год «русских» дат. Точный год битвы назван в «Летописи» современника событий, арабского историка Ибн ал-Асира — 620-й год хиджры (4 февраля 1223 — 23 января 1224) (52. С. 26–27), а также в китайской официальной истории монгольской династии Юань «Юань-ши», составленной в XIV веке (в жизнеописании Субедея): «в год гуй-вэй» (2 февраля 1223 — 21 января 1224) (11. С. 228).

Мефодий, епископ города Патар в Малой Азии (III — начало IV века); ему приписывали сочинение («Откровение»), повествующее о последних днях перед Концом мира, весьма популярное в древней Руси. Русские книжники приспособляли сведения, приводимые псевдо-Мефодием, к реалиям древней Руси: так, «пустыня Еттивская» во внутренней Аравии (оазис Ятриб, будущая Медина) перемещается под пером русских книжников куда-то «между востоком и севером»; по «Откровению», именно оттуда ближе к концу света должны выйти «на казнь христианам» народы, предки которых были разгромлены в библейские времена израильским судьёй Гедеоном.

В Лаврентьевской и многих других летописях дата указана иначе: 30 мая, «на память святого мученика Еремиа». Но это, по-видимому, ошибка — память святого Ермия празднуется 31 мая. Правильно дата названа в Новгородской Первой летописи. В более поздних летописях встречается ещё одна дата битвы: 16 июня (30. Стб. 282; 29. С. 203). Но это уже явная путаница: 16 июня — дата вокняжения в Киеве (после гибели Мстислава Романовича) Владимира Рюриковича (69. С. 317–318, прим. 112).

Текст читается под 6732 годом, в той же летописной статье, что и рассказ о побоище на Калке. Можно думать, однако, что в этой летописной статье объединены события двух лет — 1223-го и 1224-го.

Черниговский князь Михаил Всеволодович (будущий святой) приходился шурином Юрию Всеволодовичу, который был женат на его родной сестре.

Напомню, что пишет это новгородец.

Усвятское озеро, на реке Усвячи (притоке Западной Двины).

Митрополит Кирилл, грек, был рукоположен в Никее (местопребывании константинопольских патриархов после завоевания Константинополя латинянами) в 1224 году и 6 января 1225 года возведён на кафедру в киевском Софийском соборе. Умер в 1233 году.

Авторы Московского летописного свода конца XV века знают и другого Олега этого времени — Олега Святославича (на его дочери в 1228 году женится племянник Юрия Всеволод Константинович: 40. С. 122). Однако они определённо различают Олега Курского и Олега Святославича, считая их разными людьми.

В литературе нередко называют имя жены Василька, дочери Юрия, — Добрава. Это, однако, основано на недоразумении: Добравой (Дубравкой) звали вторую жену Василька Романовича (79. С. 329–330).

То есть в Неделю крестопоклонную, третье воскресенье Великого поста.

Редкий случай, когда летописец, ростовский книжник, говорит о себе от первого лица.

Емь (финское хяме, по-шведски тавасты) — восточнофинское племя, занимавшее внутренние области Финляндии.

Известие это имеется также в Типографской летописи особой редакции, где датируется 6733 (1225) годом (63. С. 51).

Пасха в 1228 году была 26 марта. Судя по дате, можно предположить, что сын Давыда умер 1 апреля, в субботу пасхальной недели, а сам Давыд — 2 апреля, в воскресенье (69. С. 108).

Распространено мнение, согласно которому князь Давыд Юрьевич — одно лицо со святым Петром Муромским, который прославляется Церковью вместе со своей супругой Февронией как покровитель брака и семьи. О святых Петре и Февронии достоверно известно очень мало (вплоть до того, что неизвестно даже примерное время их жизни). Заметим, однако, что ни имя князя Давыда, ни известные из летописи обстоятельства его жизни не дают оснований для такого отождествления.

Незадолго до смерти князь Мстислав Удатной уступил Галич своему зятю, венгерскому королевичу Андрею, а сам ушёл княжить в Торческ, город на реке Роси, в Поднепровье.

До 24 июля.

Славно — Славенский «конец» (район) Новгорода.

Иными словами, псковичи обязывались не вмешиваться в конфликт между Новгородом и Орденом.

Новгородский боярин, родоначальник рода Мишиничей; позднее, в 1240 году, он прославится своими подвигами в Невской битве.

То есть от Успения, 15 августа, до 6 декабря, дня памяти святого Николая Мирликийского.

В дате очевидная ошибка. Может быть, в 4-й день после начала военных действий? Или в 24-й день января?

Союзника, принесшего «роту» — присягу, клятву.

Согласно Троицкой летописи, Юрий отправил на княжение в Русский Переяславль не Святослава, а Ярослава (47. С. 310). Впрочем, и того и другого мы вскоре увидим в их уделах.

То есть в суздальский Дмитриевский монастырь, из которого он и был выведен на ростовскую кафедру.

Саксины — часть половцев, проживавшая на Нижней Волге («Низ» — низовья реки). Своё имя они получили по городу Саксину, близ устья Волги.

Яик — старое название реки Урал.

В оригинале: «трунове» («трун» — знатный человек у волжских болгар).

Антипасха (Фомина неделя, Фомино воскресенье) — следующее воскресенье после Пасхи. Позднейшая традиция, сохранявшаяся во владимирском Успенском соборе, называла имя жены князя Всеволода — Мария (64. С. 59).

Кирилл I, оставивший кафедру в прошлом, 1229 году.

Алтарь.

В летописи оставлен пробел для указания месяца, так и не заполненный летописцем.

То есть, по летописному счёту, с 1152 года: под этим годом в той же Тверской летописи говорится об основании Юрием Долгоруким града Юрьева и церкви Святого Георгия (36. Стб. 219–220).

14 сентября.

Имеются в виду грамоты Ярослава Мудрого (или же приписываемые ему), на которых со времён Ярослава Всеволодовича приносили клятву все новгородские князья вплоть до второй половины XV века.

Ильм — род дерева, вяз.

Чуть ниже в той же летописной статье, но говоря уже о событиях начала следующего, 1231 года, летописец сообщает о смерти — возможно, от того же мора — смоленского князя Мстислава Давыдовича.

Рипида (опахало) — богослужebная утварь в виде металлического или деревянного двустороннего изображения шестикрылого серафима на длинной рукояти; употребляется в таинстве литургии.

Ср. в Проложном Житии Владимира: «Хвалить убо Римская земля Петра и Павла, Асья Иоана Богословьца, Егюптьская Марка, Антиохииская Луку, а Грецкая Андрея. Вся же Русьская земля тебе, Володимире...» (*цит. по: 91. С. 428*). А эти слова, в свою очередь, восходят к «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Илариона: «Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра и Павла... Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка... Восхвалим же и мы... великого князя земли нашей Владимира...» (4. С. 43. *Перевод диакона Андрея Юрченко*).

В Лаврентьевской летописи это известие помещено в статью под 6740-м ультрамартовским годом; эта статья продолжает рассказ о событиях 1231/32 года, начатый в предыдущей статье, обозначенной 6739-м мартовским (69. С. 108–109). Новгородская Первая летопись датирует поход Ярослава Всеволодовича на Серенск (не упоминая о Юрии Всеволодовиче) осенью 6739 (1231) года.

Город в нынешней Калужской области.

Подвойский — судебный пристав (должность в средневековом Новгороде). Более этот Олдан в летописях не упоминается.

То есть в прокорм, сбор съестных припасов и фуража.

То есть создальцев.

Черным, то есть рыжим, именовали отца Михаила князя Всеволода Святославича.

Отчество Изяслава ни в Новгородской летописи, ни в Ипатьевской (где более подробно, но очень путано рассказывается о событиях этой войны) не приведено. В Московском летописном своде конца XV века, Софийской Первой и др. (40. С. 126; 30. Стб. 287; 33. С. 104) князь назван Мстиславичем, сыном Мстислава Романовича Старого. Исследователи, однако, считают, что это ошибка: Изяслав, скорее всего, принадлежал к Ольговичам и, вероятно, был Владимировичем — внуком Игоря Святославича (34. С. 67; 143. С. 113).

С немецких купцов, живших в Киеве.

142

1236 года.

Кольцеобразное солнечное затмение действительно наблюдалось 3 августа 1236 года, см.: *131. Т. 1. С. 120–121.*

Позднейшая традиция, сохранявшаяся во владимирском Успенском соборе, называла имена жён князей Мстислава и Владимира Юрьевичей — Христина и Феодора (64. С. 59).

Булары — волжские болгары; башгирды — башкиры (здесь, вероятно: уральские венгры). Однако точно так же у Рашид ад-Дина и других восточных авторов называются поляки и дунайские венгры. В данном случае в рассказе налицо путаница: далее эти народы описываются как христианские, и затем говорится о военных действиях Бату в Европе против поляков и венгров, то есть о событиях значительно более поздних (эту часть рассказа Рашид ад-Дина мы опускаем).

Это половецкое племя известно также и по русским источникам. Китайские хроники называют кипчака Бачмана главным противником монголов и даже объясняют назначение в Кипчакский поход самого знаменитого из монгольских полководцев Субедея необходимостью противостоять столь опасному противнику (11. С. 230).

Асы — аланы.

Мокша и арджаны (эрзя) — мордовские племена. Этническая принадлежность буртасов точно не определена.

Или, в другом списке: «сорок весьма укрепленных замков».

Исключение составляют известия, помещённые в «Истории Российской» Василия Никитича Татищева: под 1232 годом здесь сообщается о том, что «болгары... прислали к великому князю Юрию объявить, что пришёл народ неведомый... вельми сильный, и просили, чтоб послал к ним помощь, обеспечивая все его убытки заплатить. Князь великий, собрав братьев и сыновцев, советовал. И слыша, что татар сила велика, а болгаров обезсилеть не желея, отказали им в помочи»; под 1236 годом: «Того же году от пленения татарского многие болгары, избегши, пришли в Русь и просили, чтоб им дать место. Князь же великий Юрий вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие. Тогда многие советовали ему, чтоб города крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татара придут на земли его, но он, надеясь на силу свою, яко и прежде, оное презрил» (141. С. 227, 230; 142. С. 370). Однако нет оснований считать, что эти известия извлечены Татищевым из какой-то древней, не дошедшей до нас рукописи. Скорее, здесь, как и в других случаях, перед нами реконструкция событий, основанная на собственных представлениях историка XVIII века о том, как должен был бы поступать князь в тех или иных обстоятельствах.

Иконостас.

Над алтарём.

Монголы пользовались уйгурским алфавитом.

Возможно, имеются в виду территории, занятые половцами в Венгрии?

Этот титул Юлиан понимал как собственное имя верховного правителя МОНГОЛОВ.

Титул передан с явным пренебрежением, как «королёк».

Речь идёт об орде Котяна, откочевавшей в Венгрию.

Здесь, как и в других случаях, это не название города, а название всего княжества.

Текст неясен; вариант прочтения: «на которое никогда не нападала».

Вариант: Orgenhusin. С. А. Аннинский, вслед за издателем письма Юлиана Л. Бендефи, перевёл это название как Воронеж, что ввело в заблуждение некоторых исследователей, писавших о нападении татар именно на этот город, иногда отождествляемый с современным Воронежем. Между тем современный Воронеж возник только в XVI веке. Скорее всего, «замок Ovcheruch», или «Orgenhusin», может быть отождествлён с неким городом или крепостью Нузла (Нуза, Онуза, Нухла) на южных рубежах Рязанской земли, упомянутым в той же связи русскими летописцами.

В младшем изводе Новгородской Первой летописи данное требование (десятины «в конях») приведено с максимальной точностью: «в белых 10 („10-е“, то есть десятую часть. — А. К.), в вороных 10 и в бурых 10-е, в рыжих 10-е, в пегих 10-е». Что ж, остаётся признать, что монголы действительно знали толк в лошадях.

Скорее всего, Юрий был не братом, но сыном умершего в 1235 году князя Ингваря Игоревича. В ряде летописей: Софийской Первой старшего извода (30. Стб. 288), Московско-Академической (27. Стб. 514) и других он назван Юрием Ингваревичем, а далее упомянут «брат его Олег Ингваревич», что, вероятно, правильнее (104. С.162–165).

О взятии Рязани сообщают также восточные источники. Длительность осады при этом определяется по-разному: согласно «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина, царевичи «осадили город Арпан и в три дня взяли его» (51. С. 38–39); в китайской династийной хронике «Юань-ши» продолжительность осады определена в семь дней (11. С. 208, 242).

В Московско-Академической летописи сообщается об участии в сражении новгородцев: «...Поиде Всеволод, сын Юрьев... и князь Роман и новгородци...» (27. Стб. 515). Но это, конечно, ошибка, результат неправильного понимания первоначального текста: «...и князь Роман Инъгоровичь» (в отдельных списках: «Инъвгоровиць», «Инъвгоровичь», «Иновгорович») (22. С. 286; 30. Стб. 290).

Оставляю в стороне вопрос о том, когда именно был написан рассказ о нашествии монголов на Русь в Лаврентьевской летописи. Историками он решается по-разному (126. С. 78–82).

Имеющиеся у В. Н. Татищева точные даты взятия Коломны и Москвы не внушают доверия, ибо приведены (притом по-разному) лишь в отдельных списках его «Истории»: взятие Коломны датируется 1 февраля (в приписке к Воронцовскому списку второй редакции) или 1 января (в посмертном издании 1774 года); взятие Москвы — 8 февраля или (позднейшее исправление) 20 января (в том же Воронцовском списке) (141. С. 233, 291).

Летопись содержит ошибку в дате. 3 февраля 1238 года пришлось на среду, а не на вторник, мясопустной недели. Более вероятным представляется, что ошибка возникла в указании на день недели, так как в том случае, если бы татары подошли к городу действительно во вторник 2 февраля и летописец захотел бы указать это, он скорее всего отметил бы совпадение этого события с праздником Сретения (69. С. 109–110).

«Бе бо уныл лицом и изнемогл бедую от мужа (от страданий. — А. К.)», — прибавлено в другом списке летописи (27. Стб. 516).

Точная дата приведена в так называемой Типографской летописи: «в пяток (мясопустной недели. — А. К.)» (39. С. 93).

170

6 февраля.

Пороки — стенобитные орудия, а также камнемётные машины.

Новгородская Первая летопись датирует взятие Владимира 5 февраля («в пяток (пятницу. — А. К.) преже мясопустных недели» (22. С. 75).

Примет — то, чем заваливают рвы перед городскими стенами (брёвна, хворост и т. д.) и что «приметают» к самим стенам для овладения ими.

О рождении внуков у великого князя Юрия Всеволодовича летописи не сообщают. Скорее всего, речь идёт о внучках: появление на свет девочек в княжеском семействе не считалось столь важным событием, которое следовало фиксировать летописцам.

Почитаемую Владимирскую икону Божией Матери.

Имя названо в Троицкой летописи (47. С. 316).

Второй сын Юрия Мстислав в рассказе Новгородской летописи не упомянут, действующим лицом обороны Владимира оказывается один Всеволод. Однако понятно, что речь должна идти об обоих братьях.

То есть 6745-го от Сотворения мира (февраль — последний месяц года; с марта начинался новый, 6746-й).

Иов многострадальный — библейский праведник, претерпевший невыносимые мучения, образец терпения и веры. Ему посвящена Книга Иова в Ветхом Завете.

180

Вероятно, укрепления.

«Летописец вскоре» — краткий («скорый») хронограф, принадлежащий перу константинопольского патриарха Никифора (конец VIII — начало IX века) и охватывающий основные события мировой истории, начиная с сотворения Адама. Он получил распространение на Руси, где к славянскому переводу прибавлялись и русские известия.

В «Летописце вскоре» патриарха Никифора использована константинопольская эра, по которой от Сотворения мира до Рождества Христова прошло 5500 лет. Отсюда, вероятно, и путаница с числом лет, прошедших с вокняжения князя (должно быть не 15-е, а 20-е лето его княжения).

Автор Никоновской летописи именует этого Дорожа (может быть, по догадке?) Дорофеем Семёновичем (ЗЗ. С. 110).

В оригинале: «в просоки». Слово неясное. Иногда его понимают как имя собственное, географическое название.

В младшем изводе летописи: «полки».

Здесь, как и в других источниках, особенно западных, Суздаль — не город, а название страны. Очевидно, речь идёт о главном городе страны — Владимире.

Его имя среди уцелевших князей не названо; напротив, названо имя его сына Василя, очевидно, заменившего отца в качестве ярославского князя (27. Стб. 469).

Древнерусский город — по-видимому, на реке Южная Случь (приток Горыни), на рубеже Киевского и Владимиро-Волынского княжеств (7. С. 220).

О том же говорится и в Ипатьевской летописи под 1238 годом: «... Михаил бежал из Киева в Угры (Венгрию. — А. К.), наехал Я[рослав], княгиню его и бояр его схватил и город Каменец взял» (28. Стб. 782, прил. С. 87; 7. С. 108). Крупнейший украинский историк начала прошлого века М. С. Грушевский (78. С. 28), а вслед за ним и другие исследователи (7. С. 252; 115. С. 602) категорически отрицают возможность того, что речь идёт о Ярославе Всеволодовиче, и видят в напавшем на Каменец князе кого-то из южнорусских князей. Однако свидетельство на этот счёт Лаврентьевской летописи, кажется, не оставляет сомнений относительно того, какой Ярослав имеется в виду. О том, что в Каменце находился в то время сам Михаил, сообщает Владимирский летописец XVI века (41. С. 90; 143. С. 139).

Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Романовича Старого.

О «Селигерском пути» и местоположении Игнач-креста см.: 151. С. 155–156.

Он больше известен под своим княжеским именем — Ярослав.

То есть князя Андрея Боголюбского, убитого в 1174 году.

«Достоверность этого сообщения, — читаем в современной „Православной энциклопедии“, — подтвердило вскрытие мощей Г[еоргия] В[севолодовича], которое состоялось 13 и 15 февраля 1919 г. Очевидец вскрытия мощей сообщил: „У великого князя Георгия, убитого в бою с татарами... в котором ему была прочь отсечена голова, последняя оказалась приросшей к телу, но так, что можно было заметить, что она раньше была отсечена, так что и шейные позвонки были смещены и срослись неправильно“» (77. С. 88–97).

Ср.: «...Андрею, мужьству тезоимените... Кровью омывсья страданья ти. Аще бо не напасть, то не венець, аще ли не мука, [то] ни дарове. Всякыи бо держася добродетели, не може без многих враг быти...» (27. Стб. 368).

«...Установлено праздновать в этот день князю мученику не без благословной причины, — заметил по этому поводу архиепископ Сергей (Спасский), автор „Полного месяцеслова Востока“, — ибо 4 марта бывает всегда в великий пост» (134. Т. 3. С. 56).

Этот Пётр, по версии позднего русского Жития, был племянником правителя Орды Берке; он ушёл в Ростов и принял здесь крещение. Прославляется Церковью как основатель ростовского Петровского монастыря.

Возможно, от греч. καλός (хороший, добрый) и μοίρб (судьба), то есть «умеющий хорошо предсказывать судьбу».

И. В. Нестеров, признавая Костромское Житие несомненным и главным источником «Китежского летописца», называет ещё ряд его возможных источников, в числе которых — открытая в 1792 году знаменитая надпись на «Тмутараканском камне» (!), и вычисляет даже точную дату создания этого литературного произведения — 1794 год (123. С. 92–101).

Публикуется в переводе.

В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей подступил к Москве и полностью сжёг её, уведя в полон огромное число христиан. На следующий год орды Девлет-Гирея вновь двинулись на Москву, но были остановлены и разбиты русским войском во главе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским у села Молоди в 45 километрах от столицы.

Это условное название дано комплексу документов, включающему в себя Описи владимирского Успенского собора XVII века, краткие летописные выписки по владимирской истории XII–XIII веков и перечни панихид владимирским князьям и епископам (*ср.: 136. С. 107*).

Один из списков Летописца Владимирского собора завершает на этом Родословие великих князей, другой доводит его до царя Феодора Ивановича, последнего представителя династии Рюриковичей.

Этот балдахин заменён ныне новым металлическим на мраморных колоннах иждивением жертвовательницы Анны Александровны Шишкиной. *(Прим. изд.)*

В изданном тексте: «неходя».

В рукописи: «приложно».

В рукописи: «разсторения».

В рукописи: «железным».

Так в рукописи, надо: «польни»? (*Прим. изд.*)

210

Так в рукописи.

В рукописи: «мнучаты».

Так в рукописи.

В рукописи: «поклонение».